

А. А. Дружинина

СИРИЯ

СТАРАЯ И НОВАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. А. Дружинина

СИРИЯ СТАРАЯ И НОВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

91(И5)
Д76

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ
Ответственный редактор
Р. Г. ЛАНДА

Дружинина А. А.

Д 76 Сирия старая и новая. М., Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1979.

200 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга представляет собой путевые очерки, написанные по впечатлениям от пребывания в Сирии в течение нескольких лет. Это одна из первых у нас попыток подробно рассказать о Сирии, ее достопримечательностях, быте, нравах и обычаях, истории самых разных эпох.

Д $\frac{20901-177}{013(02)-79}$ 143-79. 1905010000 91(И5)+9

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

Расположенная на пересечении трех континентов, Сирия испытала на себе влияние великих цивилизаций. На ее территории шел сложный процесс ассимиляции многих культур.

Знакомство с Сирией — это знакомство с историей мира: от каменного века до современности. Здесь все оставляет неизгладимое впечатление. А сколько скрыто еще в недрах земли? Совершенно неожиданно в процессе поисков полезных ископаемых открываются мертвые города.

Путешествие по Сирии захватывает. Неповторимые картины прошлого сочетаются с не менее интересным настоящим. В Дамаске, бывшем некогда центром огромного халифата, простиравшегося от Индии и Кавказа до Марокко и Пиренеев, сохранились остатки тысячелетних цивилизаций. Бросаются в глаза крепостные стены с воротами, башнями и цитаделью, византийская часовня, старейшие христианские церкви, знаменитая мечеть Омейядов, колоритный базар Хамидийе с традиционными восточными лавками и бурлящей толпой, изысканный дворец Азема и незабываемый Национальный музей, где собраны богатые коллекции предметов материальной культуры различных эпох.

На вершинах гор прибрежной полосы, словно призраки прошлого, возвышаются замки крестоносцев. Молчаливы руины Пальмиры. Храмы, колоннады, мраморные бассейны нимф хранят тайну легендарной царицы Зенобии. Древние города Хомс и Хама возникли в незапамятные времена на берегах Оронта (Эль-Аси). Высокая цитадель украшает город Халеб. Большому порту Латакии положили начало древнейшие моряки мира — финикийцы. Остров Арвад — драгоценный камень в лазури Средиземного моря. Римский амфитеатр в Босре до сих

пор принимает до 15 тысяч зрителей. Незабываемое впечатление оставляет посещение римских развалин в Эс-Су-вейде, Телль-Харире, районе так называемых мертвых городов в Северной Сирии. Невозможно перечислить все места страны, представляющие большой исторический интерес.

Но Сирия богата и горда не только своей древностью. Это молодая страна, не чуждая экономическим и социальным устремлениям современности, страна, идущая по пути мира и прогресса.

Наше путешествие по стране начинается с Латакии и ее окрестностей. Далее маршрут пройдет через Халеб, окруженный многочисленными мертвыми городами. Между Халебом и Дамаском лежат три города, сыгравшие большую роль в истории и культуре страны. Это Хама, Хомс и Пальмира. И, наконец, сердце страны — Дамаск в окружении достопримечательных мест.

Кричит муэдзин. Его голос разносится над спящим городом. Вскоре ему начинает вторить другой, и тягучее пение повисает в предутренней тишине. Над горами розовеет небо. Море тихое и спокойное. На набережной появляются рабочие-докеры. На велосипедах и пешком они спешат в порт. Сирены первых автомобилей перемежаются с треском мотоциклов. Начинается трудовой день Латакии.

Поднявшееся солнце освещает рейд самого крупного порта Сирии. На голубой глади моря четко выделяются многочисленные пароходы, ждущие разгрузки, маленькие быстрые катера. Рейд, как обычно, сильно перегружен, несмотря на то что порт располагает вместительными складами, современной техникой. Есть здесь и удобное административное здание с информационным бюро, таможней, залом для пассажиров. В 1956 году закончена реконструкция порта, но он уже сейчас не удовлетворяет современным требованиям. Национальная экономика бурно растет, ежегодно увеличиваются импорт и экспорт. Все большее число стран выражает желание торговать с САР. Суда под флагами многих стран мира стоят у трех причалов.

В феврале 1976 года (в рамках соглашения между СССР и САР) начаты работы по расширению порта Латакии, основного транспортного узла страны. К 1980 году внешнеторговый грузооборот порта должен составить 3,2 миллиона тонн, что превысит нынешний в два раза.

Жизнь порта отражает жизнь страны. Новые веяния оттесняют старые традиции. После провозглашения республики была национализирована крупнейшая транспортная фирма и на ее базе создана государственная компания «Шипко», директором которой является Осман Леббади, сын простого моряка с острова Арвад. На крупные

государственные посты приходят представители народа. Сейчас в результате преобразований, проведенных национальной компанией, порт имеет постоянный штат работников с гарантированной заработной платой, что сказалось на качестве работ.

Каждое утро из ворот порта выезжают огромные грузовики с техническим оборудованием для строек, лесом, машинами и прочими предметами сирийского импорта. Они едут в глубь страны: в Халев, Дейр-эз-Зор, далеко на север, где делает уверенные шаги нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность. Тяжело груженные машины идут к месту строительства плотины на Евфрате.

Суэта, обычный деловой шум, грохот в порту сменяются относительной тишиной: наступает время обеда. Рабочие идут к крану, совершают омовение рук и лица. Постелив платок на землю, они становятся на колени, обращают лицо в сторону Мекки и начинают молитву. Затем не спеша разворачивают узелок с едой: пресная лепешка, оливки, немного лябана (густого кислого молока, которое, как считается, спасает от многих болезней и потребляется сирийцами в больших количествах). Наступает священный час еды. Мелкие торговцы развозят на самодельных тележках «арабские сэндвичи» — лепешки, в которые завернуты мелко нарезанный лук, петрушка и немного мяса. Это самая популярная еда простых людей. На лотках — фрукты, а летом в кувшинах — охлажденный финиковый напиток. Лед колют и кладут в эти кувшины здесь же, прямо на мостовой.

Как в большинстве приморских городов, улицы Латакии бегут от порта вверх, к холму, на котором когда-то стояла крепость крестоносцев. Красные блики поднимающегося солнца играют в окнах домов. Много зданий-новостроек. В последние годы город неузнаваемо изменился. Дома многоэтажные, с ярусами балконов. Первые этажи привлекают внимание многочисленными витринами новых магазинов. Относительно широкие улицы с интересными в архитектурном отношении домами теснят старый город. Но все они направлены к морю, планировка осталась прежней с эллинских времен. История же города уходит корнями в еще более далекую эпоху.

Во времена финикийцев здесь была маленькая гавань. Древние монеты донесли до нас изображение про-

Триумфальная арка в Латакии

ходящего под латакийским маяком корабля, груженного хлебом. Город в ту далекую пору представлял собой центр финикийского государства Угарит и располагался в семи километрах от современного города. Затем им попеременно владели ассирийцы, вавилоняне, персы. Александр Македонский завоевал его после победы при Иссе. Во времена Селевкидов он становится одним из самых крупных в стране наряду с Антиохией, Апамеей,

Селевкийей. Латакийей (Лаодикийей, Лаодикеей) он был назван Селевком I в честь его матери.

Город процветал в эллинистическую и римскую эпохи. Красивые здания, храмы были окружены зеленью садов, виноградников. Старую часть города до сих пор украшает Триумфальная арка, через которую проходили доблестные римские легионы, проезжали колесницы императоров, сопровождаемые рабами, закованными в цепи. Среди фрагментов орнамента арки — каски легионеров, их оружие.

Сохранилась и античная колоннада. С нее открывается вид на город и море. Между стройными колоннами проглядывает небо. В разное время суток круг колонн по-разному освещен солнцем, что создает ощущение вечного движения. Безупречно выбрано место строительства.

В V—VI веках город потрясли два сильных землетрясения, разрушившие многие здания, храмы, колоннады, составлявшие гордость жителей. Страдал город и во время многочисленных новых попыток овладеть им. За него боролись арабские халифы и византийские императоры, тюрки-сельджуки и крестоносцы. На город напали, его грабили, жгли (например, экспедиция кипрского короля Пьера Лузиньяна), но он продолжал жить. Во время французского мандата он становится столицей государства алавитов. Когда же последний французский солдат покинул землю Латакии, город возродился к новой жизни.

Следы прошлых эпох, соседствуя с современностью, создают своеобразие особого толка. В старой части города — узкие улочки, длинные глухие каменные заборы. Под арками время от времени мелькают закутанные с ног до головы в черное фигуры. Этот район сохранил черты первых веков мусульманства. Над лабиринтом улиц и тупичков поднимается самая красивая мечеть города — Мограби, или марроканская, построенная в прошлом веке. Двадцать восемь ступеней ведут вверх. В маленьком дворике — фонтан и остатки античной колонны. Стены молельного зала украшены типично мусульманским орнаментом: переплетаются ветви растений, цветы сказочных садов, но нигде ни одной фигуры человека или животного. Полы мраморные с чередующимся черно-белым рисунком. Вокруг дворика — комнатащ-

Латакия

ки-кельи. Это медресе. За стенами Мограби — старое кладбище. На противоположной стороне улицы — крошечная гостиница со скромными комнатками вокруг двора.

С верхней площадки Мограби открывается вид на всю Латакию. Видны черты нового. Недавно поднялись здания двух факультетов Латакийского университета. Появилось несколько новых гостиниц. Мягкий средиземноморский климат, исторические памятники, морские пляжи способствуют развитию туризма, который в недалеком будущем должен стать важным источником иностранной валюты. Приветливо открыты двери кафе, где восточная кухня представлена во всем ее разнообразии. Увеличился парк легковых машин, ярко окрашенных и громкоголосых.

Как и много веков назад, самое оживленное место города ранним утром — это рынок. Под деревянными навесами, крытыми циновками, разложены горки яблок, апельсинов, лимонов, неперемная зелень, без которой не обходится ни одна трапеза сирийца. Покупатели — в

основном мужчины. Это их семейная обязанность. Жена дома занята заботами о многочисленном потомстве, а муж с сумкой в руке обходит рыночные ряды, сосредоточенно и спокойно приценивается, неодобрительно щелкает языком, ощупывает товар, и все это не спеша, со знанием дела и определенным удовольствием. Мальчишки-продавцы пронзительно кричат, расхваливая свою редиску или баранину. Детские вопли, рыдания ослов, треск моторизованных тележек, вспышки бурной быстро проходящей ссоры создают своеобразный звуковой фон, без которого немислима утренняя жизнь города.

Латакия — самый крупный порт Сирии — переживает сейчас бурный рост. Появляются новые жилые дома и новые крупные предприятия, такие, как прядильная фабрика, деревообделочный завод, самый большой в стране табачный завод (на базе которого создан научно-исследовательский институт), мелкие предприятия по переработке фруктов, орехов и т. д. Однако сознание горожан, их нравы меняются гораздо медленнее.

С заходом солнца город пустеет. Он рано погружается в сон. Светят лишь уличные фонари да окна кофеен, где курят кальян и обмениваются новостями отцы семейств. Освещены и лавки, где даже в поздний час ведется торговля, рассчитанная на прибывающих моряков. Трудно поверить, что набережная всего час назад была запружена толпой гуляющих — целые семейства, стайки хорошеньких девушек и отдельно группы юношей. Если же девушка и юноша идут вместе, то они непременно обручены. На девушку, которая ему нравится, юноша смотрит только издали, не вправе обратиться к ней, а тем более вместе прогуляться по набережной. «Что вы! — воскликнула одна моя семнадцатилетняя знакомая. — Разве можно! Если я хоть раз пройду с каким-либо мужчиной по набережной, меня уже никто не возьмет замуж!» И в глазах ее замер искренний ужас. В Латакии свято сохраняется патриархальность нравов и семейных отношений, вкусов и привычек. Дети любят и чтут родителей, заботятся о них в старости, приезжают, чтобы спросить совета. Родители же зачастую выбирают детям невест и женихов, а те покорно соглашаются. Шофер Мустафа рассказал, что жену ему выбрала мать. И впервые он увидел эту красивую семнадцатилетнюю девочку во время свадьбы. И он добавил: «Остальные

семнадцать лет мучаюсь! Ну что за язык у этой женщины! Что за характер!» Развод же в Латакии — явление исключительно редкое.

Широко отмечают в Латакии многочисленные праздники, как мусульманские, так и христианские (здесь довольно много христиан). Так, на рождество дети из разных уголков страны непременно возвращаются в отчий дом. Обязательно украшается яркими игрушками елка. Радостная атмосфера предваряет наступающий праздник. Рождество встречают дома в семейном кругу, или идут в гости, или в один из ресторанчиков на берегу моря, где всю ночь играет армянский оркестр. Молодежь до утра танцует и веселится. Представители старшего поколения сидят за столиками, мирно беседуя. Где-то в полночь в кругу танцующих остаются лучшие. Мне посчастливилось видеть знаменитую египетскую танцовщицу Надю Гамаль. Ее тело — инструмент, созданный природой для классического восточного танца. Движения — совершенны, но нет в них страсти и огня. В танцах девушек-студенток в праздничную ночь было столько жизни, природной грации, изящества. Они увлекали зрителей не профессионализмом движений, а искренностью, задором, силой и красотой молодости.

Мусульмане отмечают свои праздники с не меньшим энтузиазмом. Один из двух главных мусульманских праздников, *ид аль-фитр*, — праздник разговения, знаменующий собой окончание поста. С восходом солнца во всех мечетях Латакии начинается торжественное богослужение. Пушечный выстрел возвещает о приятной возможности приступить, наконец, к трапезе. Повсюду царит веселье, всюду радостные лица, нарядно одетые дети.

Второй главный праздник мусульман — праздник жертвоприношения (*ид аль-адха*). Он сопровождается приношением в жертву баранов и посещением могил близких и родных. По всей стране транслируются по радио выступления имамов. Ко дню праздника ожидают возвращения паломников из Мекки. Многие дома Латакии украшаются сплетенными в гирлянды ветвями. Здесь торжественно ожидают посетивших Мекку (хаджи).

Латакия интересна не только своей историей, памятниками прошлого и традициями, бурным строительством сегодняшнего дня. Она интересна и своими людьми, и об одном из них хотелось бы рассказать.

На центральной улице стоит красивый каменный дом типично арабской старой постройки. Высокие узкие окна выходят во внутренний дворик с умолкнувшим фонтаном. По мраморной лестнице мы поднимаемся наверх, на второй этаж. После яркого света дня не сразу привыкаем к полумраку внутренних помещений. Кабинет — большая комната с тяжелыми шторами, с люстрой прошлого века, массивными, давно ставшими редкостью креслами. Сырой, непроветренный воздух говорит о том, что эта обитель лишена того уюта, который приносит в дом женская рука. Сквозь стекла огромных стенных шкафов видны книги на самых различных языках.

Габриель Саади вошел в комнату легкой походкой, несмотря на несколько отяжелевшую фигуру. Ему за пятьдесят, голова в седине, серые глаза смотрят приветливо и доброжелательно. Разговор сразу начался о раскопках, к которым он проявляет особый интерес.

Сына очень богатых родителей, Габриеля не интересовали фабрики и вопросы прибыли — дело, которое он должен был унаследовать. У юноши был свой мир — книг, искусства, литературы, музыки. Этому миру он остался верен навсегда. Таких людей А. М. Горький назвал блудными сынами своего класса. Главной страстью Габриеля Саади стала Сирия — история родной страны, археология, музыка. «История подобна памяти человеческой, что-то она оставляет на поверхности, а многое скрывает в своих недрах» — так начал он одну из своих книг. Это «Латакия», написанная не профессиональным ученым или археологом, но тем не менее привлекающая внимание различных кругов именно своим профессионализмом. На книги Саади ссылаются ученые разных стран.

Габриель Саади не только писатель, любитель-археолог, историк. Он известнейший в стране собиратель фольклора, национальных песен. Им собрана самая богатая фольклорная коллекция.

НА АРВАДЕ

Маленький катер бросает с волны на волну. Лицо, руки, одежда — все в морских брызгах. Остров Арвад, к которому мы приближаемся, то исчезает, то вновь появляется на фоне хмурого неба и штормового моря.

На Арваде

Четырнадцатилетний капитан, взяв в руки веревочку-акселератор, уверенно ведет катер по пенным волнам. Наконец, впереди показывается водонапорная башня, двухэтажные домики, казалось, вырастающие прямо из воды, несколько рыбацких шаланд и лодок у причала. Мы пристаем к берегу. Первыми на берег выходят местные женщины, подхватив ребятшек, корзинки и набросив на лицо черную паранджу. За ними следуем и мы.

Есть в Сирии отдаленные уголки, где старые обычаи, традиции, уклад сохраняются в первозданном виде, но где в то же время новое уверенно пробивает себе путь. В этом отношении характерен Арвад — остров, расположенный недалеко от Тартуса, второго по значению порта Сирии.

С первых же наших шагов по острову заговорила история. Рядом с маяком вытянулась вверх древнеримская колонна. Новенький волнорез упирается в монолитную стену крепости крестоносцев. На светло-желтом камне четко выделяются черные щели бойниц, смотрящих на море.

В кофейне на берегу несколько человек сидели за столиками. Это капитаны и матросы небольших суденышек, только что совершивших рейс на Кипр. У ног одного из них стоял кальян. Остальная компания коротала время за бутылкой араки. На столе тарелочки с традиционной меззой — закуской из свежего лука, маринованного перца, жареного картофеля, мелко нарезанного, сдобренного специями сырого бараньего мяса, орехов и т. д.

Мы заказали по чашечке крепкого кофе. В окно была видна крошечная набережная, лавки, торгующие сувенирами. Покупателей не было видно. Они обычно появляются в туристский сезон. В гавани заканчивали покраску новенькой рыболовецкой шхуны. Многочисленные ребятишки играли у самой воды, полной мусора, щепок, старых целлофановых пакетов, водорослей и прочего, что каждодневно прибывает морской волной. Рыбаки чинили сети. От картины этой веяло спокойствием и тишиной. Трудно было поверить, что маленький остров с его патриархальным бытом мог играть сколько-нибудь серьезную роль в жизни Востока.

Впервые Арвад упоминается в Библии, в Книге бытия. Он был заселен финикийцами, народом мужественным, оказывавшим сильное сопротивление различным завоевателям. Слава финикийцев Арвада была славой мореплавателей и кораблестроителей. В надписи на камне Тиглатпаласара I повествуется о том, как, завоевав многие страны, ассирийский царь дошел до острова, наложил дань на его жителей и плывал по Средиземному морю на арвадском корабле. Финикийские суда совершали длинные переходы. С Арвада в Египет шли корабли, груженные медью, знаменитыми тканями, пряностями. Арвадские купцы бойко торговали с Кипром, и их влияние распространялось вплоть до Оронта и Евфрата. Древний порт, разделенный на две части молотом, принимал гостей с островов Эгейского моря, познакомивших арвадцев с произведениями древнеэгейского искусства.

Арвадцы были и бесстрашными воинами. Объединившись с хеттами, они приняли участие в знаменитой битве против египтян при Кадеше. Когда остров попал в руки персов, Ксеркс не замедлил воспользоваться блестящими качествами местных мореплавателей, включив их

флот в свой и двинув его на Грецию. Поднялась страшная буря, как бы предвещавшая грядущую беду. Морской бой при Саламисе окончился поражением персидского войска. Напрасно женщины Арвада ждали своих мужей на стенах крепости. Почти все воины погибли у чужих берегов. Яркую картину этого сражения дал Эсхил, греческий драматург и участник битвы:

...Тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых скрылась гладь морская,
Покрылись трупами убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило.

В римскую эпоху начался закат острова Арвада и расцвет материкового города (ныне Тартуса).

Идем по одной из самых узких арвадских улочек. Каменистая почва, каменные здания и заборы. Лишь изредка вид оживляется одиноким апельсиновым деревом. Остров небольшой, свободной земли нет. Одноэтажные и двухэтажные домики передаются по наследству. Из поколения в поколение жители не особенно охотно покидали Арвад.

День начинается с молитвы, разносящейся из репродуктора на минарете. Живут здесь мусульмане-сунниты (2500 человек). Однако многие улицы сохраняют христианские названия, что еще раз напоминает о бурной истории острова. Из тесной улочки доносится перестук молотков. Двери маленьких мастерских открыты настежь. Работают в основном пожилые люди. Ребятишки плещутся в воде. На наших глазах шестилетний малыш, придерживая на плечах годовалого брата, поплыл в море. Невольно вспоминаешь, что Арвад был родиной знаменитого мирового чемпиона по плаванию на дальние дистанции Мухаммеда Зейтуни.

Внутри крошечных двориков, стиснутых заборами, женщины занимаются своими делами. На окнах и верандах многих домов — густые деревянные решетки, наследие прошлого. Изредка за ними мелькают тени. Нас явно рассматривают, но мы не видим ни лиц, ни фигур: истинная мусульманка должна скрываться от посторонних взглядов. Будучи приглашенными в гости, идем к большому дому, типично арабскому. «Здесь жила когда-то наша семья, — говорит Хасан Сабра, начальник служ-

бы эксплуатации порта Тартус.— Отец мой был крупным судовладельцем на Арваде, имел 19 детей и, чтобы не расплыть состояния, запретил браки вне своей многочисленной семьи. Дети его выходили замуж и женились на своих двоюродных братьях и сестрах. Я первый нарушил этот запрет, взяв девушку из Тартуса. Отец умер. Многочисленная семья распалась. Много событий и перемен произошло на острове за это время. Дом этот принадлежит всем и в то же время никому. Сейчас никто не хочет в нем жить. Дети разъехались. Я стал инженером и остался работать в порту».

С начала века на острове шла бурная ломка патриархального быта, и примером этого служила судьба семьи Сабра. С портрета, висевшего в одной из комнат, на нас смотрело лицо властного и уверенного в себе человека. Кое-какие его черты напоминали черты Хасана. Под этим строгим и назидательным взглядом мы следовали из одной комнаты в другую. После смерти хозяина здесь почти ничто не изменилось. Мебель начала века. Резные деревянные буфеты и платяные шкафы, зеркало в изящной раме — все говорило о прошлом достатке. Но на всем лежала печать запустения. Солнечный свет слабо проникал сквозь запыленные высокие окна. Через открытые двери проникал легкий освежающий ветерок с моря.

Нас пригласили на женскую половину. Восклицаниями встретила гостей пышная женщина лет тридцати в свободной белой рубаше. Всплескивая руками, удивленно и радостно спрашивала, почему не предупредили о приезде. На полу, на тюфяке, сторбившись и подобрав по-восточному ноги, сидела сухонькая старушка в сером бесформенном одеянии. «Ей уже больше девяноста лет», — шепнули нам. Возраст чувствовался и во взгляде женщины, тупом и безразличном, направленном в одну точку. Мужские руки подхватили старуху, еще мгновение — и она исчезла где-то во внутренних комнатах: зрелище старости не должно было омрачать взор гостей. И казалось, что вместе со старушкой прятался, исчезал, растворялся старый мир.

Мы пили из маленьких чашечек крепкий кофе, смотрели на море, на желтую полосу видневшегося вдалеке берега с мечетями и домами Тартуса, вели разговор о подводном плавании и охоте, условия для которой здесь

идеальны, а также о всяких местных проблемах. Наше внимание привлек тот факт, что население острова представлено в основном юными и пожилыми людьми. Оказалось, что это действительно так и имеет свои причины.

До второй мировой войны небольшие арвадские суда пользовались большим спросом. В странах Средиземного моря их охотно покупали. Но наступил век крупных сухогрузов и танкеров, которые быстро вытеснили меньших собратьев. «В те годы,— рассказывал нам Хасан Сабра,— наш остров пережил кризис. Часть населения эмигрировала. Молодежь подалась в крупные города Сирии. Моряки нанимались на суда различных стран мира. Как правило, их до сих пор в любом порту принимают на работу в первую очередь как самых смелых, выносливых и опытных». «Одним из них был и я,— добавляет Мустафа Табала, шипшандлер из Тартуса.— Молодым парнем нанялся на пароход. Работал матросом, затем мотористом. Ходил на норвежских, греческих, итальянских судах. Перевидел немало. Был в Швеции и Франции, посетил наш знаменитый мусульманский Тадж-Махал в Индии, побывал и в плену. И вот через много лет вернулся на родной остров. Женился на местной девушке, родила она мне шестерых детей. Живем сейчас в Тартусе, где я работаю, но почти каждую пятницу езжу на Арвад к моей старой матери. Она сейчас одна, отец давно умер. В жизнь мы сами выбивались. Сестру выдали замуж за ливанца. А брат, тоже моряк, работая на шведском судне, влюбился в радистку, женился да так и осел там, в Швеции, живет с Стокгольме. Мечтает приехать в гости на родной остров». Жизнь разбросала многих арвадцев, но они верны своей привязанности к дому.

После революции жители острова приняли активное участие в жизни республики. Именно капитаны-арвадцы выполняли на своих катерах наиболее опасную работу в период необузданного половодья Евфрата, когда началось строительство плотины на Табке. Немало выходцев с острова среди грузчиков портов Сирии. Директор государственной компании «Шипко» в Латакии Осман Лебади — сын моряка с Арвада.

Коснулись острова и политические, и экономические, и культурные перемены. Здесь проложен новый водопровод,

появилось электричество. Сюда доставляются из Тартуса газеты и журналы. Для ребятишек построена новая светлая школа. В один из своих приездов мы познакомились с уроженцем этих мест профессором Дамасского университета Ахмедом Асаном. Сухощавый, подвижный, с тонким интеллигентным лицом, обаятельный профессор с увлечением рассказывал о родном острове и его рыбных богатствах. Ахмед Асан собрал ценнейшую коллекцию рыб Средиземного моря. Затем заговорили о молодежи. Профессор, посетовав, что современный студент слишком самоуверен, мало уважения проявляет к старшим, тем не менее отметил, что он ныне более начитан и развит, чем раньше. Вместе со своими воспитанниками Ахмед Асан, геолог по образованию, часто выезжает на север Сирии, где при его участии ведется поиск полезных ископаемых, столь необходимых для промышленности развивающейся страны.

Наступил вечер. Солнце понемногу опускалось, окрашивая все в голубые и сиреневые тона. На маленьком отводном канале мальчишки удили рыбу, приобщаясь к труду, который станет основным в их жизни. По дороге к причалу мы заглянули в один из домов, построенных где-то в XVIII веке, а может быть, и раньше. Маленькая комната имела мрачноватый вид. Штукатурка облупилась. В единственном окне не было стекол. На большой кровати сидели трое ребятишек. Один из них приболел. Родителей дома не было. Крошечный двор чисто выметен. В углу остывший глиняный очаг. Недалеко от дома кружком сидели рыбаки. Одни плели сети (лучшие в стране), другие готовились к вечернему лову. Работали быстро и молча. Единственное, что есть на острове в избытке,— это рыба. На каменистой почве не растут сады, нет огородов. Мелкие кустарные мастерские не способны обеспечить потребности жителей острова. Одежду, продукты и прочее необходимое везут сюда из Тартуса, рыбу же отсюда доставляют в Дамаск, Хомс, Халеб и другие города Сирии, а также в Ливан. Рыбные запасы Средиземного моря скудеют. Цены на рыбу поднимаются из года в год. И только веками отточенное мастерство арвадцев помогает обеспечить хорошие уловы. В ближайшем будущем государство планирует создать на острове рыболовецкий флот из новых, хорошо оснащенных судов. В этом направлении уже делаются первые шаги.

Необходимо поставить на промышленную основу и переработку рыбы.

Основное положение Конституции страны гласит: «Сирия — страна с социальным укладом хозяйства, основывающимся на принципах планирования и имеющим целью положить конец всем формам эксплуатации». Свой вклад в строительство новой жизни вносят и жители Арвада.

Солнце наполовину погрузилось в море. Его свет кровавыми бликами отражался в стеклах домов, кофеен, лавок. Вечерняя тишина охватила остров. И только около лодок было оживленно. Скоро вечерний лов. Лодки уйдут далеко в море. В сумерках растают очертания домов. Долго будут видны лишь огромные рыжие камни финикийской стены, ограждавшей некогда город.

ДЖЕБЛА

Провинциальный небольшой городок Джебла, основанный также еще финикийцами, знаменит могилой и мечетью Султана Ибрагима (VIII—IX века) и римским театром. Говорят, что назван он был в честь местного царя Джабилеха. Сейчас вплотную к древнему городу подступают огороды, поля, сады. Говорят, что в Сирии помидоры, как везде, в Джебле же — необыкновенные: «из одного килограмма помидоров — пять килограммов сока». Поэтому и вырос здесь завод по производству овощных консервов. Недалеко от города строится крупная табачная фабрика. Город, таким образом, оказывается втянутым в орбиту промышленных новостроек страны. У въезда в него — белый камень с выразительной надписью: «ПАСВ (правящая в стране Партия арабского социалистического возрождения.— А. Д.) — наш путь».

Лабиринт улиц. Старьевщик, сидя прямо на асфальте среди разложенного товара, критически разглядывает на свет старые штаны. А в двух шагах от него за колючей проволокой поднимается рыжая, изъеденная непогодой и временем стена римского театра, к которому здесь привыкли и на который не обращают внимания. Когда же сюда попадают редкие туристы, то какой-нибудь восьмилетний Абдалла со всех ног бросается разыскивать ува-

жаемого зрителя. И тот бежит с ключами в руках, открывает калитку и вежливо приглашает следовать за ним.

Пройдя сырым проходом под аркой, турист попадает в светлую раковину театра. Разыгравшаяся фантазия рисует ему картины гладиаторских боев, травли диких животных, клетки которых он увидит у себя под ногами, битвы на арене при свете факелов, то есть все то, что действительно происходило в этом залитом солнцем и поросшем бурьяном театре.

Приезжие мусульмане спешат посетить мечеть Султана Ибрагима. Абу Исхак Ибрагим, балхский князь, отказавшись от власти и богатства, встал на путь религиозного подвижничества. Суфий, нищий, фанатик, он завершил свой жизненный путь в Джебле. Жизнь его была полна страданий, гонений, нищеты, людской травли. Когда же он умер, началось массовое поклонение его могиле, над которой выросла мечеть. Она стоит до сих пор. Только после недавнего землетрясения рухнул минарет и слегка обгорело дерево в углу двора.

В мечети прохладный полумрак, полы застланы циновками и коврами. Мне дают длинный балахон и платок на голову, которым я тщательно закрываю лоб, большую часть лица, и, босая, вхожу внутрь. Сквозь цветные витражи узких окон льется свет, падает на пол, на головы молящихся. Несколько в стороне надгробие Султана Ибрагима. Оно покрыто многочисленными приношениями — шелковыми платками всех цветов. Рядом стоит молодая женщина с печальным лицом, видимо, крестьянка из ближней деревни. Взгляд ее устремлен в одну точку. Пророку Мухаммеду приписывают изречение: «Когда вас приведут в отчаяние обстоятельства, ищите помощи у лежащих в могилах». Такого утешения, видимо, ищет и молодая женщина.

Деньги мгновенно исчезают в руке провожающего нас старика, и теперь он равнодушно смотрит мимо. Во дворе мечети играют ребятишки, с удовольствием позируют перед фотоаппаратом: придерживая одной рукой спадающие штаны, пристально, не отрываясь, глядят в объектив. Около желоба с водой юноша моет ноги, затем лицо. Только после этого он приступит к молитве.

К мечети примыкает здание старой бани с куполом. «Сколько лет она здесь стоит?» — спрашиваем мы Саи-

да Асада, уроженца этих мест. «Не знаю, этого уже никто не помнит, может, 500, а может, и больше». Сегодня женский банный день, и мне предоставляется возможность спуститься вниз по старым каменным ступеням. Навстречу идет молоденькая, пышущая здоровьем и чистотой женщина. Она вся в черном, но даже этот цвет не может заглушить той радости и полноты жизни, которые излучает ее милое лицо. В вестибюле бани (если можно так выразиться) небольшой бассейн с прохладной водой, куда некогда, вероятно, окунались после горячей бани. Но сейчас здесь плавают обрывки бумаги, огрызки яблок. На скамьях отдыхают уже одетые женщины. Старая банщица в длинных нечистых шароварах и бесформенном платье, с головой, замотанной чем-то серым, устало дремлет на скамье.

Баня у мечети, возможно, сооружена в первые века ислама, когда многие традиции греко-римского мира постепенно входили в быт арабов. Затем, по выражению швейцарского востоковеда Адама Меца, «горячка банных дел получила наибольшее развитие в Сирии».

Входим во второе помещение бани, где женщины одеваются. Движения ленивы, разговор нетороплив — о том о сем. Окон нет. Свет и воздух поступают через небольшие круглые отверстия в куполе. «Пожалуйста, пожалуйста, заходите», — весело приглашает нас розовощекая женщина в подоткнутом коричневом платье. Пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкий свод, мы переступаем порог. В клубах пара сидят обнаженные до пояса женщины. В основном это матери семейств, с оплывшей фигурой и грудью, выкормившей не одного ребенка. Некоторые расположились на каменной скамье в центре, другие — прямо на полу, по которому течет вода; здесь же валяются апельсиновые корки. Зажав ребенка, мать намыливает ему голову. На вошедших смотрят с живым любопытством. Серые стены бани покрыты многовековой сыростью. В дальнем углу — маленькие комнатушки-парильни. Сквозь густейшие облака пара едва проглядываются тела. Но туда мы не решаемся идти, несмотря на приветливые приглашения со всех сторон.

Мы поднимаемся наверх, и воздух кажется нам особенно свежим. Под лучами весеннего солнца после недавних проливных дождей скверик у мечети покрылся буйной травой. Под деревом, сидя на земле, отдыхает

женщина средних лет. Мы фотографируем на память мечеть, а женщина в это время испуганно прикрывает лицо черным платком, боясь попасть в объектив. Джеб-ла находится всего в 45 км от Латакии, крупнейшего современного порта Сирии, но, несмотря на эту близость, влияние мусульманских традиций ощущается здесь несравненно сильнее.

На набережной бегают ребятишки, спустившись к большим камням у кромки воды, ловят рыбу. На приколе стоит множество ярко окрашенных лодок. Обломки лежащих колонн напоминают о прошлых цивилизациях. Старая мечеть у моря совсем вросла в землю. Она не действует и не реставрируется, являясь лишь напоминанием о тех временах, когда убитых в морских сражениях мусульман предавали земле около таких маленьких приморских мечетей. К набережной подходит строй двухэтажных домов. Узкие улочки, тесные проходы ведут в глубь города. Нигде ни кустика, ни дерева. Преобладают два цвета: голубой — моря и рыжий цвет старой известняковой кладки.

Учитель местной школы Джамиль пригласил нас после осмотра города зайти к нему в гости. Мы с удовольствием согласились.

Маленький домик на окраине Джеблы. Ничем, кроме затейливых железных решеток на окнах, не отличается от других. Нас приветливо встречает хозяйка. Одеты по-домашнему: в длинных красных байковых штанах, поверх которых синяя юбка и желтая кофта. Как правило, сирийские женщины любят броские цвета.

Гостеприимство — основной закон сирийского дома. Между женщинами начинается традиционный разговор: «Как себя чувствуете? Как дети? Как муж? Как поживает тетя?» — «Спасибо, слава Аллаху, все хорошо».

Интерьер квартир одинаков. Обязательный «салон», где стоят кресла, диван и маленький столик для кофе. Кресла могут быть в стиле рококо, с деревянными розочками и яркой бархатной обивкой, могут быть просто деревянными или металлическими. На полу — ковры, сирийской фабричной или бесценной ручной работы, или просто домотканые половики. Все зависит от семейного достатка. Но угощение во время короткого визита везде одинаково: фрукты, чашечка кофе или чаю, иногда конфеты. Существует и строгая гостевая этика. Если гости

не приглашены специально, они постараются уйти до вечерней семейной трапезы. Мы коротали время за разговором. Опускался вечер, и нужно было скорее возвращаться в Латакию, так как ночная езда по дорогам Сирии небезопасна. С улицы прибежали ребятишки. Старший мальчик поздоровался со всеми, а у самого старшего гостя, который приходился ему дальним родственником, поцеловал руку. Иногда руку гостя прикладывают ко лбу в знак особого уважения. Дети с любопытством рассматривали нас, иногда смущенно отводили взгляд. Как правило, в арабских семьях много детей, но нигде и никогда в Сирии мы не видели, чтобы ребенок кричал, сучил ногами или чтобы мать униженно упрасивала его покушать. В ребенке с детства воспитывают здесь уважение к старшим, особенно к отцу, который до самой смерти остается непререкаемым авторитетом. И, видимо, это один из столпов, на котором держится традиционно крепкая сирийская семья.

Мы садимся в машину. На улицу высыпают любопытные соседи. Солнце расплавленным шаром окунается в море. Еще несколько минут — и наступит темная южная ночь. Надо спешить.

ТЕАТР В ДЖЕБЛЕ

Жители современной Джеблы до раскопок 1950 года и не подозревали, что владеют сокровищем — уникальным театром римской эпохи, скрытым под слоем земли.

Массивное сооружение стоит на равнине, в то время как большинство римских театров строилось на склонах. Рыжая каменная стена примыкает к маленькой базарной площади, куда съезжаются крестьяне из окрестных деревень. На многочисленных лотках разложены овощи, фрукты, зелень.

Абу Бедир, смотритель театра, узнав, что мы русские, не захотел взять деньги за вход и с удовольствием начал рассказывать о своем сыне, который учится в Электротехническом институте в Москве: «Мой сын будет инженером!» На лице старика появляется радостная улыбка. Он полон гордости за своего первенца: «Бедир любит вашу страну и много нам о ней рассказывает,

когда приезжает на каникулы». Продолжая разговаривать, мы входим под арку, минуем двойное кольцо сводчатых коридоров. Здесь сумрачно и тихо. Когда-то этот проход освещали масляные светильники. Об этом напоминают вырубленные в скале маленькие ниши. Наконец мы выбираемся на свет и перед нами открывается чаша древнего театра. Садимся на нагретую солнцем скамью.

Сейчас мы единственные зрители и получаем невыразимое наслаждение от театра, застывшего в тишине, нарушаемой лишь жужжанием пчел. Площадка, где когда-то выступали гладиаторы, густо заросла травой, из которой выглядывают желтые головки цветов, по форме напоминающих ромашки. Сочная зелень и теплый цвет известняковых скамей сливаются в гармоничное целое. Узкая лестница прохода ведет вниз к сцене. Когда-то она была богато декорирована, но сейчас сильно разрушена. Время и землетрясения разметали серые и красные гранитные колонны. Сюда они были доставлены из Египта и Греции. Среди травы резко белеют каменные капители, украшенные пальмовыми листьями. Строители театра многое позаимствовали у греков. В частности, элементы яркой, многокрасочной архитектуры, так соответствующей природе этих мест. Ослепительно-белые мраморные колонны чередовались с красными гранитными. Они сияли на солнце, перекликаясь с голубизной средиземноморского неба и серо-зелеными сирийскими горами на горизонте. Все это создавало светлое и радостное настроение. Театр мог принять одновременно восемь тысяч зрителей (что, кстати, говорит о размерах города). Накануне праздничного дня на известняковых стенах домов появлялись надписи, извещавшие жителей Джеблы о предстоящем представлении. Народ начинал собираться рано утром, чтобы выбрать места получше. Нижние скамьи занимали почетные граждане. Простой люд теснился выше. Близость моря обеспечивала прохладу. Любимым развлечением жителей Джеблы были гладиаторские бои.

Покинув залитую солнцем раковину театра, мы попадаем в мрачные каменные помещения, куда едва пробивается свет сквозь небольшие квадратные отверстия в потолке. Именно здесь и жили гладиаторы. Охваченные предсмертной тоской, они мерили шагами каменную

клетку. Накануне сражения накрывался праздничный стол и задавалось пиршество. О начале сражения возвещали звуки труб. Через специальные ворота, сейчас заваленные плитами, гладиаторы выходили на арену. Вооруженные кинжалами и кривыми мечами, они начинали парадное шествие. Их мужественные лица, упругая походка вызывали восхищение. В этот момент зрителям было все равно, кто перед ними: раб или преступник, осужденный на смерть. Силу и мужество борцов поэты прославляли в стихах, их образы запечатлевали местные мастера чеканки.

Толпа подстегивала сражавшихся криком. Малодушья не прощали. Захлебываясь в крови, раненые просили о пощаде, но зрители были неумолимы. Раскаленными щипцами и плетью прислужники поднимали упавшего, и вновь на скрещенных мечах играл кровавый отблеск.

Любовь к острым ощущениям вызывала к жизни самые разнообразные зрелища. В левом углу амфитеатра разрушились третий и четвертый ярусы. В образовавшиеся провалы хорошо видны глубокие каменные мешки, где помещались дикие звери. В нужный момент их пустили по узкому проходу, спрятанному под каменными скамьями. Поднималась железная решетка, и на арену выбегали львы, тигры, шакалы. Начиналась знаменитая травля диких зверей.

Первые христиане Сирии подверглись особенно суровым гонениям, нередко их бросали на растерзание зверям. Устраивались в этом театре и публичные казни. Осужденных распинали на кресте, жгли на кострах. Среди многочисленных помещений амфитеатра сохранились и карцеры, где сидели в колодках наказанные рабы.

Вернемся, однако, к публике, заполнявшей театр. Приятные ощущения она продлевала в банях, расположенных рядом с театром. Сохранились четырехугольный бассейн и несколько помещений, куда по трубам подавали воду. Бани были также местом, где обсуждались текущие события и городские сплетни.

Осматривая все уголки театра, мы попали под арку у сцены, почти незаметную со стороны ярусов, откуда шел ход, продвигаться по которому в настоящее время почти невозможно. Это начало знаменитого подземного

туннеля, ведущего к морю. Когда враг подходил к городу, театр превращался в осажденную крепость. Жители, захватив скарб и детей, спешно покидали свои жилища и скрывались за прочными стенами театра. Камнями закладывались арки. В случае же необходимости через потайной ход можно было отойти к морю под самым носом ничего не подозревавшего врага.

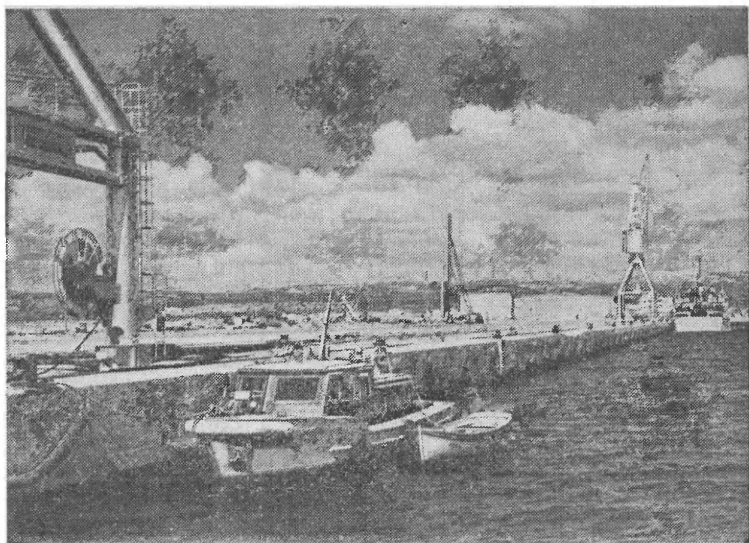
Проблема воды никогда не возникала: до сих пор на территории театра сохранились многочисленные колодцы. Распугивая летучих мышей, мы пробираемся к четырехугольному, обложенному камнем отверстию бывшего колодца и заглядываем внутрь. Воды, к сожалению, уже нет.

Шли годы. В период мусульманских завоеваний театр потерял свое значение. В VII веке рядом с ним выросла мечеть, на постройку которой пошли плиты ярусов. Вскоре вообще забыли о существовании театра. И лишь недавно уникальное сооружение обрело новую жизнь. Развитию туризма в Сирии уделяется немалое внимание. По словам Абу Бедира, с которым мы тепло прощаемся, правительство предполагает реставрировать театр. Отрадно думать, что в ближайшее время сюда проложат тропу многочисленные туристы.

ВТОРЫЕ МОРСКИЕ ВОРОТА СИРИИ

Волны с шумом набрасываются на грязный и унылый пляж. Сиротливо стоят маленькие летние коттеджи с плотно закрытыми ставнями. Порывы ветра налетают на город, на рыжие камни средневековой крепости. Серые тучи висят над Тартусом. Летний сезон кончился. Отдыхающие отбыли. Город периодически закрывается серой пеленой дождя. Но в те редкие моменты, когда в прорывах между тучами появляется солнце, глазам открывается панорама типично сирийского провинциального города: с мечетью, вросшей в тело древней стены, с аркой античных ворот, современными неширокими улицами, застроенными трехэтажными домами с непременными лентами длинных балконов, и обширными оливковыми садами, бегущими от города вверх в горы.

Древний город назывался Арвад, или Антиарвад, в связи с его расположением напротив города-острова Ар-

Порт Тартус

вада. Население его рано было обращено в христианство. С той поры сохранился собор Тартусской богородицы, превращенный сейчас в городской музей. В 1099 году город захватили крестоносцы, которые построили крепость с трехметровой толщины стенами с бойницами, жилыми помещениями, залом для приемов. В руках крестоносцев город оставался до 1285 года, когда в одну из ночей через потайную дверь прибрежного каземата рыцари выбрались из крепости, чтобы сесть в лодки и отбыть на Кипр. Таковы фрагменты истории небольшого городка.

После того как сирийский народ обрел независимость, для жителей Тартуса началась новая жизнь. Город является вторым морским портом страны. Роль его в экономике Сирии велика. Отсюда экспортируются хлопок, табак, шерсть, кожа, металлы. Недавно со специального причала на пароходах Венгрии и Румынии начали вывозить фосфат.

На Тартусский порт падает и большой процент импорта страны. Это продукты питания, синтетические тка-

ни, металлы, красители, машины, оборудование, фаянс и прочее. Здесь частые гости — советские пароходы «Профессор Кудревич», «Новоржев», «Сыктывкар» и другие. Наша страна проводит твердую линию на расширение сотрудничества с САР. Оказывая ей экономическую помощь, Советский Союз вносит значительный вклад в повышение экономического потенциала Сирии. В соответствии с межправительственными соглашениями сотрудничество направлено на активное развитие ведущих отраслей экономики страны: энергетики, нефтяной промышленности, железнодорожного строительства, ирригации, строительства объектов химической, легкой и пищевой промышленности.

В каюте капитана «Мурома» Виктора Петровича Смирнова атмосфера искреннего гостеприимства. Здесь можно встретить Хасана Сабру, начальника эксплуатационной службы Тартуса, главного стивидора Ибрагима Хаддада, представителей фирм, просто друзей с соседнего советского судна. Проблемы решаются в непринужденной обстановке, что наилучшим образом отражается на работе, ибо сирийцы, доброжелательные по натуре, высоко ценят гостеприимство и внимание. Гудки пароходов, перемежающиеся шумом и лязгом, проникают в каюту. Рабочие грузят на платформы металлоконструкции для крупнейшей стройки Сирии — Евфратской ГЭС и самой крупной на Ближнем Востоке после Асуанской плотины.

Через Тартус осуществляются торговые связи не только с Советским Союзом, но и с такими странами, как ГДР, Япония, Ливан, Греция. Удачное географическое положение дает возможность активно использовать порт для транзитных операций по перевалке грузов европейских стран на Иорданию, Саудовскую Аравию, Кувейт. Порт Тартус расширяется, так как увеличивается торговый оборот Сирии. Увеличивается и сеть автомобильных дорог, связывающих Тартус с крупными городами страны.

На борту «Профессора Аничкова», стоящего у причала, курсанты морского училища. Они с интересом разглядывают город, начало которому положили еще финикийцы. В местном музее они знакомятся с археологическими находками последних лет, с произведениями местных художественных ремесел. Тартус овеян романтикой

столкновений, жестоких и многочисленных, между арабами и крестоносцами. Памятником тех лет является крепость Маркаб, стоящая на вершине ближайшей горы. Она неотделима от истории Тартуса и от его пейзажа. Юным курсантам, естественно, хочется побывать в ее стенах. В один из таких солнечных дней мы отправляемся с ними на экскурсию.

«Рафик» уверенно идет по дороге. Осталось позади селение с мечетью и одноэтажными домиками за глухими заборами. Кудрявые черноволосые дети продолжают некоторое время бежать за автобусом, пока им не надоедает это занятие. Навстречу нам с горы ползут ослики, до предела нагруженные мешками. Курсанты деловито щелкают фотоаппаратами. Змеевидная дорога подползает, наконец, к воротам крепости. Из них выходит древний старик в простой рубахе и крестьянских широких штанах, мода на которые не перевелась, видимо, с тех пор, как в Средиземноморье мужчины стали носить панталоны. Приветливо улыбаясь, он открывает дверцу в огромных воротах. На каменном мосту еще не стерлись временем следы копыт лошадей, на которых въезжали в крепость рыцари ордена святого Иоанна. Смыслом жизни рыцарей была война, следы которой несет каждый камень крепости. Непрерывные битвы определили своеобразие Маркаба. На западе и севере — отвесный крутой обрыв, на востоке — глубокая долина, за ней начинается цепь гор. На юге острый гребень образует полуостров.

Крепость была тщательно укреплена. Первая линия стен имела круглые башни с узкими бойницами, через которые врага осыпали стрелами, лили кипяток, горящую смолу, бросали камни. Вторая линия защитных стен сейчас, к сожалению, уже разрушена. По каменному мосту мы поднимаемся в башню, чтобы оттуда попасть в сводчатый зал. Затем выходим во двор, где старичок приглашает нас к колодцу, вырубленному в базальтовой скале. Удар по железной крышке причудливым эхом разносится по крепости. Во всех колодцах до сих пор есть вода.

Жилые помещения Маркаба поражают своей аскетичностью. Здесь сумрачно и холодно. Свет пробивается через небольшие отверстия в потолке, которые служили и своеобразным телефоном, передающим информацию на

разные этажи крепости. Сохранилась длинная трапезная с потухшим очагом в углу, базилика храма, где рыцари молились. Верность богу, сила и храбрость считались их основными достоинствами.

Маркаб — это бесконечный лабиринт строений, подсобных помещений, конюшен, в которых содержалось более тысячи лошадей. За толстыми стенами жизнь протекала спокойно на протяжении долгих лет. Взять этот неприступный замок смог только султан Калаун, использовавший новейшие достижения техники тех лет. Он, в частности, применил примитивные мины, с помощью которых разрушил одну из наружных башен.

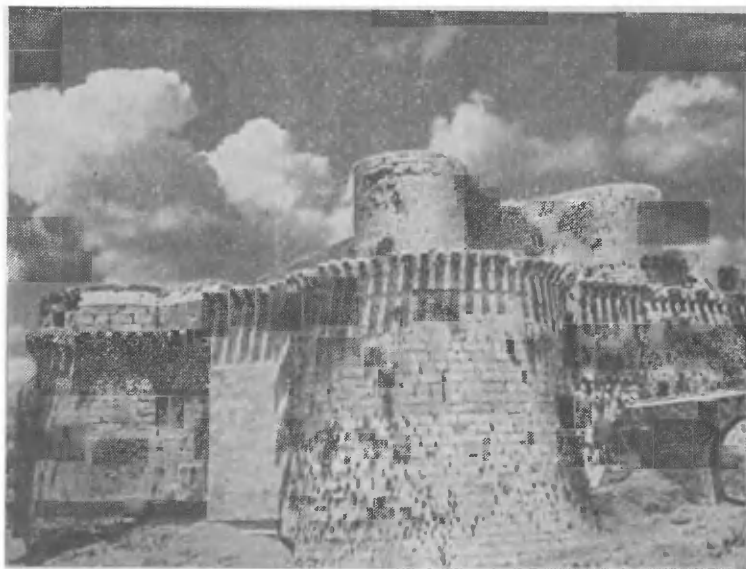
С верхней площадки крепости хорошо видна гряда холмов, сбегаящих к морю. На последнем — сторожевая башня. По живущей до сих пор легенде, башня связана с Маркабом подземным ходом, который выходит к морю. По нему и бежали крестоносцы в трагическую для них весеннюю ночь 1285 года. С вершины горы видны корабли, стоящие на рейде, кажущийся маленьким Тартус и бесконечный морской простор.

КРАК ДЕ ШЕВАЛЬЕ — ЗАМОК РЫЦАРЕЙ

Сирия — единственная страна на Востоке, которая сохранила замки крестоносцев. Они возвышаются на побережье и в горах, представляя своеобразную архитектуру, являясь памятниками далекого тревожного времени битв и религиозного фанатизма знаменитых крестовых походов.

Приблизившись к замку Крак де Шевалье, забываешь на мгновение, что живешь в XX столетии. Узкий подъемный мост, железные ворота, многочисленные переходы, башни заставляют забыть действительность. Кажется, что вот-вот услышишь звук лошадиных копыт, звон мечей и голоса рыцарей.

Крак де Шевалье — единственный в Сирии реставрированный замок крестоносцев. Стоит он на оживленной магистрали, в 25 километрах от дороги Латакия — Хомс. Цитадель возвышается на горе, с которой открывается вид на большое пространство вплоть до моря. Место было тщательно выбрано древними архитекторами. С верхней площадки можно видеть любое движение по

Крепость Крак де Шевалье

дороге Триполи — Хомс и хорошо просматривается долина Бекаа в Ливане. С каждой башни крепости открывается широкая панорама типично сирийского пейзажа. Крепость, как и многие другие, представляет собой смешение стилей и вкусов разных эпох. Историки говорят, что когда-то она называлась Крепостью курдов. Арабский эмир Хомса в 1031 году создал здесь курдский военный пост, который следил за дорогой в Триполи. Более далекие сведения о крепости относятся ко времени древнего города Шабтуна, упоминаемого в египетских текстах. О нем напоминает горный ручей Нахр аш-Шабтех, который берет свое начало недалеко от крепости. Как утверждают древние тексты, город был основан великими древнеегипетскими завоевателями — фараонами XVIII династии и пережил период расцвета при Рамзесе II. Но никаких фактических следов тех далеких времен не осталось.

Крестоносцы прибыли сюда в 1110 году и, оценив по достоинству местонахождение старой крепости, присту-

пили к строительству новой. Обосновавшиеся здесь рыцари ордена госпитальеров выдержали натиск войск курдского эмира Нур-ад-Дина, затем осаду его знаменитого племянника Салах-ад-Дина. Крепость была неуязвима. В XIII веке она имела тот завершённый вид, в каком предстает сейчас перед туристами. Со временем иноземные завоеватели начали терпеть на территории Сирии одно поражение за другим. Крепость подвергалась неоднократным осадам и в 1271 году капитулировала под натиском войск султана Бейбарса. В более позднее время она служила оплотом мусульман в борьбе против попыток крестоносцев взять реванш.

На небольшой площадке масса туристских автобусов всех цветов. Слышен разноязычный говор. Пестрая толпа немцев, французов, англичан поднимается к входу и, смолкая, исчезает во внутренних помещениях крепости. Бойкие гиды ведут свой заученный рассказ. Начинается знакомство с шедевром средневековой фортификационной архитектуры. Огромная дверь с деревянными створками, вероятно арабской постройки, гостеприимно открыта, и притихшая толпа туристов устремляется в сводчатый вестибюль. Этот путь проделывали когда-то конные рыцари, поднимаясь по широким ступеням, сохранившимся до сих пор, как сохранились и следы копыт на их выщербленном камне. После яркого солнечного света каменное помещение кажется особенно темным и прохладным. Вестибюль делится на две части. Одна ведет к входу во внутренние оборонительные помещения, другая соединяет со второй защитной стеной крепости. Заботливо развешанные указатели помогали легко ориентироваться в темном лабиринте переходов. Мы выходим к огромной прямоугольной башне, образующей форт южной стороны. Четко вырезанная на камне арабская надпись гласит: «Башня восстановлена при Малеке Калáуне в 1285 году». Однако это относится не к башне в целом, являющейся образцом строительной архитектуры крестоносцев, а к нескольким пристройкам. Внутри башни — большой зал со сводами. Аналогичные башни стоят в юго-восточном и юго-западном углах крепости и также сохраняют надписи арабской эпохи. Вторая стена крепости со всеми укреплениями представляет собой самый внушительный ансамбль — образец военной архитектуры средневековья,

Каждое из зданий крепости весьма своеобразно по своей архитектуре, интерьеру, по той роли, которую оно играло в жизни рыцарей. Часовня XII века со стрельчатыми окнами — характерная базилика западноевропейского типа и не напоминает византийские церкви, часто встречающиеся в Сирии. При реставрационных работах здесь была найдена фреска с изображением Богородицы и Иисуса. К ней обращали свой взор рыцари, моля о защите и покровительстве.

За исключением фрески, единственного яркого пятна, интерьер часовни сдержан и скуп. Он отражает атмосферу жизни в крепости. В сопровождении гида мы идем к центральной полукруглой башне, имеющей нижний и верхний залы. Свет проникает в нее через три огромных окна. Примыкающие к ней сооружения являют собой классический образец фортификационного искусства, со всеми новшествами, которых не знала восточная архитектура. Это терраса с зубчатыми парапетами (своеобразная, очень прочная кладка из гладкого камня, узкие бойницы, специальные оборонительные этажи). Это гласис — каменная пологая насыпь перед наружным рвом крепости, предохраняющая Крак де Шевалье от землетрясений и подкопов. Неудивительно, что крепость невозможно было взять при любой осаде.

Каменные башни крепости скрывают немало неразгаданных тайн. Одна из этих башен названа арабами «башней дочери короля». У основания она имела потайную дверь. Другая потайная дверь вела от центральной башни ко рву. Залы с массивными подпирающими столбами сменяются сводчатым залом, где стоит огромная печь для выпечки хлеба. На многочисленных этажах башен масса складских и жилых помещений.

На внутреннем дворе крепости, заросшем травой, в огромных цистернах — вода. Кстати, эти цистерны — уникальные сооружения как по размерам, так и по характеру архитектуры. Гид, молодой смуглолицый сириец, демонстрирует нам эти три цистерны, наполненные чистой водой. В крепости они служили не только как водохранилища, но и как антисейсмические сооружения, а иногда служили и складскими и производственными помещениями.

Крак де Шевалье дает полное представление об особенностях своеобразной, постепенно исчезающей архи-

тектуры. Но чем жили, что любили и чем увлекались обитатели подобных замков? Аскетический быт крепости, однообразие этой жизни, постоянная тоска по родине выразились в поэзии, лишь немногие образцы которой дошли до нашего времени. Где-то в Европе оставалась Прекрасная Дама — предмет любви и бесконечного поклонения. В душе рыцаря боролись страсть и чувство долга, нашедшие выражение в знаменитой «Песне о крестовом походе» Канона де Бетюна, непосредственного участника двух походов:

Увы, Любовь, зачем ты мне велела
В последний раз переступить порог
Прекраснейшей, которая умела
Так много лет держать меня у ног!
И вот настал разлуки нашей срок...
Что говорю? Уходит только тело,
Его призвал к себе на службу бог,
А сердце ей принадлежит всецело.
Скорбя о ней душой осиротелой,
В святую землю еду на Восток...

Усталые туристы понемногу собираются у своих автобусов. Машины медленно спускаются с горы, скользя вдоль стен деревни Эль-Хосн, образующей своеобразный забор. В средние века она была крупным населенным пунктом, окруженным стеной. Сейчас одноэтажные каменные домики ползут вверх по склону горы к крепости. Видны внутренние дворики, сидящие у порога старики, женщины, занятые бесконечным домашним трудом. Никто не обращает внимание на гудки машин, вопли сирен огромных туристских автобусов. Деревня живет своей жизнью. Ребятишки снуют тут и там, порой выскакивая прямо из-под колес машин. К нашему удивлению, все они голубоглазы и белоголовы, что для обычной арабской деревни большая редкость. Мы задаем вопрос сопровождающему нас сирийскому товарищу. Улыбнувшись, он отвечает: «Это наследие крестоносцев. Здесь почти все ребятишки рождаются такими, но когда становятся взрослыми, темнеют». Действительно, среди взрослых блондинов не видно, только типично арабские лица.

Мы спускаемся все ниже, проезжаем мимо кладбища, на котором издали видны две древние могилы с куполами. В них похоронены военачальники султана Бейбарса. Рядом мавзолей Шейха Османа, убитого при штур-

ме крепости. Минуя сады, разноцветные квадраты полей, дорога устремляется вниз, туда, где на горизонте блестит море.

КРЕПОСТЬ САЛАХ-АД-ДИНА

Широко известно имя победителя крестоносцев, объединившего под своей властью Сирию, Египет, Триполи и Месопотамию. До наших дней докатилась молва о громких победах и правлении этого султана. Салах-ад-Дин (1138—1193), курд по национальности, сын сирийского военачальника, в 1171 году захватил трон султана Египта и основал династию Айюбидов (1171—1250). Именем этого популярного султана названа одна из крупнейших средневековых крепостей, сохранившихся на территории Сирии.

В том году была поздняя весна. Еще дули южные ветры и штормило море. Но в долинах, под жарким солнцем, началось бурное цветение. Маленький городок Хайфе, от которого дорога поднимается к замку Салах-ад-Дина, окружен садами. Сиреневая пелена распустившихся яблонь сменяется нежным облаком цветущих вишен. Корявый пепельный инжир уже выбросил первые зеленые листочки на концах веток. Феллах в белой чалме, простой темной рубахе и штанах с напуском идет за деревянной сохой, как это делали его предки тысячи лет назад. В окно машины врывается запах свежей земли и ароматы трав и цветов. Мелькают двухэтажные домики Хайфе, маленькие лавки. Прямо на тротуаре стоят ящики с апельсинами, мандаринами, петрушкой и любимой здесь мятой. У кофеен сидят старики, смотрят на пешеходов, не спеша перебрасываются новостями. Дорога поднимается на гребень горы. Замок виден отсюда во всем его величии.

Еще до нашей эры финикийцы основали здесь военный пост. В 975 году византийцы разместили на этом месте сильный гарнизон. Но особо важное стратегическое значение замок приобрел в эпоху крестоносцев, которые захватили его в начале XII века, но в том же веке были изгнаны Салах-ад-Дином. С тех пор он навсегда стал арабским.

Медленно спускаемся в глубокое ущелье. Едем по

узкой дороге. Слева — скала, справа — пропасть. Наконец, пересекаем мостик, и вот уже в нескольких метрах — крепость. Перед нами огромный вырубленный в скале коридор. Поражаемся титаническому труду каменотесов. Следы ручной обработки камня четко видны. В центре оставлена стрела скалы, служившая опорой перекидного моста, связывавшего замок с равниной. На верху этой монолитной колонны еще осталась каменная кладка, которая поддерживала мост. В наше время трудно себе представить, как этот мост перебрасывался на огромной высоте, чтобы жители маленького городка в долине могли в момент опасности перебежать в крепость. Сразу после этого мост снимался. Вместе с детьми и легким скарбом убегавшие прыгали с него в дверь, охраняемую двумя круглыми башенками, и, наконец, чувствовали себя в полной безопасности. Сегодня мы проникаем в замок снизу — через башню на южной стороне.

Строители использовали архитектурно-строительный опыт крестоносцев, арабов и византийцев. Прекрасно сохранились защитные стены, построенные крестоносцами. Они усилены большими выступами. Их нижняя часть сделана из громадных блоков. Каждая из круглых башен имеет массивное основание. На светлом камне защитной стены выделяются проемы бойниц, видны ниши с арками. Внутри квадратной башни весьма прохладно и темно. Слабый свет проникает через бойницы и отверстие в потолке, которое служило также своеобразным средством связи. Приказы, которые передавались сверху, были прекрасно слышны на двух этажах башни.

Идем по нижнему залу. Глаза быстро привыкают к полумраку. Пахнет сыростью, давит сводчатый потолок, в некоторых местах слегка обвалившийся. Прямо на каменном полу сложены каменные ядра — те, что остались от последнего средневекового сражения. Их использовали как европейские рыцари, так и арабы.

Второй этаж во всех отношениях похож на первый, но имеет широкие окна на восточной, северной и южной сторонах. По узкой лестнице, стиснутой стенами, поднимаемся на площадку крыши, с которой открывается прекрасный вид. В самой башне наше внимание привлекают бойницы. Встав у одной из них, пытаемся представить себе напряженную фигуру воина, натянутый лук с го-

товой вырваться стрелой. Три узкие щели дают прекрасный обзор и в то же время скрывают защитника крепости. Внизу виден каменный коридор, который заполнялся лавиной нападавших. Сверху каждый из них представлял хорошую мишень.

В центре башни — массивная колонна, о роли которой вначале не подозреваешь. Оказывается, когда нападающие врываются в крепость и уже торжествовали победу, внутри колонны по узкой лестнице молча и осторожно спускались осажденные, несли раненых, детей. По мере того как в кровавой схватке сдавался один бастион за другим, защищавшиеся поднимались постепенно вверх, оставляя за собой окровавленные тела убитых в схватке товарищей. На самой верхней площадке, покрытой густой травой, находится небольшой и незаметный на первый взгляд колодец. Именно отсюда и начинается потайной ход.

С интересом осматриваем бывшие продовольственные склады, конюшни для тяжелых и неповоротливых лошадей крестоносцев. До сих пор сохранились желоба, в которые подавалось питье для животных. Низкий сводчатый потолок опирается на тяжелые столбы, которые использовали для привязи.

Из солнечного двора крепости, наполненного запахом весенних цветов, жужжанием пчел, попадаем в огромный холодный зал, вырубленный в скале. Это цистерна для хранения воды. В потолке три отверстия. Через них поступала дождевая вода во время зимних и весенних ливней. Она наполняла резервуары на верхней площадке крепости, через упомянутые отверстия проникала в каменное хранилище и круглый год использовалась для нужд гарнизона. От входа вниз бегут ступеньки, которые теряются в воде. Полосы на стенах дают представление об уровне воды в различное время года. Лицо ощущает приятную прохладу. Совершенно неожиданно обнаруживаем, что в зале прекрасная акустика.

С территории крепости хорошо видна противоположная гора. На фоне красной каменной породы выделяются пещеры. Здесь было установлено арабское метательное орудие, отсюда началась осада крепости. После нескольких месяцев обороны замок пал. К побежденным отнеслись снисходительно, предоставив им с миром уйти с этих земель. После ухода крестоносцев на территории

крепости появились арабские постройки. В первую очередь выросла мечеть с минаретом. Низкая дверь на западной стороне ведет к спиральной лестнице на верхнюю площадку минарета. Над дверью выгравирована надпись, возможно от имени Салах-ад-Дина, но в настоящее время она сильно повреждена. Вход в баню представляет собой образец типичной архитектуры XIII—XIV столетий. Несколько небольших комнат бани выходят во внутренний дворик, где бил фонтан. В стенах видны остатки глиняных труб для горячей и холодной воды. Старичок-смотритель приносит специально приготовленную бутылку воды и выплескивает ее на каменный пыльный пол. И мгновенно открываются невидимые прежде керамические плитки с красным и голубым геометрическим рисунком.

Стены крепости и бастионы не изменялись и не перестраивались. Первые и самые древние постройки представлены византийской крепостью. Остатки ее concentрических стен из старого черного камня заключены внутри крепости крестоносцев. Заросли травой и кустарником руины нескольких башен. Сама византийская крепость сильно разрушена. Одинокое стоит маленькая часовня. К востоку от крепости, на равнине, видны бесформенные развалины городка, бывшего когда-то византийским, затем «франкским» (европейским) и, наконец, арабским. Сохранилось лишь маленькое здание с куполом.

Мы стоим на самой высокой площадке крепости. Перед нами обрыв, поросший кустарником. Тишину прерывает лишь неумолчное весеннее пение птиц. Сирийский пейзаж с синеватыми холмами, по которым террасами спускаются сады, с тонкой полоской моря вдали кажется спокойным и умиротворенным.

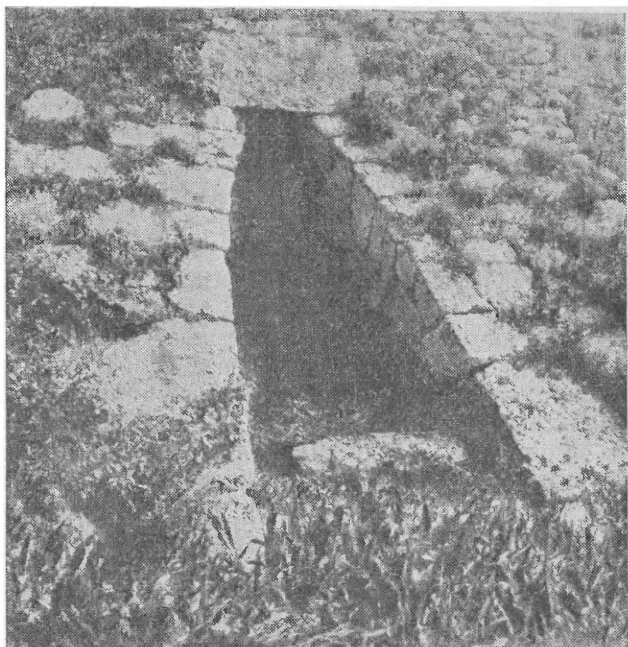
РОДИНА ДРЕВНЕЙШЕГО АЛФАВИТА

Из поколения в поколение передавался миф о Кадме, сыне финикийского царя, который прибыл в Элладу и обучил греков искусству письма. Ученые давно строили догадки относительно происхождения алфавита, и, наконец, в маленьком сирийском местечке было сделано одно из крупнейших открытий XX века.

Теплым мартовским утром 1928 года крестьянин пахал поле. Внезапно плуг ударился о что-то твердое. Когда сняли верхний слой земли, под ним обнаружился свод богатой гробницы. находкой заинтересовались археологи. Так был открыт древний город-государство в Северной Финикии — Угарит.

Машина идет мимо садов с апельсиновыми и лимонными деревьями. Еще один поворот — и мы останавливаемся у развалин. Спокойно блестит море в каемке зеленого берега. Когда-то здесь был один из самых древних портов. Еще в III тысячелетии до н. э. ловко скроенные суда первых мореплавателей покидали эту гавань. Они шли к берегам Европы и Египта. Рабы спускались по пыльной дороге из города, несли кувшины, наполненные оливковым маслом. Грузили огромные кедры, древесную смолу для мумий, аккуратно складывали тюки шерсти, знаменитые пурпурные ткани — гордость местных ремесленников. Финикийцы, которых Маркс называл по преимуществу торговым народом, на своих небольших судах достигали берегов современной Франции и Англии. Испытав массу приключений, пройдя сквозь бури и штормы, погрузив иноземный товар, моряки возвращались в родную гавань. А женщины Угарита терпеливо ждали своих мужей, страдали и плакали. Существует легенда, что свои слезы они собирали в маленькие флакончики, которые предъявляли мужьям как свидетельство неподдельной печали. Сейчас эти флакончики украшают коллекцию дамасского музея. Но не только торговые корабли выходили отсюда. Маленькие ладьи с обмотанными тканью веслами растворялись в темноте ночи. Неожиданное и смелое нападение было почти всегда успешным. Богатая добыча привлекала многих, а пиратство в те времена было делом почетным и достойным уважения, ибо требовало незаурядного мужества и находчивости. 4 тысячи лет назад первые мореходы выстроили огромный по тем временам город Угарит. Что же представляла собой эта цивилизация?

Расцвет Угарита падает на 1400—1200 годы до н. э. В начале XII века до н. э. он был разрушен «народом моря». Угарит испытал на себе влияние великих культур прошлого (от Шумера до Египта) и культур, ему современных. Он имел тесный контакт с хеттами и хурритами. Благодаря мореплаванию жители Угарита принима-

Вход в крепость Угарита

ли широкое участие в распространении восточномедитерранейской цивилизации, да и сам Угарит находился на пересечении древних культурных дорог.

По каменным ступеням мы спускаемся вниз под каменную арку крепости. Пройдя по переходу через защитную стену, оказываемся у входа в царский дворец. При раскопках в Угарите была найдена черная стела — изображение бога Эля на троне. Перед ним фигура коленапреклоненного царя, возможно Нигмаду II (середина XIV века до н. э.), представителя местной династии, при котором государство достигло наивысшего расцвета. Тонкий и дальновидный политик, талантливый дипломат, он сумел сплотить государство и противостоять многочисленным врагам.

Мы во дворце Нигмаду. Меж каменных плит проби-

вается трава. Давно умолкли фонтаны во внутренних двориках, но еще тускло поблескивает вода в темных и глубоких колодцах. К дворцу примыкают жилые дома на древних узких, огороженных глухими заборами улицах. Археологи обнаружили сходство угаритских построек с дворцом Миноса на Крите. Угаритская культура испытала на себе и сильное влияние египетской, особенно амарнской.

Угарит был крупным рабовладельческим центром, городом-государством, тесно связанным с Египтом, Месопотамией и островами Эгейского моря. Один за другим в нем вырастали иностранные кварталы, процветали ремесла и торговля. В одном доме найдена расписка, в которой древний ремесленник подтверждает получение кувшина оливкового масла в обмен на овцу. В доме другого ремесленника обнаружены отливки украшений. На этой улице жили ткачи, шорники, красильщики. Огромным успехом пользовалась вырабатываемая здесь пурпурная краска.

Археологические находки знакомят нас с разными сторонами угаритского быта, свидетельствуют о высоком уровне жизни. Местные женщины, например, весьма заботились о своей внешности. Нежность и свежесть кожи поддерживались с помощью всевозможных мазей, хранившихся в коробочках из слоновой кости. Коробочки сами по себе являются произведениями искусства. Одна из них сделана в форме утки с изящно вытянутой шеей. Пудра обычно хранилась в алебастровых кувшинчиках, привозимых с Крита. Широко были распространены золотые шпильки, браслеты, тяжелые восточные серьги. Угаритские изделия, даже предметы самого широкого бытового употребления, как правило, выполнены с большим мастерством и вкусом.

В Лувре находится золотая чаша XV века до н. э. На мчащейся колеснице — охотник. Фигура напряжена, лук натянут, вот-вот стрела сорвется и поразит бегущую лань. За колесницей мчатся, вытянувшись в струну, собаки. Художник сумел передать бешеный ритм гонки и внутреннее напряжение с большим мастерством и точностью. На другой чаше изображены бегущий бык, лев с оскаленной пастью, сфинкс с головой женщины, крылатый лев — египетские символы власти и силы, свидетельство благотворного взаимного влияния двух культур.

К сожалению, в то время, когда Сирия была подмандатной территорией Франции, лучшие экспонаты Угарита были вывезены в Лувр. Здесь Угариту специально отведены три зала.

Мы задерживаемся в одной из комнат дворца, принадлежавшей писцам. Именно здесь было сделано крупнейшее открытие века — найден один из первых в истории человечества алфавит, крошечный глиняный брусочек с 30 буквами. Сейчас он находится в Национальном музее Дамаска. Угаритский алфавит представлял собой огромный скачок вперед по сравнению с предыдущими формами письма. В то время на Востоке имели распространение клинопись и иероглифическое письмо. Финикийцы из Угарита значительно упростили систему письма. Угаритский алфавит создан примерно в 1600 году до н. э. Угаритцам принадлежит заслуга сведения письменных знаков в один последовательный ряд. К первым буквам их алфавита восходят греческие «альфа», «вита», «гамма» и наши современные «а», «в», «г». Древний алфавит состоял из одних согласных букв.

Алфавит и многочисленные угаритские надписи были опубликованы ассириологом Чарльзом Виролло в 1928 году. Трое ученых независимо друг от друга приступили к дешифровке незнакомого языка (Ганс Бауэр, Эдвар Дорм и Чарльз Виролло). Угаритские тексты многообразны по типу: административные и царские послания, школьные записи, эпические поэмы, гимны, мифы. В них бурлит настоящая жизнь. Древние литературные жанры проникли в мировую литературу через литературу Угарита. Таблички имеют исключительно важное значение в связи с их отношением к библейским текстам. Мифологические образы угаритцев близки мифологии других древних народов именно потому, что (по выражению В. Г. Белинского) «мифология была выражением жизни древних, и их боги были не аллегориями, не риторическими фигурами, а живыми понятиями в живых образах».

Центральная улица города поднимается вверх к стенам храма Баала. С этого холма открывается весь город, частично обнаженный раскопками, частично еще скрытый под слоем земли. А с противоположной стороны открывается типично сирийский сельский пейзаж: бесконечные сады цитрусовых, оливковые рощи, изредка паль-

мы. Вдали легкой линией очерчена цепь гор, защищающих прибрежный район. Сады существовали здесь с незапамятных времен. В глубокой древности здесь выращивали гранаты, оливки, виноград. Местные виноделы были непревзойденными мастерами, возможно передавшими свое искусство и грекам. С сельскохозяйственными работами был тесно связан культ богов и мистических празднеств. Храм, у стен которого мы стоим, был построен еще во II тысячелетии до н. э. Каменные, двухметровой ширины стены частично сохранились. Перед храмом открытый двор с алтарем. Найденные глиняные таблички рассказали о ярком и самобытном мире угаритских богов и богинь, которым присущи все страсти обычных людей: нежная любовь, бурная ненависть, радость, горе. Представление человека о мире отражено в поэтических и полных драматизма религиозных мифах. Осенью природа умирала и народ стекался к храму с погребальными песнями и плачем. Женщины рвали на себе одежды, выражая полное отчаяние. Весна знаменовала возвращение к жизни, и в ее честь устраивались веселые праздники.

Боги Угарита управляли миром и людскими судьбами. В храмах Дагона, Баала оракулы пророчествовали, толкуя волю богов. Жрецы составляли особую, высшую касту. Они не вступали в брак, посвящая свою жизнь богам.

На одном из найденных в Угарите камней изображена молодая женщина с обнаженной грудью и воздетыми руками. Это богиня плодородия и материнства Астарты. Культовые обряды в ее честь выполняли жрицы. Бронзовые статуэтки с их изображением сохранились до нашего времени.

Во время раскопок найдено изображение жреца в тунике, несущего на руках ребенка. Страшные легенды о детях, приносимых в жертву финикийцами, нашли дополнительное подтверждение. Историк Диодор Сиракузский (I век до н. э.) упоминает о бронзовых статуях, в руки которых помещали жертву, откуда она падала в горящий костер. Стоящие рядом родственники заботились о том, чтобы ребенок не кричал. Жертвы приносились богу Молоху. Французский писатель Густав Флобер, блестящий знаток культуры и истории Востока, в романе «Саламбо» талантливо воссоздал картину страш-

ных жертвоприношений. Иногда приносились в жертву и взрослые, которых сжигали живыми. В 61 году до н. э. Цезарь запретил этот «варварский обычай».

Религиозные воззрения угаритцев включали в себя своеобразные представления о потустороннем мире и посмертной судьбе. Предполагалось, что человек имеет две души. Одна из них остается в мертвом теле, требует пищи, испытывает жажду. Археолог Клод Шеффер обнаружил в Угарите глиняные трубки, по которым жители города спускали в склепы воду и масло для мертвых. В склепах найдена также посуда, необходимая, как полагалось, для загробной жизни. Что касается другой души человека, то, в представлении угаритцев, она исчезала из тела в момент смерти. Похороны умершего сопровождалась традиционными рыданиями, причитаниями. Женщины раздирали в кровь лицо, рвали на себе одежды. Барельеф на саркофаге царя Сидона воссоздает эти сцены.

Трупы мумифицировались, и им придавалась поза, в которой пребывает ребенок в лоне матери. Затем они помещались в специальные сосуды, верхняя часть которых доделывалась уже после этого. Как правило, угаритцы хоронили своих близких в специальных склепах под полом дома.

По каменным, хорошо отшлифованным плитам мы спускаемся вниз, в холодный полумрак склепа. Потолок имеет форму арки. Угарит был подвержен землетрясениям, и склепы строились с учетом этого. Наше внимание привлекли отверстия в виде маленьких окон. Сюда в течение нескольких дней после погребения родственники умершего ставили еду. На дне полурассыпавшихся от времени сосудов — остатки высохшей травы. Это, возможно, благовония. Здесь же нередко оставляли украшения, предметы быта. Крыша каждого склепа обычно покрывалась семью плитами (священное число).

Захоронения в Угарите не всегда носили традиционный характер. Очередная археологическая экспедиция, производившая раскопки так называемого Малого дворца и прилегающих к нему домов, обнаружила под плитой у стены одной из комнат скелет семнадцатилетней девушки. Скелет лежал в странной позе, совершенно нетрадиционной, рядом — никаких вещей, которые обычно сопровождали умершего в долгий путь. Экспертиза пока-

зала, что налицо криминальный случай, таинственное убийство, совершенное несколько тысячелетий назад и оставшееся нераскрытым.

В один из июньских дней мы вновь заехали в Угарит. Марево скрывало гору Касьюн, горячий воздух пахнул высушенной травой, нагретым камнем. Мы шли по знакомым узким улочкам древнего города, поднимаясь вверх, к храму. Наше внимание привлекла группа работавших на раскопках. Измерения на поверхности производил седовласый сириец — представитель Сирийского управления древностей. Раскопки производили двое мужчин и худенькая белокурая женщина. Тонкие руки быстро двигались, просеивая сквозь сито серый песок. Трое оказались французскими археологами, работавшими здесь каждый год в течение трех летних месяцев и печатавшими статьи о находках в научных журналах. Сами находки, как пояснил нам представитель управления древностей, теперь не исчезают в европейских музеях, а передаются в Дамаск. «Как идут дела сегодня? Успешно?» — спросили мы. «Да, — ответил он. — Представляете, сегодня, подняв слой земли вот над тем жилищем, обнаружили у очага слоновью кость. Маленькая находка говорит о контактах с народами разных континентов». Шла напряженная работа. Мы были не вправе мешать и вежливо попрощались.

Археологические работы в Угарите продолжаются. Впереди немало интереснейших открытий.

Волна бьет о прибрежные скалы и, подняв каскад брызг, откатывается назад. Перед глазами бескрайняя синева. Море обладает удивительным свойством. Можно смотреть на него бесконечно долго, и это никогда не надоедает. Вокруг типично сирийский пейзаж с оливковыми рощами, фруктовыми садами, зелеными возделанными полями. Недалеко от места, где мы сидим, находится Мина-ль-Бейда (Белая гавань) — один из древнейших финикийских портов. Средиземноморская волна разбивается здесь о белые известняковые скалы. На горизонте в осенний день, когда падает жара и влажность, а воздух становится прозрачным, ясно видна гора Кассаба. У ее подножия — зелень садов. Серо-желтая громада испещрена ниточками троп, ведущих на вершину, где до сих пор лежит толстый слой пепла, кости животных и стоят остатки жертвенников. Местные жители говорят,

что давным-давно на вершине жили боги их предков. Мирный пейзаж наших дней, вероятно, не менялся с той далекой поры, когда эта северная часть сирийской земли была центром процветающего Угаритского царства. Под мирный шум волн древние поэты слагали здесь гимны и поэмы в честь своих богов и героев, искренне верили, что Кассаб — обиталище богов, благородных и жестоких, страшных и прекрасных, живущих страстями и болями земных людей. Именно здесь возникла великая литература, без которой сейчас невозможно рассматривать развитие современной цивилизации.

Местные жители именовали холм, стоящий у гавани, «Рас-Шамра» — «укропная голова», поскольку вершина его была покрыта зарослями укропа. Здесь под плотным слоем земли и скрывался Угарит. Раскопки в Рас-Шамре принесли много открытий. В 1928 году в квартале богатых купцов был обнаружен дом верховного жреца Угарита и в нем богатая библиотека с многочисленными глиняными табличками на неизвестном языке, прочтение которых обещало разгадку многих тайн. Мифы Угарита о богах и героях делятся на три цикла. Самая большая группа повествует о приключениях и подвигах бога Баала и его отношениях с другими членами пантеона. Вторым циклом содержит эпическую поэму о Керете, царе Хубура. Третий цикл — легенда об Акат, сыне Даниеля, другого легендарного царя земли Ханаанской.

Весь угаритский эпос так или иначе связан с пантеоном многочисленных богов, главой которого является великий бог Эль, часто именуемый «Бык Эль».

Эль — главная фигура угаритской религиозной драмы, рассказывающей о том, как великий бог взял в жены двух земных женщин. Они родили ему Зарю и Закат, а затем семь добрых богов плодородия, которые символизировали семилетний цикл изобилия. Встречающийся в Ветхом завете саббатический цикл, как стало ясно после прочтения угаритской находки, заимствован евреями у жителей Ханаана.

Супругой Эля была Астарта, которая родила ему 70 богов. Женщины Угарита посвящали себя ее культуре. В Библии есть упоминание о том, что культ этой богини существовал в Иерусалимском храме. Считалось, что женщины находятся в услужении у жены Яхве.

История пантеона угаритских богов полна драматиз-

ма. Молодые, энергичные Баал и Анат затмили Эля и Астарту, став (по активной роли своей, а не по рангу) главными действующими лицами основной массы мифов.

Цикл мифов посвящен Баалу и Анат, богине плодородия, жестокой и кровожадной: «Могучая, она разрушала города, уничтожала людей. Заманивала в храм, а затем запирала двери, и никто не мог убежать». Она цепями опутывала юношей, швыряла деревья в воинов. Шла по колени, по горло в крови. Человеческие головы лежали у ее ног, человеческие руки вились вокруг нее.

Астарта также считалась богиней плодородия. При раскопках в Угарите Клод Шеффер нашел миниатюрные изображения этой богини, амулеты из золота, глины. Богиня изображена нагой. Символом ее являлись голуби и змеи, и символ этот имел широкое распространение на Востоке.

Божествам плодородия поклонялись на холмах, у больших деревьев и столбов. Об этой традиции сообщает и Библия: «поклонялись на всяком высоком холме, на всех вершинах гор, под всяким зеленеющим деревом, и под всяким ветвистым дубом, на том месте, где они приносили благовонные курения идолам своим».

Баал — бог бури и дождя, брат и муж Анат. Это благодаря ему, как полагали угаритцы, тучнел и хорошо размножался скот. При смене сезонов Баал умирал, побежденный, «как бык под ножом приносящего жертву». Сын выполнял его обязанности. Библия сообщает: «И дети Израилевы помогали дьяволу на глазах у бога и служили Баалу». А в поздней европейской литературе Баал становится символом зла.

Баал борется с врагами, среди которых дьявол Левиафан. Убийство семиглавого Левиафана богами символизирует конфликт между добром и злом. И эта тема вошла в Библию с наследием Ханаана. Псалом 74—14 приписывает победу над семиглавым Левиафаном Яхве. Из угаритских мифов в Библию перешли также эпитеты, такие, как «змея-дьявол», «кривая змея». Кстати, имена угаритских богов также фигурируют у греков: «Адонис» — от Адон (эпитет, применяемый к Баалу). В угаритской литературе упоминается «гора богов» Сафон — предшественница знаменитого Олимпа.

В мифах действуют бог морей и рек Ям-Нахр, бог ремесел Котар-Хазиз, солнечное божество Шепеш (уга-

ритская форма от аккадского Шемеш), жена Эля Астарта. В Угарите найден храм богу Дагону, из чего следует, что и он был важной фигурой пантеона. Иногда Баала называли сыном Дагона. Кстати, в Ветхом завете Дагон — главный бог филистимлян.

Угаритские боги уподоблены людям. Они добры, прекрасны, противоречивы, жестоки, своевольны, дерзки. Они едят и пьют, страдают от боли, страха. Им присущи человеческие пороки: тщеславие, жадность, малодушие. Они часто спускаются с горы Сафон и вмешиваются в дела земных людей, но у каждого своя сфера действия: они навлекают несчастья, как бог смерти Мот, или учат земледелию, ремеслу, как Котар-Хазиз.

Жители Угарита верили истово и боялись своих богов, особенно громовержца Баала. Будучи одержимы суевериями, они питали иллюзию относительно загробной жизни.

В сокровищницу мировой литературы вошли следующие финикийские мифы.

Миф о Баале и боге Моря. В этом мифе выступают Баал, часто называемый Всадником небес, поскольку он был богом молний и грома, и Ям-Нахр — бог морей и рек. Оба пребывают в кровной вражде. Ям-Нахр отправляет посланцев в совет богов и требует, чтобы Баал был доставлен ему в качестве раба. Обращение его дерзко:

Обращаюсь к тебе, отец наш Эль,
Преданный тебе Река-судия.
Отдайте, о боги, того, кого приютили,
Того, кто у многих находит прибежище.
Отдайте Баала и его сторонников,
Сына Дагона, дабы унаследовал я его злато.

Боги в страхе опускают головы. Они не желают ссориться с могущественным притязателем. Но Баал, не ощущая страха, пытается вселить мужество в стареющих богов:

Боги склонили головы к коленям,
Склонили головы к могущественным тронам,
Баал упрекал их:
«Почему, о боги,
Вы склоняете головы к могущественным тронам?
Пусть прочтут послание вестники Яма,
Вестники Реки-судии.

О боги! Поднимите головы свои,
Поднимите их от колен,
Поднимите их от могущественных тронов,
Я отвечу вестникам Яма,
Посланцам Реки-судии».

Речь Баала производит должный эффект. Боги поднимают головы и смотрят на двух посланцев, которые «К стопам Эля не пали, Не простерлись перед ним ниц».

Бесцеремонное поведение вестников объясняется могуществом их пославшего. Не случайно его именуют Река-судия.

Старый Эль, глава пантеона, которому прибывшие не воздали почестей, испуган натиском. Почтенный Эль проявляет явное малодушие и трусливо предает Баала, поспешно отвечая:

Баал — твой раб, о Море!
Баал — твой раб, о Море!
Сын Дагона — твой пленник!
Он принесет тебе дань, как другие боги.

Взбешенный предательством, Баал выхватывает нож, чтобы убить посланцев. Но богини Анат и Астарта умоляют его не делать этого. Здесь текст обрывается. Ясно только, что Баал внял их мольбам.

Данный фрагмент перекликается с более поздним греческим мифом об Ахилле, который собирался убить Агамемнона за величайшую дерзость, но не сделал этого по просьбе двух богинь, Геры и Афины, убедивших его подождать с отмщением.

Оскорбленный Баал вступает, однако, в смертельную схватку с Ямом, о чем повествует дальнейший текст. Мастер Котар-Хазиз сделал для Баала две огромные палицы, предсказав ему победу в предстоящей битве:

Разве не говорил я тебе, о властитель Баал,
Не объявлял тебе, Всадник Облаков?
Врагов своих, о Баал,
Врагов своих ты сокрушишь,
Уничтожишь своих соперников!
И примешь ты вечное царство,
Свою вековечную власть!

Драматизм повествования постоянно нарастает. Кульминацией является мучительная схватка двух сильнейших. Обращаясь к палицам, Катар провозглашает:

Твое имя — Гонитель.
Гонитель, гони Яма,
Сгони Яма с трона,
Реку — с его могущественного трона!
Ты слетишь с рук Баала,
Словно сокол с его пальцев.

Нанесенный удар не сокрушил врага. Битва продолжается. Котар-Хазиз обращается ко второй палице и повелевает ей нанести сокрушительный удар.

Твое имя — Гонитель.
Гонитель, гони Яма,
Сгони Яма с трона,
Реку — с его могущественного трона!
Ты слетишь с рук Баала,
Словно сокол с его пальцев.

Противник повержен. Потерявший голову от радости Баал готов умертвить Яма. Но Астарта вовремя напоминает ему, что Ям — пленник, что поверженного врага надо щадить. Баал испытывает укоры совести. Итак, Баал одержал блестящую победу. Он облечен огромной властью. Однако будущее его не лучезарно. В нем много битв, поражений, трудных побед, о которых рассказывают другие мифы.

Литературные материалы, найденные в Угарите, можно разделить на две основные группы: мифы и эпические поэмы. Мифы отражают верования древних финикийцев, повествуют о богах и легендарных героях, о происхождении мира и т. д. Эпос — героические народные сказания о людях, хотя, конечно, боги постоянно вмешиваются в их судьбу. Такова легенда о Керете.

Легенда о Керете. Керет, царь Хубура, жестоко страдает. Он потерял жену прежде, чем она подарила ему наследника. И вот во сне является ему Эль и требует прекратить стенания, совершить омовение и, поднявшись на высокую башню, принести жертвоприношение. Затем следует ему пойти походом на город Удом (предполагается, что это библейский и исторический Эдом), царь которого Пабиль предложит Керету богатый откуп, но нужно отказаться и требовать возвращения своей потерянной жены Хурраи.

Керет выполняет все требования и пожелания Эля. Он дает также обет богине Астарте принести ей много золота и серебра, если она ему поможет. И Керету

удается заставить Пабиля вернуть ему жену. По возвращении он устраивает пышный пир, на который являються все боги Угарита. Эль благословляет Керета, подняв кубок с вином, и обещает ему семерых сыновей и дочь. Один из сыновей, говорит он, будет вскормлен богинями Астартой и Анат и займет место отца на троне.

Но Керет не выполнил обещания, данного Астарте. Богиня разгневана. На Керета обрушивается несчастье. Тяжелая болезнь ведет его к смерти. С болезнью царя прекратились дожди, урожай гибнет. Керет просит сына Эльху и свою единственную дочь приготовить жертвоприношения для Эля. Глава пантеона созывает богов и просит найти лекарство для Керета. Помочь никто не может. Тогда Эль посылает богиню врачевания Шатакат искать лекарство. И Шатакат одержала победу над смертью. Керет выздоровел и занял место на троне. Но старший сын его Яссиб поднял бунт против отца, заявив, что тот стоит одной ногой в могиле и обязан освободить трон. Поэма кончается ужасными проклятиями, которые Керет обрушивает на голову сына.

Ученые предполагают, что легенда создана, чтобы прославить реально существовавшего царя Нигмаду из Угарита, дав ему предка божественного происхождения, центрального героя — Керета.

Большой интерес представляет сюжет легенды. У Керета похищена жена, которая находится во дворце другого царя. Керет отправляется на ее поиски. Не этот ли сюжет породил и широко известный греческий миф о похищении Елены Прекрасной, которая, подобно Хурраи, должна быть возвращена мужу. Не только эта основная линия, но и многие детали связывают «Легенду о Керете» с «Илиадой».

Мифы, легенды, эпические поэмы Угарита написаны стихами. Язык их отразил высокое развитие культуры, он поражает богатством словарного состава, яркостью, живостью. Одна из характернейших черт этого языка — образность. Силы природы представлены в виде бога — Всадник Небес. Его отличает богатство поэтических метафор. Так, Керет говорит о Хурраи:

Обаяние ее подобно обаянию Анат,
Очарование ее подобно очарованию Астарты,
Брови ее, как ляпис-лазурь,
А глаза ее, как чаши из алебаstra.

Стремление к точности приводит к избытию синонимических выражений, повторов: если Баал упомянут в одной строке, то в другой он Хаддад или сын Дагона, а в третьей Всадник Облаков. Неоднократно встречаются сравнения, в которых фигурируют образы животного мира. Таково описание столкновения Баала и Мота:

Они ринулись друг к другу, подобно диким животным,
Мот силен, и Баал силен.
Они бодали друг друга, как быки,
Мот силен, и Баал силен.
Они жалили друг друга, подобно змеям,
Мот силен, и Баал силен.
Они лягались, как дикие лошади,
Мот повержен, и Баал повержен, и взошло солнце...

Тема борьбы богов в образе зверей была очень характерна и для изобразительного искусства Угарита. Как правило, бык олицетворял Баала, а лев Мота.

Многие приемы угаритского поэтического письма стали своеобразным эталоном для последующих художественных произведений. Богиня Анат уверяет, что готова сразиться с любым врагом Баала:

Я сокрушила Огонь — эту суку богов,
Я уничтожила дочь Эля — Зебубу,
Я победила и захватила золото того,
Кто сбросил Баала с высот Сафона,
С трона, ему принадлежавшего!
Какой враг поднялся против Баала?
Какой враг грозит Всаднику Небес?

Глиняные таблички Угарита — образцы древней литературы, послужившей источником для Книги книг — Библии. Несомненную связь с литературой Угарита имеет и греческая поэзия, в частности «Илиада» и «Одиссея». Мифы и сказания Угарита, реальная жизнь древней Греции послужили основой для создания эпоса, который, по выражению К. Маркса, «продолжает доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом». Творческое наследие неизвестных авторов Угарита бесценно, ибо донесло до нас одни из самых ранних образцов лирики, поэзии, эпоса, драмы.

За древней, выросшей в землю крепостью Угарита начинается мир современный. Он полон криков и радостного смеха детей, чья школа расположена рядом. Через

несколько минут прозвонит звонок и они вместе со своей молоденькой учительницей продолжают урок арабского языка. Постепенно перед юными сирийцами раздвинутся рамки мира, будут расти их представления о культурном наследстве человечества, в котором важное место занимает лежащий в развалинах город Угарит.

«ГОРОД, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПОБЕЖДАЛИ С СОТВОРЕНИЯ МИРА»

Новость не сходит со страниц газет: «Потрясающее открытие в Эбле!», «Археологические открытия в Северной Сирии требуют пересмотра древней истории», «Историю третьего тысячелетия переписать заново!».

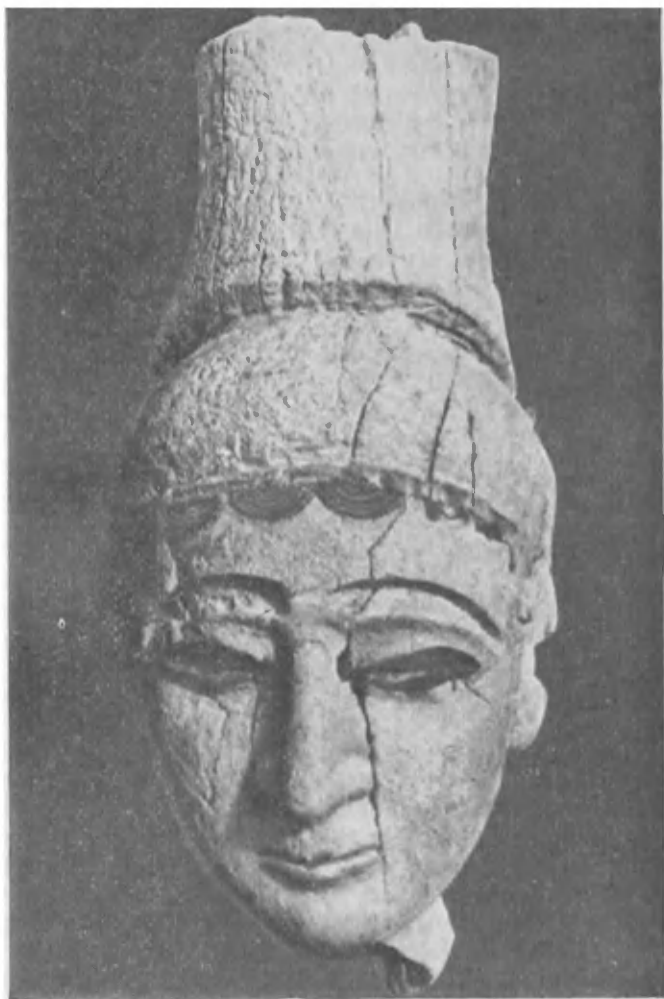
Что произошло?

Пустынны земли южнее города Халеба. Пыльный рыжий холм Телль-Мардике, никогда ранее не привлекавший внимания, стал всемирно знаменит. В сентябре 1975 года археологи из Римского университета и представители Сирийского археологического управления в результате проведенных работ обнаружили древний город Эблу, название которого встречалось в древневосточных письменах.

Кульминационный момент раскопок наступил, когда археологи открыли часть царского дворца и нашли его архивы. Они находились в том крыле обширного здания, где царь древней Эблы принимал посетителей. Последним «посетителем» архивного помещения был огонь, уничтоживший деревянные полки, на которых в вертикальном положении стояли многочисленные таблички. Обожженная глина не пострадала. Долгие века, песок и пыль закрыли прочным покрывалом бесценное достояние.

Язык эблаит оказался одним из семитских языков. Был найден словарь эблаитских и шумерских слов, и это облегчило чтение документов. Язык этот близок финикийскому, но древнее его более чем на тысячу лет. Содержание найденных табличек было особенно важным, так как воссоздавало историю государства.

Таблички дали возможность восстановить жизнь таинственной Эблы от 2400 до 2250 года до н. э. Эбла была столицей большого и высококультурного государ-

Голова богини из Угарита

ства, протянувшегося от восточных границ Египта до Персидского залива и захватывавшего территорию современной Турции. Экономические контакты связывали Эблу с крупнейшими городами древнего мира, с островом Кипр. В архиве Эблы сохранились многочисленные

записи коммерческих сделок, договоры. Административные и юридические тексты дали возможность представить, как управлялись город и подвластная ему территория, как были организованы экономика, финансы, торговля, налоговая система. Эбла была крупным торговым центром, широко известным в восточном мире. Под началом специальной канцелярии стояло огромное (11 тысяч человек) количество чиновников, проверявших качество отправляемого и получаемого товара, определявших сроки поставок. Специальная служба информации сообщала, где есть необходимость в данном виде товара. Эбла учредила монополию закупок и продажи наиболее ценных товаров: благородных металлов, тканей, дерева, гончарных изделий. Дерево отправляли в Месопотамию: оно имело особую ценность в лишенной лесов стране. Большие доходы государство получало от торговли с Египтом, Месопотамией.

В Эбле обнаружено совершенно новое, неизвестное ранее государственное образование древнего Востока. Правитель Эблы зависел от совета старейшин, куда входили представители самых богатых семейств. Наследник престола приходил к власти не сразу. Он начинал карьеру послом в каком-либо государстве, губернатором города и только затем, если он оказывался действительно достойным, ему доверяли управление Эблей. Он решал важные финансовые вопросы, заключал международные договоры.

Прочтение табличек дало интересный материал для критики Библии. Среди упоминаемых в табличках (появившихся за пять веков до Книги книг) имена Авраама, Исаиила, Давида. В Эбле найдены удивительные литературные тексты, мифы о сотворении мира и Всемирном потопе, связанные с шумерской эпической поэмой о Гильгамеше. Записаны они на эблаите во II тысячелетии до н. э.

В стране большое внимание уделялось образованию. Государство строго контролировало обучение, методы которого были заимствованы в Месопотамии. До нашего времени дошли многочисленные ученические работы. Кстати, школы Эблы в III тысячелетии до н. э. готовили будущих государственных служащих.

Напряженные раскопки 1973—1975 годов дали блестящие результаты. Под акрополем Эблы была открыта

часть города с монументальным дворцовым комплексом, просторными залами, деревянной колоннадой, парадной лестницей. Своеобразная фортификационная, дворцовая, храмовая архитектура, замечательные памятники изобразительного искусства доказали, что культура Эблы, сложившаяся под воздействием более развитой месопотамской, носила во многом свой, самобытный характер. Один из образцов прикладного искусства — найденная при раскопках известняковая чаша. Она имеет четырехугольную форму и предназначалась для ритуальных целей. Базальтовые скульптуры божеств, обломки камней с изображением процессий людей, следующих за фантастическим животным, многочисленные, выполненные с большим искусством детали интерьера — все это небольшая часть богатства, еще скрытого под землей.

«Я твой брат, и ты мой брат. Давно мы признали друг друга братьями. Пришли мне скорее хороших солдат», — писал правитель Эблы другому государю. Собственного войска у Эблы не было. При необходимости оно нанималось. С помощью наемников захватывались и конкурирующие торговые центры. Таблички рассказали, что так и был покорен город на среднем течении Евфрата, заплативший Эбле огромную сумму выкупа в золоте и серебре. Однако себя с помощью наемного войска Эбла защитить не смогла. Трагедия произошла в 2250 г. до н. э. Войска государства Аккад двинулись на богатую процветающую Эблу под предводительством полководца Нарам-сина. Эбла была захвачена и сожжена. Нарам-син безгранично гордился одержанной победой и оставил после себя надпись, гласившую, что слава царства Эблы — это слава «города, который никогда не побеждали со времен сотворения мира».

Раскопки продолжаются. Эбла сейчас признана самой поразительной археологической находкой нашего времени. «Мы ждем сенсационных находок», — заявил Ариф Банасси, директор Сирийского археологического управления.

ДЖЕБЕЛЬ-АККРА И РАС-ЭЛЬ-БАССИТ

Летом жара на побережье становится невыносимой, чему способствует высокая влажность. В это время зеленый массив у подножия горы Кассаб становится осо-

бенно притягательным. По мере того как вы поднимаетесь в гору, зелень становится гуще, воздух прохладнее. На одном из поворотов змеевидной горной дороги — площадка, с которой открывается изумительный вид на лежащую внизу долину, разбитую на квадратики садов и полей, на заросшие густым кустарником скалы и на узкую полосу моря на горизонте. У обочины дороги, которую расширяют в связи с увеличивающимся притоком туристов, сидят рабочие. У ног каждого — белый узелок, заботливо приготовленный женой. Наступил час отдыха. Одни дремлют, прикрыв лицо, другие равнодушным взглядом провожают проезжающие машины, а их сегодня немало. Вверх устремляются туристские автобусы и легковые машины. Навстречу спешат серые маленькие «лендроверы», предельно загруженные мешками, ящиками, корзинами. Крестьяне спешат в город — на рынок и по другим делам. Феллахи сидят даже на крышах машин, а один, наиболее предприимчивый, оседлал фару и, кажется, не испытывает особых неудобств.

Железная табличка на дереве сообщает, что рядом роща пробковых дубов, маленький островок уникальных растений, так быстро исчезающих с лица земли. Машина медленно спускается в ущелье. Воздух становится влажным и прохладным. Останавливаемся на асфальтовой площадке.

Мгновенно, как из-под земли, вырастает старичок в мягких, кожаных, самодельных сапогах с острыми загнутыми носками, в крестьянских шароварах и выдавшем виды пиджаке. Он приветствует гостей по местному обычаю, приложив руку к сердцу, затем ко лбу. На лице доброжелательная улыбка, беззубый рот быстро произносит одну за другой фразы, а рука протягивает старенькую алюминиевую кружку с холодной водой, которую нельзя не выпить. Это вода из горного источника, богатого железом, прохладная и вкусная. Мы идем к источнику, пьем и умываемся. А старичок говорит, что воде этой цены нет: живет он на земле столько лет, что даже сам забыл, сколько именно, и совершенно здоров, а все потому, что пьет эту целебную воду. Мы благодарим его за гостеприимство и расстаемся довольные друг другом. Внимание наше переключается на дубы, высокие, прямоствольные, с резной листвой, совсем непохожие на классические ветвистые русские дубы. Подни-

маем с земли кусочек коры, берем на память. Зеленое ущелье охраняется государством, как и вся территория вокруг,— единственное место в Сирии, где еще сохранились леса.

Дорога спускается еще немного вниз и пересекает горную долину, засаженную яблоневыми садами. Здесь идеальный микроклимат, необходимый для созревания знаменитых кассабских яблок, красных, сладких, упругих, слава которых давно пересекла границы страны. Здесь же у дороги покупаем маленькую корзину этих яблок, моем их в горном ручье и с наслаждением съедаем.

Сады подступают к довольно большой деревне Кассаб. Население ее — около 2,5 тысяч человек. Первое большое здание — недавно построенная мечеть. Выше мечети — христианская церковь. Чистые гостиницы с двориками и непременно фонтанами. Двухэтажные светлые домики поднимаются лесенкой по склону горы. Переплетаются узкие улочки. В летнее время жизнь здесь становится более оживленной благодаря потоку туристов. Зимой — глухие, закрытые окна отелей, холод, зачастую снег на крышах домов. Все замирает.

Жители деревни — в основном армяне. В тяжелом 1915 году, после резни, учиненной фанатиками-турками, тысячи армян, обездоленных, потерявших семьи, близких, детей, устремились из Турции. Сирия была первой страной, принявшей многих из них. Небольшая группа обосновалась в горной деревушке, удаленной от больших городов, затерявшейся на склоне горы. Построили христианскую церковь, армянскую школу, чтобы дети не забывали родного языка, культуры. На каменных террасах и в долине были выращены знаменитые яблоневые сады. Домики из белого известняка постепенно поднимались выше в гору, лепились к скалам, подобно ласточкиным гнездам.

Сейчас Кассаб — одно из любимых туристами и жителями Латакии мест. Прохлада в самый жаркий сезон, красивый горный пейзаж, вкусная кухня обеспечивают растущую популярность местечка.

В шести километрах от Кассаба раскинулся необычайной красоты залив Рас-эль-Бассит — огромная раковина с синей водой, окаймленная песчаной полоской и сосновым лесом. В этом живописном месте сирийский

профсоюз только начинает строить двухэтажные домики для отдыха. В будни здесь царит тишина. Гладкую поверхность воды бесшумно разрезают лодки местных рыбаков. Пустуют маленькие ресторанчики — кухня и прилегающая к ней веранда, крытая соломенными циновками и заставленная пластмассовыми столиками на металлических ножках и простенькими стульями. По воскресеньям, когда отдыхают христиане, и по пятницам — выходным дням мусульман с раннего утра тишину леса пререзают гудки многочисленных автобусов, частных автомобилей. Из них выплескивается шумная толпа взрослых и детей, приехавших сюда на однодневный отдых. Вынимают корзинки со снедью. Старичок стелит коврик в углу веранды и, обратив бледное морщинистое лицо в сторону Мекки, начинает молиться. Женщины, одетые, как правило, несмотря на жару, в черное, хлопотливо открывают кастрюли с хоммасом и табули, приготовленными дома. Хоммас и табули — два традиционных блюда арабской кухни. Хоммас — отварной горох, тщательно растертый с оливковым маслом и специями, который подается, как и остальные закуски, в глиняной мисочке. Табули — крупного помола пшеница, перемешанная с мелко нарезанными помидорами и сдобренная мятой, перцем, солью, лимонным соком. Все это свежее, вкусное, насыщенное витаминами. Хозяева ресторанчиков развивают кипучую деятельность. В кухне шипит на углях только что пойманная в заливе рыба. На задворках кто-то ловит курицу, жилистую, шуструю, целый день занятую проблемой собственного пропитания. Кур здесь вообще кормить не принято. Кормятся сами — что бог подаст. Поэтому мясо их гораздо дешевле любого другого. Крикливая хохлатка, наконец, поймана, ощипана, быстро обжарена и через несколько минут подана на стол, на котором уже появились орешки, бутылка национального пива «Аш-Шарк» или плоская бутылочка с местным араком — анисовой водкой. Готовят ее на небольших винокуренных заводах, каждый из которых имеет свой рецепт.

Семьи приступают к трапезе. Едят долго, спокойно, со вкусом. Обмакивают кусочек белой лепешки в хоммас, затем хлебом же забирают щепоть табули и все отправляют в рот. Хрустят куриные косточки, растет горка костей от рыбы. Едят в основном руками, аппетит-

но, с наслаждением. Наконец, убирается со столов мусор. На столиках появляются маленькие чашечки горячего черного кофе, и наступает благословенное время кейфа. Тело откидывается на спинку стула. Голова тяжелеет. Любители заказывают наргили и, полузакрыв глаза, втягивают дым. Иные устремляют взгляд на спокойную гладь залива. До отъезда еще часа два. Солнце поднялось высоко, наступила жара. Водная поверхность, отражая лучи, слепит глаза. Душно. Подошвы серо-желтых скал опущены в прохладное море. Сейчас бы искупаться! Но подобная мысль, как ни странно, никому не приходит в голову. Просто здесь это не принято.

Бегущий от удобной бухты вверх, в скалы, труднопроходимый кустарник скрывает немало тайн. В далекие времена здесь был красивый город Поссидум. Вы пробуете пробраться через кустарник. Мгновенно руки и ноги исцарапаны в кровь, но ваша любознательность вознаграждена. Среди зарослей неожиданно возникает стена серого двухэтажного строения с небольшими отверстиями окон. Лежат тяжелые плиты храма, за которыми вновь густые непроходимые заросли. А вот еще одна находка — ручка огромного кувшина с сохранившимся греческим клеймом. Лопата археолога еще не касалась земли, под слоем которой скрывается этот когда-то богатый город, разграбленный и уничтоженный около 313 года до н. э.

Над заливом и руинами господствует гора, которую местные жители называют Кассаб. Это немой свидетель многих событий, гибели и возникновения цивилизаций. С незапамятных времен она считалась священным местом. Хеттам она была знакома под хурритским названием «Хаззи». На вершине ее они приносили жертвы своим богам. Позже греческие моряки обращали лица к горе, вознося благодарственную молитву прибытия, а отбывая, шептали мольбу о спасении. Божество, к которому они обращались, именовалось Зевс Кассиус. Знаменитый Селевк Никатор, мужественный сподвижник Александра Македонского, поднимался на вершину горы, чтобы принести жертву богам. Как гласит легенда, в момент жертвоприношения появился откуда-то огромный орел, схватил кусок жертвенного мяса, взлетел с ним, а затем уронил неподалеку. Замер от неожиданно-

сти Селевк и принял знак богов. В этом месте был основан город Селевкия.

Легенды, переплетаясь, создают удивительную картину, где историческое и мифическое тесно связано. Легенды таинственны и прекрасны. Они — плод неистощимой фантазии народа. А вершина Кассаба до сих пор хранит остатки пепла, костей молодых животных и следы разрушенных жертвенников.

В предгорьях Кассаба немало зеленых долин с маленькими деревушками из пяти-шести домов, с непрерывной кофейней под крышей из старых циновок. У пыльных кактусов дремлют нагруженные ослики. Солнце заливает все жарким светом. В сухом воздухе пряный запах трав. Деревеньки эти существуют с незапамятных времен, неприметные, мало кому известные. Но одна из них известна людям на протяжении многих веков. Название ее — «Эль-Медждель».

Окруженная цветущими акациями, на невысоком холме стоит часовня с прославленным крестом. Тишину дня нарушает лишь звон цикад. Пахнет соснами, нагретыми солнцем. Тропинка ведет вверх, пересекает дворик. С большой иконы на вас смотрят печальные глаза. Часовня пуста. Кругом ни души. Но дворик аккуратно посыпан песком, кусты подстрижены. Место это связано с именем знаменитой грешницы Марии Магдалины. По преданию, здесь она мыла ноги Христу и вытирала их своими волосами. Часовня любовно охраняется сирийцами — христианами и мусульманами.

О ПТИЦЕ ФЕНИКС И НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ

Дождливые скучные дни зимы проходят в Сирии удивительно быстро. И вновь сияет солнце. Зеленым ковром покрывается безжизненная, казалось бы, пустыня. В голубом небе появляются стаи гусей, спешащих на север. Вдоль дороги, ведущей в Халеб, среди камней по первой травке важно вышагивают белые цапли. Воздух прозрачный, теплый. Жары пока нет. Вся природа пронизана радостью обновления.

Постоянное обновление природы всегда поражало людей древности, заставляло их задумываться, порожд-

дало удивительные легенды. Одна из них особенно популярна. Это легенда о бессмертном Фениксе.

Птица Феникс жила в прекрасной стране, где восходит солнце. Прожив тысячу счастливых лет, она начинала чувствовать приближение старости и тогда летела к берегам Средиземного моря, на сирийское побережье, которое называлось «берегом Феникса» — Финикией. В финиковой роще она выбирала самую высокую пальму и на вершине ее вила гнездо. Дождавшись солнца, птица начинала петь свою прекрасную песню. Все вокруг замирало, даже бог солнца останавливал свою колесницу. Когда он снова трогал коней, из-под копыт летели искры, от которых гнездо мгновенно вспыхивало и сгорало вместе с распевующим Фениксом. А на третий день после этого птица Феникс возрождалась из пепла и начинала новое тысячелетие своей жизни. Расправив крылья, птица летела на восток, в свою райскую страну, и ее сопровождали стаи обычных птиц, которые, долетев до цели, оставляли там птицу Феникс, а сами возвращались обратно, на родину. И так каждый год те же птичьи стаи предпринимают далекое путешествие.

Поэтична легенда о вечно возрождающейся птице и прозаична действительность. Каждую весну над разлившимися водами Евфрата, перехваченного широкой лентой плотины, в синем небе появляются стаи птиц. В это время из разных уголков страны — из Латакии, Халеба, Дамаска, Хамы — едут охотники с современным оружием, чтобы заняться отстрелом птиц. И если закон древних гласил: убивай ровно столько, сколько нужно для еды, то современный, цивилизованный человек, сытый и спокойный, демонстрирует лишь азарт и свое мастерство. Стаи следуют одна за другой. Гусей, куропаток, даже крошечных скворцов бьют сотнями. Количество перелетных птиц уменьшается с каждым годом. Многие другие представители сирийской фауны занесены в знаменитую Красную книгу. Только на сохранившихся кусках византийской мозаики можно ныне увидеть льва и носорога, дикую кошку, фазана — прежних обитателей здешних мест.

Однажды любители природы устроили в Джебле выставку, посвященную местной флоре и фауне. В двух комнатках приморского одноэтажного дома были размещены чучела птиц, образцы высушенных растений и

цветов. Посетителей было мало. Несмотря на искренние старания любителей природы, выставка имела жалкий вид. Она показала, как поразительно обеднел этот край, какому страшному истреблению подвергся богатый когда-то животный мир.

На протяжении веков в Сирии варварски истреблялись не только животные и птицы. У входа во дворец царей Угарита в каменных плитах сохранились две большие круглые выемки. Здесь стояли когда-то огромные колонны из цельного ливанского кедра. Ныне знаменитый кедр совершенно исчез в Сирии. Немногочисленные его экземпляры остались лишь в самых труднодоступных уголках Ливана. Ученые пытаются возродить эту древнюю культуру, но это пока не удастся.

Единственный лесной массив, сохранившийся в Сирии, находится на севере, у подножия горы Кассаб. Он объявлен сейчас государственным заповедником. В лесных ущельях здесь еще водятся кабаны, дикобразы, изредка попадаются косули. Сохранилась, как уже говорилось, уникальная роща пробковых дубов.

В последнее время правительство Сирии предприняло ряд мер, чтобы сохранить оставшиеся леса. Запрещены вырубки. Периодически по инициативе министерства сельского хозяйства проводятся заседания директоров лесных хозяйств и решаются насущные проблемы. Осуществляются посадки леса, выращиваются саженцы различных древесных пород. Предусмотрен широкий круг мероприятий по правильной организации и ведению существующих лесных хозяйств. Спасение сирийских лесов — одна из самых актуальных задач настоящего времени.

ХАЛЕБ

Вечер опустился на Халеб мгновенно, как это бывает в южных городах. Зажглись огни улиц. Гудки машин перемежались с шумом спешащей толпы. Мы ужинали в ресторане гостиницы «Турист». Усталость после долгой дороги была настолько сильной, что не хотелось говорить. На столе появилась знаменитая мезза — бесчисленные холодные закуски на мелких тарелочках: острые огурчики, муттабыль — тертый баклажан с оливко-

Халеб

вым маслом, редиска, зеленый лук, маслины и т. д. Любителям предлагался широкоизвестный арак. Бесшумно двигались официанты, склонялись над столиками, спешили на призывные хлопки в ладоши. Настраивали инструменты музыканты — молодые ребята, армяне (процент армянского населения в Халебе особенно велик).

Оркестр заиграл. Печальная музыка обволакивала сознание. Ведущая скрипка рассказывала нечто безмерно печальное, рыдала безутешно и мучительно, и не было конца этой тоске. Казалось, весь мир погружен в горе. Не было человека в зале, не захваченного властной силой этой музыки, заставлявшей сжиматься сердце. Смолк специфический шум ресторана. «Что они играют?» — «Знаете, песню эту написал не композитор, а просто любитель, армянин. Он из нашего города. Его близкие погибли во время резни, учиненной турками в 1915 году. В память о тех страшных днях он написал эту песню без слов».

Тысячи армян, измученных, усталых, шли тогда по пыльным дорогам. Им помогали арабы, турки, курды. Подняла голос протеста международная интеллигенция.

Даже губернатор Джамал-бей телеграфировал в Стамбул: «Я являюсь губернатором этой провинции и не могу быть ее палачом». Но вскоре он был убран со своего поста.

Халеб наблюдал не только эту трагедию. На протяжении своей долгой истории город был ареной многих жесточайших столкновений, опустошительных набегов древних народов. Стон и плач сопровождали толпы уводимых в рабство. Стены древней цитадели могли бы поведать немало рассказов о мужестве жителей города. Византийский император Никифор Фока в X веке захватил Халеб, разграбил и сжег его, но взять крепость не смог. Никифор Фока решил покинуть город, но его молодой, энергичный племянник Теодор не оставлял надежды взять цитадель. Византийцы подошли к самым ее воротам, где Теодор, поднимая дух воинов, обратился к ним с речью. В порыве красноречия он забыл об осторожности. Ворота за его спиной приоткрылись и некая женщина ловким и сильным ударом камня оборвала не только речь, но и жизнь юноши. Византийские войска возвращались в глубоком трауре. В цитадели наступило ликование, однако ненадолго. Последовало страшное возмездие. Никифор, отобрав 12 тысяч жителей города, заставил их встать на колени перед крепостью и обезглавил на глазах онемевших от ужаса ее защитников. После этого, так и не взяв цитадели, Никифор отступил, оставив за собой совершенно разрушенный город.

В XV веке Халеб подвергся не менее разрушительному нашествию легендарного Тимура. По крутым стенам цитадели карабкались люди, лошадиное ржание сливалось с криками раненых и умирающих. Град камней и потоки горячей смолы сметали нападающих, но по живому месиву тел поднимались другие в неистовом стремлении овладеть крепостью. Шел 1401 год — год покорения Тимуром Сирии. Тысячи ремесленников, знаменитых ткачей, чеканщиков, резчиков по камню были насильно вывезены тогда из Халеба. Но город продолжал жить, устояв не только перед завоевателями, но и перед землетрясениями, оставившими на нем свои следы.

Музей в Халебе отражает жизнь Сирии на протяжении многих веков, а также те культурные тенденции, которые характерны для страны, идущей по пути прогрессивных социальных преобразований. Он расположен в

центре города, в светлом доме, окруженном небольшим садом. Символична судьба этого здания. Оно было выстроено во времена французского мандата и предназначалось для городского муниципалитета. Однако политические события изменили многое. Городом стали управлять сирийцы, и решением национального городского совета здание было передано музею.

У входа в музей три огромные фигуры из серого камня подпирают портик. Это триада из древнего арамейского города Гузана — статуи двух богов и богини. Массивные ноги богов топчут спины животных. Композиция на редкость выразительна. Пасти львов злобно оскалены, глаза сверкают, рога быка угрожающе выставлены вперед. Непропорционально огромные, с яркими белками и черными обсидиановыми зрачками глаза богов производят неизгладимое, жуткое впечатление. Этими мистическими глазами смотрит на нас сама древность. Когда-то скульптуры поддерживали портик дворца арамейского правителя. На платье женского божества Иштар выбит клинописный текст: «Это дворец Капара. Мой дед и отец умерли и стали бессмертными, но не смогли сделать того, что сделал я. Если кто-либо сотрет мое имя, чтобы поставить свое, то пусть семь его сыновей будут сожжены перед Хаддадом (главный бог Гузаны.— А. Д.)». Угроза, видимо, хорошо действовала на протяжении веков.

Боги удивительно напоминают крестьян: крепкие икры, босые ноги. На Хаддаде короткая рубашка и мешковатые штаны — такие до сих пор носят крестьяне Северной Сирии. В правой руке он держит жезл, левая лежит на рукояти кинжала. В изобразительном искусстве, как и в гимнах того времени, ярость бога сравнивалась с львиной, а мощь — с силой дикого быка. Вполне естественно, что рядом со скульптурами богов — изображение льва, чье напряженное тело олицетворяло силу, ярость и своеобразную грацию.

Мы покупаем входные билеты, рассматриваем книжки с описанием достопримечательностей Халеба и его окрестностей. Тишина музея внезапно нарушается. Группа студентов, смуглолицых, живых, наполняет жизнью тихий вестибюль. Но через пять минут снова наступает тишина. Студенты, замерев, слушают экскурсовода, дающего справку по истории Сирии. В это время мы вхо-

дим в первый зал, посвященный культуре древних государств.

Финикии — удивительной, давно исчезнувшей стране посвящена первая экспозиция. Бесстрашные мореплаватели из городов-государств, разбросанных по побережью, господствовали на важнейших торговых путях Средиземного моря. Финикийцы создали неповторимую культуру, литературу, один из первых в истории человечества алфавит. Археологи нашли ювелирные изделия, статуэтки из терракоты, бронзовые украшения интерьеров, керамику и многое другое.

Для искусства Финикии характерны разнородные влияния, переплавленные в горниле таланта местных мастеров, создавших неповторимые шедевры. Под солнечными лучами переливаются все цвета радуги на стенках маленьких хрупких кувшинчиков. Финикийцы не были изобретателями стекла, но искусство его обработки они довели до совершенства. Их продукция пользовалась громкой славой, став предшественницей венецианских изделий. Даже предметы каждодневного употребления сделаны с большим мастерством. Финикия торговала со многими странами Средиземного моря. Близлежащий Кипр являлся местом, откуда привозили железо, медь. Возможно, это определило и название острова (купрум — Кипр).

Наше внимание на миг отвлекается от экспозиции. В зал входят малыши, ученики самых младших классов, с учительницей. Идут цепочкой, глаза изумленно распахнуты, рты полуоткрыты. Массивные хеттские скульптуры, кажется, немного подавляют и пугают их. Перед ними открывается мир далекий и удивительный. Учительница рассказывает о прошлом страны, ее культуре, природе, о тех далеких временах, когда в пустынях Сирии жили львы и бегали длинноногие страусы, бродили стада непуганых антилоп. Сейчас все эти животные истреблены. Остались лишь каменные древние барельефы с их изображением. Малыши с интересом рассматривают хеттского бога Тешупа. Он стоит на тотемном животном, держа в одной руке трезубец, в другой — заостренный топорик. На нем коническая шапка с двумя рогами. Камень с его изображением опоясывает хеттская иероглифическая надпись. Дети узнают, что писал тот далекий народ совсем не так, как их учат в арабской школе.

В залах музея на наших глазах происходило приобщение детей к великому прошлому их страны, к ее богатой культуре. Незаметно, через древние реликвии в ребенке воспитывается любовь к родине, интерес к ее истории, все то, что позже сделает его истинным патриотом Сирии. Нас охватило чувство симпатии к этой хрупкой учительнице из города Халеба, признательности за ее каждодневный благородный труд.

Мы переходим от стенда к стенду. Взгляд задерживается то на маленьких культовых фигурках обнаженных женщин, то на многочисленных резных печатях и глиняной посуде, на табличках, рассказывающих о событиях далеких лет в мифах и поэмах, вошедших в сокровищницу культурного наследия человечества.

Часть экспозиции следующего зала посвящена другому древнему государству — Ассирии. На стене фрагмент ассирийской росписи с головой воина. На красивом смуглом лице подведены черной линией глаза. Длинные волосы опущены до плеч, переходя в пышную бороду. В глубокой древности волосам приписывали таинственную силу. Длинные волосы носили священнослужители. Тогда же возникла поэтическая легенда о Самсоне и Далиле. На лице ассирийского воина печать целеустремленности и сильной воли. Он представитель мощного государства, огнем и мечом утвердившего свое господство на огромной территории, от Малой Азии до Египта. Все искусство той поры прославляло силу и победы. Гимн мужеству, находчивости и даже жестокости представляет собой и изображение охоты: выпрямившись, в колеснице стоит царь с конической тиарой на голове. Стрела его уже поразила льва. Смотришь на фрески и рельефы и вспоминаешь стихи В. Брюсова:

Прекрасен в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон...

Таким и изображен ассирийский владыка на серой стене. Перед ним две коленопреклоненные непропорционально маленькие фигурки пленников. Один из них — финикийский царь из Сидона, другой — малолетний сын египетского фараона. Из двух пленников первый был зверски обезглавлен, другой отпущен за огромный выкуп.

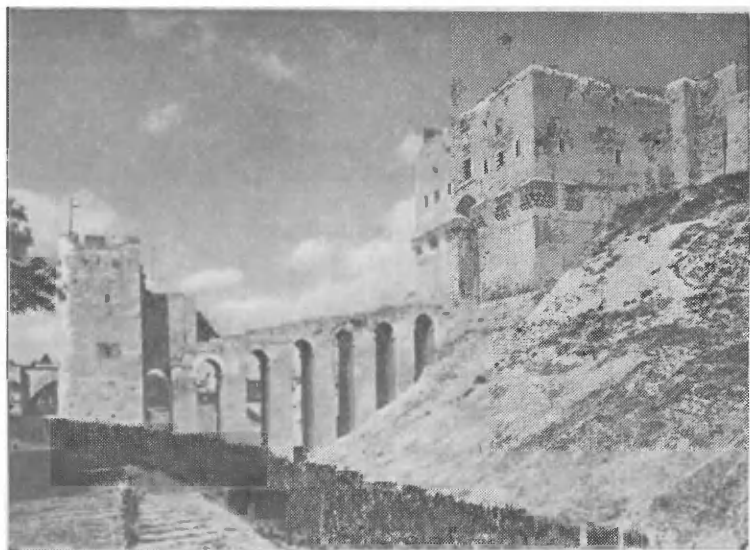
Менялись эпохи. В результате варварских набегов

опустошались и исчезали города, гибли и угонялись в рабство ни в чем не повинные люди. Но культура продолжала развиваться. Ассирийцы заимствовали религию, культуру, искусство вавилонян, наполнив его пафосом силы и могущества. В эпоху эллинизма на месте прежних хеттских и ассирийских храмов возникли новые, но старые скульптуры зачастую оставались нетронутыми. Культурные влияния переплетались. В тяжеловесное искусство народов, населявших северо-восток Сирии, влилась эгейская струя. Если для произведений первого было характерно обожествление деспотической власти, страх перед смертью, выявление звериной мощи, за которой скрывались непонятные силы природы, то искусство эгейское было более радостным. Наше внимание привлекла пластинка из слоновой кости с тончайшей резьбой. Маленький, трогательный теленок сосет мать, а корова, повернув голову, ласково облизывает свое дитя. На другой пластинке олень с ветвистыми рогами щиплет траву. Каждая из них — шедевр, поражающий не только мастерством исполнения, но и радостным восприятием окружающего мира.

Некоторые экспонаты несут на себе следы благотворного влияния различных стилей. Панель из слоновой кости изображает двух баранов с короной на голове — мотив, характерный для египетского искусства. В центре композиции — стилизованная пальма, вечное дерево жизни — образ, многократно повторяющийся в восточном искусстве. Каждая линия естественной фактуры кости талантливо использована.

Рядом с двумя великими восточными культурами, вавилонской и египетской, в Сирии уживалась и культура хеттов. Памятники хеттской культуры — большей частью барельефы — сохранились и находятся в Халебском музее. На каменных стелах изображены носатые, приземистые человеческие фигуры в остроконечных шапках, в обуви с загнутыми сверху носками.

Интересный рельеф был найден при раскопках холма, на котором стоит цитадель Халеба. На рельефе изображен хеттский бог солнца и справедливости, представленный солнечным диском, колыбелью для которого служит серп луны — богини мудрости. Два человеческих существа с крыльями за спиной и рукой, сжатой в кулак, поддерживают солнце и луну. Их ноги находятся в дви-

Вход в цитадель Халеба

жении. Они бегут, пытаясь не уступить солнцу в скорости. Раскинувшиеся за спиной крылья подчеркивают быстроту движений. Одежда крылатых людей, длинные волосы, форма бороды — типично хеттские. Полагают, что эта интересная стела относится к IX веку до н. э.

Сохранились и многочисленные хеттские надписи на камне — следы цивилизации, распространившейся на огромном пространстве, включавшем в себя Месопотамию и Северную Сирию. В XV—XIII веках до н. э. хетты были соперниками египетских фараонов в Сирии. Нередко они вели удачные войны и вытесняли египетское влияние на севере Сирии.

Экспозиция второго этажа музея посвящена истории раскопок на территории Сирии. Стенды, фотографии, пожелтевшие планы многочисленных иностранных групп, работавших здесь: в Телль-Ахмаре — Ф. Торо-Дангира, в Телль-Халафе — барона фон Оппенгейма, в Телль-Харире — Андре Парро и других. Наиболее интересные находки вывезены и украшают парижский Лувр, музей Берлина и других городов.

Недавно в музее открылся зал современного искус-

ства. Живопись Сирии наших дней уходит корнями прежде всего в родную почву. Богатые культурные традиции страны трансформированы в искусстве сегодняшнего дня. Картины Е. Торо пронизаны любовью к родине, ее природе. На залитом солнцем деревенском дворике сидят тесным кружком старики. Они мирно беседуют. Взгляд каждого спокоен и мудр, а натруженные руки лучше всего говорят о их жизни.

Иные мотивы звучат у М. Джазайра, назвавшего свою картину «Трагедия отверженного». На переднем плане прикипший к земле араб. Фигуры в черном уходят, бросив через плечо последний недобрый взгляд. Фоном служит восточная деревня: каменные глухие дома, заборы. Это, видимо, один из тех глухих уголков страны, где на настоящее давит тяжкий груз традиций, идущих в глубь веков, неизжитая суровость и жестокость нравов. Но по духу картины чувствуется, что отверженным будет не лежащий на земле человек, а темные фигуры, уходящие вдаль — в прошлое.

«Цветущая яблоня» Абу Калами покоряет нежными красками южного неба, на фоне которого дано дерево в белой пене цветов — символ человеческого счастья, радости. Сквозь ветви просматривается в дымке город. Невроятно, чтобы люди в нем были несчастливы.

Из западных влияний в современной сирийской живописи наиболее ощутимо влияние французской школы (кстати, художники старшего поколения зачастую получали образование в Париже). Такое влияние прослеживается, в частности, в абстрактных вариациях М. Шора. Социальные мотивы звучат в работах Ильеса. В духе Сальвадора Дали написан «Кортеж» М. Хаммада, изображающий процессию христиан — трагическое шествие полуживых-полумертвецов, кошмар, пронизывающий сознание современного человека Запада. По-своему трактует события последней «октябрьской войны» Асма Файюми, картины которого также выполнены в абстрактном стиле. Его «Иерусалим» — это горящий в пламени, самопожирающий город.

На одной из стен зала несколько акварелей и в центре — фотография человека с умным интеллигентным лицом. Это Фатхи Мухаммед, автор акварелей и скульптур, представленных здесь же. «Вы знаете, кто этот молодой человек», — раздался голос позади нас. Перед

нами стоял пятидесятилетний человек. Глаза его приветливо улыбались. Так мы познакомились с Наземом Джабри, директором Халебского музея. «Вас, вероятно, удивляет моя внешность, серые глаза. Я не похож на араба. Бабушка моя была русской». Слово «бабушка» он произнес чисто по-русски. «Она вышла замуж за армянина. В 1915 году турки убили ее и мужа на глазах детей, которые позже с беженцами пришли в Сирию. Одной из беженок была моя мать». Поведав нам о грустных перипетиях собственной жизни, наш новый знакомый вновь вернулся к Фатхи Мухаммеду, тоже уроженцу Халеба, талантливому и безвременно погибшему художнику. С детских лет мальчик работал в лавке. Постоянно рисовал. Талант ребенка привлек внимание отца Назема Джабри, который добился, чтобы мальчика приняли в художественную школу. Для продолжения образования он был послан в Италию. Там написал большинство картин и создал несколько скульптур. Вернувшись домой, не мог найти работу, оказался «не ко двору». Материальные трудности и полное непонимание окружающих привели его к ранней смерти. Мы с интересом рассматриваем работы Фатхи Мухаммеда. Все талантливо, но несколько однообразно. Родные мотивы совершенно отсутствуют, а Сирия могла бы дать такому художнику неисчерпаемый и более близкий материал. Конечно, трудно судить по немногим работам о творчестве художника в целом, но после просмотра выставки осталось ощущение, что физической смерти Фатхи предшествовала духовная. Он был иностранцем в Италии и чужеземцем на своей родине. Не было у его творчества глубоких корней, что и определило трагическую участь художника.

Наша экскурсия подошла к концу. Мы тепло прощаемся с Наземом Джабри, человеком, сделавшим неизмеримо много для создания Халебского музея. Им был спасен ряд бесценных реликвий. Часть экспонатов при его помощи перешла в музей из частных собраний. Назем Джабри в курсе всех последних археологических событий. Музею он отдает свой труд, время, жизнь. Мы искренне пожелали ему успехов в его благородной работе.

Никто не знает историю Халеба, его улиц и памятников лучше, чем Назем Джабри. Воспользовавшись лю-

безным приглашением, мы идем с ним осматривать город.

Весь Халеб виден со стен цитадели. Город серо-желтый, со стрелами минаретов, куполами мечетей, многоэтажными современными домами. Причудливо перемешаны стили, эпохи.

Халеб имеет самый длинный в мире крытый рынок, который почти не изменился в течение веков. Нырнув под каменные своды, мы попадаем в настоящее средневековье. Узкие тоннели обрамляются справа и слева множеством лавок. Горы кореньев, хны, корицы, перца создают неповторимый букет запахов. Рядом вороха шелка, шерсти, парчи. Крестьянки в длинных ярких национальных платьях со знанием дела перебирают в руках ткани. Переливающиеся всеми цветами радуги краски возмещают недостаток света, который проходит только через небольшие отверстия в потолке... Быстро отскакиваем в сторону, ибо навстречу нам спешит веселый парень на осле. Бедуины толкуются у лавок, где продается упряжь для верблюдов, национальные платки.

До сих пор на этом огромном рынке существует корпоративная система продажи пряностей, текстиля, веревок, шатров и прочего. Чего только не встретишь здесь! В золотых рядах вам предложат кольца и серьги — старинные и самых последних моделей, чеканные пояса, височные украшения. Нависающие толстые своды создают особую атмосферу. Здесь прохладно летом, тепло и сухо зимой. «Обратите внимание на эти лавки,— говорит Назем Джабри.— Они совершенно не перестраивались с XV века». Выглядят эти лавки действительно своеобразно. Узкие и длинные отверстия входов обрамлены деревянными створками с нарисованными на них цветными узорами. В стороне лежит огромный замок, место которому давно в музее. Сонными глазами смотрит толстый усатый продавец в феске, а на прилавке властно покоятся пять жирных пальцев огромной кисти. Ощущение возврата в глубокое средневековье дополняется видом массивных ворот хана — старого караван-сарая на территории рынка. Пуст обширный двор, где когда-то стояли нагруженные верблюды. В центре — часовня. На галереях, окружающих двор с четырех сторон, заколочены окна. Сейчас там находятся склады. «Мы надеемся в будущем превратить ханы в современные гостиницы,

оставив внешний колорит. Думаю, они будут иметь успех у туристов»,— говорит Джабри. Идея очень хорошая. Кстати, некоторые караван-сарай до сих пор использовались по своему прямому назначению, хотя на смену верблюдам пришел самый разнообразный транспорт.

Не менее выразительна, чем базар и ханы, сумятица восточных лиц, ярких одежд, гортанных криков, ослиных воплей. Все это вместе создает совершенно неповторимое ощущение. Под ногами снуют ребяташки, любопытный, всюду поспевающий народ. Туристы-европейцы с интересом рассматривают бедуинские длинные платья, расшитые золотыми нитями, а продавец, зная, с кем имеет дело, называет двойную цену.

Недалеко от крепости и рынка находятся древние ворота города. Здесь множество мечетей и медресе. Красивый портал, украшенный резьбой по камню. Это медресе Шарафийя, построенное в 1242 году. Сейчас в этом здании находится библиотека, известная тем, что хранит редкие манускрипты. На серых камнях внутреннего двора белые квадраты. Один маленький — в центре (здесь сидел учитель), другой, больший, окаймляет первый (место, где располагались ученики).

Среди многочисленных мечетей особое место занимает Большая мечеть Омейядов (VIII век), возникшая на территории христианского храма, в свою очередь построенного на месте языческого, что весьма характерно для Сирии. Над мечетью возвышается стройный квадратный минарет, до сих пор считающийся лучшим в городе. Михраб мечети украшен дорогим деревом, инкрустированным слоновой костью.

Многие кварталы Халеба сохранялись почти нетронутыми долгие века. Узкие улочки переходят одна в другую, зачастую кончаясь неожиданным тупиком. «Город вне цитадели в свое время делился на район христианский и мусульманский,— рассказывает Назем Джабри.— Каждый из них имел огромные ворота, которые запирались на ночь». Мы идем по узенькому тротуару, почти прижимаясь к стене старого дома. Джабри вынимает из кармана ключ, открывает обитую железом массивную калитку в стене, и мы оказываемся во дворе дома Ахик-баша (XVIII век). «Вы не удивляйтесь. Как директор музея, я имею право зайти в любую квартиру этого до-

Современный Халеб

ма, купленного государством и реставрируемого сейчас как памятник архитектуры». Старушка, выглянувшая в окно, приветливо закивала нам головой. Окна этого удивительного дома и его карнизы украшены редкой резьбой — сказочное переплетение цветов, трав, геометрического орнамента. Арка над дверью, по арабской традиции, выложена чередующимися плитами белого и черного мрамора. В декоре самым странным образом, но исключительно гармонично сочетаются элементы эллинского, христианского и исламского искусства.

За толстыми стенами дома шла своя жизнь. Устраивались вечера музыки, танца, поэзии, чем была богата и известна восточная жизнь со времен, описанных в «Тысяче и одной ночи». В середине внутреннего дворика — фонтан, окруженный лимонными и апельсиновыми деревьями и цветами.

В алмазных брызгах фонтанов счастливый
слышался смех,
Бесценные благовонья курились в чертогах всех,—

писал Аветик Исаакян в поэме «Аль-Маари». Крошечный садик создавал то очарование, без которого не мыслится благоустроенный арабский дом. Дома украшали зарешеченные балкончики, с которых женщины наблюдали за происходящим во дворах, не будучи видимы извне. Почти все дома такого типа имели собственные колодцы и цистерны для хранения воды, а также обширные подвалы для хранения продуктов. Воздух в них охлаждался бегущей по специальным трубам водой. В комнатах над подвалом можно было легко пережить любую жару.

Переполненные впечатлениями, мы покидаем старый квартал. Переулки выводят нас на современную магистраль с шумным движением. Сейчас в Халебе миллион жителей. Это не только город с легендарной историей и удивительными традициями, но и крупный промышленный центр. Он играет важную роль в осуществлении социальных, политических и экономических преобразований, поставивших Сирию на путь прогрессивного развития. Это крупнейший в стране центр текстильной промышленности. Вокруг него сосредоточены районы выращивания хлопка. Широко известна национальная фирма «Сатекс», продукция которой пользуется большим спросом не только в стране, но и за ее пределами; она экспортируется и в Советский Союз, и в страны народной демократии. Это в основном пряжа, шелковые ткани, парча, ковровые изделия типа гобеленов. Наряду с несколькими крупными фабриками существует 5 тысяч ручных станков. Из поколения в поколение передают мастера искусство шелкоткачества. Ткацкие изделия пользуются наибольшим спросом у туристов. Крупным ежегодным событием является фестиваль хлопка в начале сентября. Со всех концов страны и из-за рубежа в Халеб съезжаются гости. Государственная компания «Сириен Маркетинг Организейшн» составляет программу фестиваля, в которую входит праздничный парад. Участники, представители разных районов, проявляют массу выдумки и вкуса, украшая шествие. Одна за другой едут красиво убранные машины. За ними следуют девушки в ярких национальных костюмах. На головах они несут корзины с хлопком. Праздник длится неделю, в течение которой проходят спортивные соревнования, праздники народного танца, приемы для гостей, посе-

щаются исторические достопримечательности. Венчает праздник бал, на котором выбирается королева красоты.

С каждым годом расширяется текстильное производство. В настоящее время ведется строительство новых хлопкоочистительных заводов, оснащенных современным оборудованием, что позволит увеличить производство высокосортного очищенного хлопка. В 1977 году производство его составило 163 тысячи тонн.

Город является центром обширных сельскохозяйственных районов. Поэтому именно здесь сосредоточены многочисленные предприятия по обработке оливок, сахарной свеклы, производству соков, масла, сыра. Сейчас в Халебе идет строительство нескольких элеваторов емкостью 40 тысяч тонн. В ближайшем будущем будут предотвращены потери зерна, выращиваемого внутри страны. Известен на всю страну халебский пивоваренный завод, выпускающий высококачественное пиво «Аш-Шарк». Большой популярностью пользуется тракторный завод, продукцию которого можно увидеть на полях страны.

С развертыванием в Сирии широкого жилищного и промышленного строительства проблема обеспечения стройматериалами стала одной из самых насущных. Решению этого вопроса правительство уделяет серьезное внимание. Создан перспективный план развития промышленности стройматериалов на ближайшие годы, в котором важное место отведено Халебу. Государственное объединение Союз промышленных предприятий по производству стройматериалов и химической продукции в новой пятилетке планирует создание целого ряда новых заводов и фабрик. Среди них завод по производству электрокабелей в Халебе. В городе предполагается также создание заводов оконного стекла, сантехнических приборов и других. Введение в строй этих заводов еще больше укрепит развивающуюся промышленность страны, и особенно ее государственный сектор. Начато строительство цементного завода, с завершением которого производство цемента в стране достигнет 3 миллионов тонн в год, что даст возможность не только удовлетворить потребность в нем Сирии, но вывезти за рубеж.

В результате исторически сложившихся обстоятельств

Сирия не имела единой сети железных дорог. Такой крупный центр, как Халеб, был плохо связан с сельскохозяйственными районами страны. Слабое развитие железнодорожной сети отрицательно сказывалось на экономике Сирии. Задача связать северо-восток страны с портами на Средиземном море стала первоочередной. Сейчас заканчивается строительство (при содействии Советского Союза) железнодорожной линии Латакия — Халеб — Камышлы протяженностью 750 километров. Таким образом, будет обеспечен вывоз зерна, хлопка и других сельскохозяйственных продуктов к портам Сирии. На участке протяженностью 510 километров между городами Халеб и Дейр-эз-Зор уже осуществляется движение грузовых и пассажирских поездов.

Велик вклад Халеба в строительство крупнейшей в Сирии Евфратской плотины, которое велось с помощью советских специалистов. Завершены работы, связанные с сооружением плотины ГЭС и электростанции, что дало возможность высвободить подавляющую часть рабочих рук, занятых на строительных работах, и использовать их в осуществлении проекта освоения новых земель в бассейне реки Евфрат. Одним из важнейших проектов, осуществленных организацией Евфратской плотины, явился проект создания нового водозабора в окрестностях города Халеба. Этот новый водозабор, питаемый водами искусственного водохранилища, создаваемого плотинной ГЭС, будет в два раза больше ранее существовавшего.

Современный Халеб строится из светло-желтого камня, причем строители заботятся не только о качестве возводимых зданий, но и об их архитектурном оформлении. Известняк, используемый в строительстве, берут из карьеров, расположенных неподалеку от города. Фактура теплого по цвету камня хорошо оттеняется зелеными прямоугольниками парков с фонтанами, маленькими прудами, с обилием разнообразных цветов на открытых площадках. Одно из самых оригинальных в архитектурном отношении зданий — Халебский университет. Оно имеет форму огромной раскрытой книги и расположено на высоком холме в новом районе города. Обилие студентов (их 12 тысяч) создает ощущение, что эта часть города принадлежит им безраздельно. Правительство САР уделяет исключительное внимание развитию высше-

го образования в стране, подготовке национальных квалифицированных кадров. Халебский университет — одно из ведущих высших учебных заведений страны. Только за прошедшие пять лет на расширение и благоустройство этого университета ассигновано более 120 миллионов сирийских фунтов. Произведена закладка ряда новых учебных корпусов. В 1975 году началось строительство индустриального, медицинского и сельскохозяйственного техникумов, новых корпусов студенческих общежитий. В течение ближайших десяти лет страна предполагает не только обеспечить себя хорошо подготовленными кадрами научных и технических специалистов из выпускников национальных институтов и университетов, но и направлять их в другие арабские страны для оказания помощи в развитии их экономики. Среди этих будущих специалистов большой процент выпускников Халебского университета.

Студенты Халеба активно участвуют в жизни страны. Они были участниками шестой конференции Национального союза студентов САР и направили президенту республики Хафезу Асаду приветственное послание, в котором подчеркивалось, что Национальный союз студентов Сирии с пониманием относится к тем задачам, которые возложены на студенчество страны, и готов приложить все силы ради достижения стоящих перед сирийским народом задач освобождения и строительства базы социализма. 24 января 1975 года вышел первый номер еженедельной газеты «Аль-Масира» — печатного органа Союза молодежи революционной Сирии. Как отмечалось в передовой статье, газета имеет политическую направленность, будет освещать задачи и проблемы, стоящие перед молодым поколением страны на современном этапе.

Халеб широко известен своими культурными традициями. Из этого города вышло немало художников и композиторов, поэтов и писателей. Неизменно внимание привлекают концерты молодого композитора, музыканта и певца Абеда Азри. Этот талантливый певец, обладающий красивым и сильным голосом, переложил на музыку несколько текстов из древней эпической поэмы о Гильгамеше, некоторые поэмы суфиев, современные стихи сирийских, ливанских и иракских поэтов. Для его творчества характерны гражданские мотивы. Именно пото-

му в программы концертов он и его друзья, пианист Арни Якобсон и виолончелист Файез Алби, включили песни поэтов Палестинского сопротивления. Музыка Абеда Азри всегда опирается на лучшие образцы арабской поэзии. И если поэзия остается сугубо национальной, то музыка, по его мнению, должна меняться и соответствовать духу времени: «Мы не должны идти назад и использовать только наши традиции. Мы должны развивать национальную музыку и, развивая, сближать ее с жизнью». Таково художественное кредо Абеда Азри.

Второй после Дамаска город Сирии, Халеб привлекает немало туристов. Каждый год туда приезжает более 150 тысяч человек. К их услугам многочисленные отели — «Турист», «Барон», «Семирамис», «Палас» и другие. Нигде в стране вы не найдете таких вкусных шашлыка, шишкебаба, кубби, баклажанов на вертеле, как в Халебе. Когда весной на тележках уличных торговцев появляются первые фисташки, в воздухе стоит крик: «Халебские, халебские!» — что само по себе уже говорит о качестве товара. А восточные сладости! Марципаны с миндалем, фисташки в сладком тесте и прочее. Халебская кухня — гордость жителей города.

Вечер. Зеленые, синие, красные неоновые огни рекламы сменяют друг друга: «Покупайте часы „Сейко“!», «Самый лучший приемник „Нейшнл“... Толпа шумит у входа в кинотеатр. Быстро раскупаются с лотка сладости и жареная кукуруза. Несколько юношей, подняв голову, рассматривают броский плакат с полуобнаженной девушкой, лукаво посматривающей через плечо. В соседнем кинотеатре идет старый французский фильм. Бесчисленные бары, кафе, рестораны приветливо ждут посетителей. В один из таких вечеров сирийские друзья пригласили нас послушать бедуинскую певицу.

Мы очутились в большом зале со множеством столиков. Свет падал на маленькую сцену, где играл оркестр. Мужчины пили виски и лениво посматривали на сцену: самые интересные номера были еще впереди. Появилась танцовщица, полная, красивая, с томными движениями. Ее большие черные глаза спокойно, пожалуй, даже равнодушно смотрели в зал, пышное тело покачивалось в такт дарбука. Зал несколько оживился, раздались аплодисменты. Недалеко от сцены за большим накрытым столом сидели немцы-туристы. На их лицах был написан

неподдельный интерес к восточной экзотике. Примерно около полуночи на сцену выпорхнула девушка с аккуратно причесанной головкой. Ее гибкое и легкое тело привлекало грацией движений, полных восточной неги. Танцуя, она перегнулась со сцены и ласково подергала за бороду ошеломленного немца. Он онемел от удивления, а публика хохотала. Девушка, подняв сложенные горсткой пальцы, поднесла их к губам, выразив восхищение такой прекрасной и, главное, вполне настоящей бородой. Остроты она парировала быстро и остроумно. Такого рода контакт между танцовщицей и публикой традиционен. Сгибаясь под тяжестью ящика, официант принес шампанское и виски. Вновь начался стремительный танец, поразительный по красоте, с жаркими движениями бедер, груди, пластикой летающих рук и задышающимся темпом оркестра. Пол у ног девушки был обильно полит шампанским.

После небольшого перерыва на сцену вышла молодая женщина с милым скромным лицом и гладко причесанными волосами. Ее появление вызвало бурю аплодисментов. «Кто она?» — «Это наша лучшая певица — Ибра Бедуинка». Все смолкло. Женщина подошла к краю сцены. Несколько секунд длилось молчание. Но вот лицо ее страдальчески сморщилось, и она запела. Голос, исключительно сильный и красивый, рвался из груди. Имел он какое-то жутковатое обаяние. Она пела о путнике, бредущем в пустыне, о бесконечной печали. Казалось, раздвинулись стены и всем сидящим виделась звездная ночь, огромная луна и бедуинский шатер. Певица сумела затронуть струны, скрытые в душе каждого. Из странного состояния нас вывел шум аплодисментов и крики восторга. Певица, слегка наклонив голову, молча и благодарно улыбалась. Ее следующая песня рассказывала о президенте Хафезе Асаде, о доверии и любви к нему народа, о новой жизни, наступившей на родной земле. И в притихшем зале равнодушным оставался, пожалуй, один-единственный человек. Он примостился на ступеньках сцены, одетый в черный бедуинский плащ и белоснежный платок, перехваченный укалем. С толстого лица лениво смотрели сонные глаза. Судя по позе и поведению, он чувствовал себя уверенно и спокойно, но за столик не садился. Нам пояснили: «Это муж Исы. Они из одного кочевого бедуинского племени.

Красивый голос Исры привел их в город, где они и живут сейчас». Самодовольное лицо ясно говорило, что по праву мужчины ему принадлежало все: и сама певица и ее заработок.

МЕРТВЫЕ ГОРОДА СИРИИ

На севере Сирии более сотни мертвых городов. Эти когда-то процветавшие центры расположены в горных местностях, относительно удаленных, что и спасло их от полного разрушения. Каждый из этих городов — страница истории Сирии. Расцвет многих из них относится к IV—V векам, ко времени признания и становления христианства. На территории мертвых городов много церквей и монастырей, строительство которых диктовалось скорее религиозным пылом и духом независимости перед лицом имперской церкви. На стенах домов, богатых и бедных, на многочисленных гробницах сохранились христианские надписи и символы.

Падение этих городов связано с персидскими походами. В первую очередь были ограблены такие богатые коммерческие центры, как Халеб, Антиохия, Апамея. Персы, как правило, использовали тактику «выжженной земли» в своих войнах против Византии. Они сознательно уничтожали виноградники, разрушали каменные террасы, вырубали оливковые рощи, за чем следовала быстрая эрозия почвы. В период арабских завоеваний этот район был уже заброшен. Когда-то интенсивная торговля оливковым маслом и вином стала невозможной.

Монгольские завоевания, кульминационным моментом которых был поход Тамерлана, довершили разрушение. Из-за войн и их постоянной угрозы население двинулось в более крупные города Сирии. Землетрясения способствовали разрушению городов, однако многие не исчезли с лица земли, пережив все превратности судьбы и времени. Одним из таких городов является Эль-Бара.

Мы внимательно рассматриваем карту. Нужно ехать по дороге в Халеб, пересечь горный хребет, добраться до Джиср-Шугура и через 2 километра свернуть направо. Дорога прижимается к горе, покрытой густой зе-

ленью. Внизу река Кибир. Зеленоватая вода застыла в берегах, и ничто сейчас не напоминает о ее бурном характере, проявляющемся в период весенних разливов. Дорога петляет. За каждым поворотом предупреждающие гудки встречных машин. Впереди несколько бензовозов, только что покинувших нефтебазу в Латакии. Они тоже спешат на север. Через зеленое ущелье переброшены серые стрелы современных виадуков. Они органично вписываются в пейзаж.

Джиср-Шугур. Провинциальный город. Мужчины в национальной одежде, женщины, закутанные с ног до головы. Небольшой рынок, заваленный арбузами. Под навесом на рваных мешках — гранаты, яблоки, зелень. Все свежее, сочное, только что привезенное, дешевое. Опустив голову, дремлют у каменной стены нагруженные ослики.

Дорога спускается к мосту через Оронт. Как и во всех городах мира, мальчишки ловят рыбу, не обращая внимания на бесконечный поток машин. Еще несколько километров — и перед нами возникает столб с надписью на английском языке: «Приглашаем Вас посетить развалины Эль-Бары». Свернув с дороги, мы попадаем, как нам кажется, в бесконечно тянущийся сад. Повернув голову и улыбнувшись, шофер говорит: «Лучшее место для жизни. Воздух какой! Как в раю!» Но сады внезапно кончаются.

Перед нами открывается необычная картина. У древнего колодца стоит группа молодых женщин в ярких старинного покроя платьях и разноцветных шелковых повязках, закрывающих только лоб. Их громкие гортанные голоса вплетаются в звон кувшинов, плеск воды. Тут и там разбросаны древние каменные колоды, источенные временем. Из них пьют ослы и мулы. И древний источник, и вся картина в целом, кажется, переносят нас в глубь веков, тем более что в нескольких метрах возвышается стена огромной крепости, а далее виднеется город необычной архитектуры.

Историки утверждают, что самые ранние здания Эль-Бары относятся к III веку, а более поздние — к средним векам. Сирийские документы называют его Кафра д'Барта, крестоносцы же назвали его Бара и значительно укрепили, превратив в крупный пункт на дороге, связывающей два больших города — Антиохию и Апамею.

Построенные из крупных светло-желтых камней, стены замка прекрасно сохранились по сю пору.

В 1098 году к городу подошли рыцари графа Раймона де Сен-Жиль. Они захватили город, построили крепость, учредили епископство. Но жизнь в крепости была тревожной. Местное население, в большинстве своем христиане, было превращено в крепостных на западноевропейский манер, глухо ненавидевших людей Раймона. В свою очередь, крестоносцы-католики третировали православное местное население. Вражда обострялась. Жители Бары вспоминали о прежних хозяевах-мусульманах даже с симпатией. Поэтому в 1123 году Бара легко вновь перешла в руки арабов.

По груде камней полуразрушенной стены поднимаемся наверх, и перед нашими глазами открывается панорама старого города. Он частично ушел под землю, частично скрыт в глухих зарослях. Верхний жирный слой земли местные жители используют со знанием дела под огороды, отделенные друг от друга невысокой стеной из камней, извлеченных из развалин. При ближайшем рассмотрении оказалось, что на заборчик пошли каменные плиты с красивой арабской вязью, равно как и с латинскими надписями. Время, землетрясения и людское безразличие разрушают город. И тем не менее он продолжает существовать.

Два добровольных гида сопровождают нас. Им по 12 лет. Они веселы и неутомимы, эти мальчишки из ближайшей деревни, а так как каждый свободный от древних руин участок представляет собой или миниатюрный сад, или огород, то они на ходу с удовольствием срывают то кисть винограда, то гранат, едят сами и угощают нас. Мальчишки ничего не знают о прошлом города и никогда не были за пределами своей маленькой деревни, но сопровождать заезжих туристов им явно интересно, тем более что они знают только им ведомые уголки и тропинки среди этого хаоса обломков, старых вилл, остатков мечетей, запутанной сети заборов и садов.

У входа в деревню наше внимание привлекает огромная груда камней — все, что осталось от арабского замка Абу-Суйяна, одного из первых мусульманских фортов, возникших задолго до прихода крестоносцев. Среди виноградников и оливковых деревьев прячутся и другие

строения из серого камня. В Баре несколько церквей-базилик с хорошо сохранившимися колоннами коринфского ордера. Красивой резьбой по камню украшены и арки дверей и окон. Двухэтажные жилые здания с фронтонами смотрят на узкие улицы города. Над каждым входом — плита, защищающая от солнца и ветра. Часто встречаются надписи, четко вырезанные в камне кресты.

Уже в те далекие времена город утопал в садах. В подвалах сохранившихся домов — многочисленные давильни для винограда и оливок.

Лучше остальных сохранился дом в западной части города. В нем несколько больших комнат, чаны для вина, подвалы. Интересна скромная, сдержанная архитектура этого образца провинциального жилища I века. Серокаменная вилла с удлиненными небольшими проемами окон, двориком, внутренними помещениями является уникальной, так как в мире почти не сохранилось образцов жилой архитектуры до III—IV веков. Вилла окружена садом, а не каменной стеной, как это было принято в более позднее время. Это образчик построек периода расцвета римского градостроительства. Дом сохранился благодаря удаленности от деревни (его не разобрали, как это произошло с большинством строений).

Наше внимание привлекла одна церковь. Само здание давно разрушено, остались лишь колонны из серого камня; невысокие тяжеловесные, они производили странное впечатление: казалось, пустились в пляс. Таковы следы внезапного и тяжелого землетрясения.

Кроме церквей, мечетей, частных домов в Эль-Баре сохранилось несколько кладбищ. Многие могильные камни датируются исламским периодом, но наиболее выразительны христианские захоронения V—VI веков. Они имеют своеобразную форму пирамид, покоящихся на квадратных основаниях. В одной из четырех стен — дверь. В одну такую дверь мы заглянули. Стены внутреннего помещения ободраны, склеп давным-давно ограблен. Зрелище неприятное и грустное. Но сама пирамида сохранилась хорошо. Интересно, что камень крыши имеет небольшое выпуклое украшение.

Наступал вечер. Жара уже не ощущалась. Природа умиротворенно затихала. Косые лучи солнца скользили по серому камню зданий, по верхушкам оливковых де-

ревьев. Мы почувствовали, насколько устали за этот интересный, насыщенный день. Ноги отказывались идти. Руки были расцарапаны до крови. В голове шумело. Мы решили было сесть передохнуть, но наши добровольные гиды этого не допустили. Знаками они приглашали следовать за ними, обещая нечто интересное. И вновь мы на ногах. Пробираясь сквозь колючки, следуем за мальчишками. И вот перед нами новая гробница. Крыша, также имевшая форму пирамиды, исчезла, но само помещение отличается от предыдущего богатством орнамента: с внешней стороны — три пояса тонкой резьбы по камню, изображающей переплетение виноградной лозы, плюща и акантовых листьев — символ бессмертия. По углам каменного квадратного строения — пилястры и заделанные в стену четырехгранные столбы, незначительно выступающие и украшенные коринфскими капителями. Маленькие оконца лишены украшений, но зато богато орнаментирована плита над входом в гробницу. Пирамидообразная крыша покоилась на толстых каменных плитах, служивших потолком гробницы. На лентах карнизов — многочисленные кресты.

Эль-Бара осталась в нашей памяти как уникальный памятник — синтез западного и восточного — типично сирийского зодчества первых веков нашей эры.

ГОРОД «АРОМАТОВ» И ГОРОД ЗНАМЕНИТОГО ХАЛИФА

В десяти километрах от Идлиба расположен маленький провинциальный городок Риха, что по-арабски значит «аромат». Город примостился на склоне горы Арбеин или, как ее называют здесь, горы Сорока Мучеников. Последнее название опять отсылает нас к временам христианских гонений. От римских времен здесь осталось каменное строение с пирамидообразной крышей, прикрывающее древний источник. В близлежащем местечке Кафер Лата посередине деревенской площади сохранилось оригинальное сооружение — полукруглая крыша на четырех столбах. Здесь тоже был источник, вода которого по древней системе каналов подавалась к домам. Недалеко от деревни — средневековое мусульманское кладбище с кувфическими надписями. Здесь и там разбросаны римские погребения, но они обычны и особого внимания не привлекают. В 7 километрах от Рихи — де-

ревенька Мериан, любой житель которой с удовольствием проводит приезжего через цветущую долину, засаженную фруктовыми деревьями, к месту, сохранившему многочисленные следы древних строений. Среди них выделяется фамильный склеп — грот Музаввака. Широкая лестница, ведущая к нему, разрушена. В центральном помещении крышу поддерживали несколько дорических колонн. От базальтовой двери сохранились лишь куски. Интересно, что внутреннее помещение удивительно напоминает современную квартиру в каком-нибудь городском арабском доме. Крышу поддерживают балки, несущие следы старой краски — зеленой, желтой, красной, а также орнамента — листьев сказочной травы. Вход во вторую комнату отмечен двумя дорическими колоннами. Во всю длину стен тянутся галереи. В стену второй комнаты был вделан, по-видимому, бронзовый медальон. Узкий коридор ведет непосредственно к камере захоронения, где в нишах, обрамленных двумя колоннами, помещены саркофаги.

Интересно, что перед этим захоронением находится большой камень, в верхней части которого — отверстие для жертвоприношений. Языческий алтарь перед гробницей II века напоминает о дохристианской эпохе, язычестве, многобожии, о поклонении природе и красочных картинах жертвоприношений. На этом кладбище, существовавшем не одно столетие, соседствуют памятники языческих времен и могильники и саркофаги V—VI веков, относящиеся к периоду христианства. Слияние стилей, взаимовлияние различных культур, характерные для мертвых городов Сирии, представляют собой истинный клад для историков архитектуры.

* * *

Кому не знакомо имя Гаруна ар-Рашида, знаменитого героя «Тысячи и одной ночи»? Переодевшись в простое платье, багдадский халиф бродил ночью по узким улицам своей столицы, чтобы видеть и знать все, что происходит с его подданными. Образ Гаруна ар-Рашида, прославленный поэтами своего времени, несомненно вымышленный. Едва ли настоящий халиф был способен на такой маскарад и встречи с народом. Он предпочитал даже не жить в Багдаде. Как иронически заметил известный востоковед, «Харун не мог выносить шума и ко-

потти большого города», жаркое летнее время он предпочитал проводить под тенью зеленых деревьев у журчащей прохладной Баррады или в тихом городе Ракка на берегу Евфрата.

Город этот был основан Александром Македонским и носил сначала греческое название. Это был крупный стратегический и процветающий торговый центр. После землетрясений он всякий раз восстанавливался. Позднее византийские купцы бойко торговали здесь с персами. Опустошительный набег Хосрова I на Сирию оказался трагическим и для Ракки, но и после этого город восстал из руин. В 640 году Ракка сдалась на милость мусульманской армии. Аббасиды, придя к власти, избрали Ракку местом, где можно спастись от изнуряющей жары Багдада. В 772 году рядом с древней Раккой начали строить новый город Рафика, в плане своем повторявший Багдад. Знаменитый же Гарун ар-Рашид обычно прибывал сюда в сопровождении войска, которое время от времени использовал для карательных экспедиций. Халиф построил себе в Рафике пышный дворец, носивший имя «Дворец мира». Его сын аль-Мамун возвел здесь же не менее роскошную резиденцию и отделил старый город от нового стеной. Но эта попытка разделить город оказалась тщетной. Ракка по-прежнему представляла собой единое целое. Во времена монгольских завоеваний город был сильно разрушен и с тех пор заметной роли не играл.

Современный город сохранил несколько достопримечательностей. Одна из них — Багдадские ворота, построенные из необожженного кирпича. В верхней части они декорированы рядом ниш, разделенных витыми столбиками. Сохранились и остатки дворца, также из необожженного кирпича; фасад комнаты молитв бывшей мечети и самый древний кирпичный минарет, к сожалению, упавший в 1920 году. Полагают, что минарет был построен в 1166 году Нур-эд-Дином. Еще стоит и стена, над которой возвышается Круглая башня.

В 1944 году в Ракке были предприняты первые раскопки, обнаружившие дворец, окруженный стеной с бастionsами, личные апартаменты халифа, которые представляют собой небольшие помещения с примыкающими к ним двумя дворами. Здесь обычно происходили дипломатические встречи. Пол одного из них выложен доро-

гими стеклянными плитками, расположенными в шахматном порядке. Дворец был построен в начале IX столетия.

В результате раскопок обнаружены также следы богатого дома, построенного при Гаруне ар-Рашиде. К жилым помещениям примыкал ряд открытых дворики. Полы комнат также выложены красивыми стеклянными плитками. Дом был окружен большим садом.

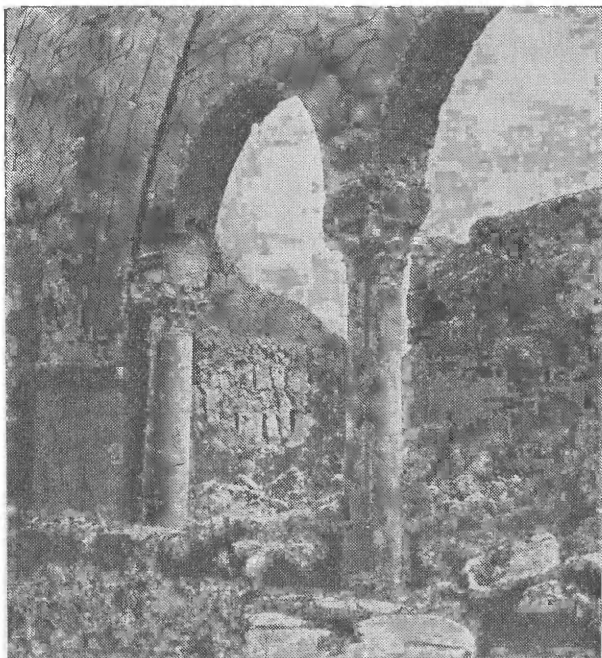
IX—X века — время бурного развития арабской культуры, быстро усвоившей лучшие достижения цивилизаций завоеванных народов. Арабы создали свою, совершенно своеобразную культуру, оказавшую сильное влияние на европейское Возрождение. Большим ценителем науки, искусства и литературы был сын знаменитого халифа аль-Мамун, чья резиденция в Ракке поражала современников изяществом и красотой. В Багдаде аль-Мамун собрал крупнейших поэтов, певцов, врачей. Став халифом, он основал «Дом мудрости» — своеобразную академию. При нем возникла одна из первых публичных библиотек, обсерватория, были переведены на арабский ценнейшие трактаты с иностранных языков. Широкое распространение получили рукописные книги, а производство бумаги было налажено за несколько столетий до возникновения бумажных фабрик в Европе. Дух высокой интеллектуальной культуры был характерен и для Ракки.

Город Ракка известен вышедшими из него знаменитыми учеными. Один из них, аль-Баттани, математик и астроном, умерший в Ракке в 929 году, приобрел широкую известность и в Европе. С его именем связаны первые сведения о тригонометрических функциях.

Ракка хранит немало тайн, и в попытке раскрыть их доморощенные археологи изрыли поверхность старого города, как это случилось и в Ресафе. Они, естественно, ищут сокровищ, но их внимание привлекает также переливчатое, очень красивое стекло, которое производили в этом городе.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОРОД ПУСТЫНИ

Из уст в уста передается восторженный рассказ об удивительном белоснежном городе в центре Сирийской пустыни. Прекрасным миражем башен, крепостей, хра-

Ресафа

мов встречает он путешественников. Жизнь давно ушла из него, но осталась его прекрасная оболочка.

Ресафа — один из древнейших городов, упоминаемый в Библии и в древних ассирийских текстах. Расцвет его относится к византийской эпохе, когда в IV веке он стал называться Сергиополисом по имени святого мученика Сергия. После официального признания христианства над могилой мученика была воздвигнута церковь и город, получивший новое имя, превратился в место паломничества, быстро рос, был окружен земляным валом. При императоре Анастасии (491—518) были сооружены огромные цистерны — хранилища воды для населения растущего города.

В 540 году во время похода в Северную Сирию персидского царя Хосрова I Ресафа устояла только благодаря своим грозным фортификационным сооружениям,

воздвигнутым Юстинианом. Но Хосров II сумел все же взять крепость (в 616 году) и разграбил и разрушил город.

Принцы из арабской династии Омейядов сделали город местом своего отдыха. Хишам, сын Абд аль-Малика (724—743), восстановил земляной вал и цистерны, построил несколько дворцов. Но здания, построенные при Омейядах, были разрушены новыми завоевателями — Аббасидами.

Проходили столетия. Ресафа продолжала существовать, находясь под защитой кочевых бедуинских племен. Город потерял свое прежнее значение и служил лишь местом остановок караванов и рынком шерстяных изделий. Шерстью Ресафа платила и дань бедуинским племенам — знак благодарности за защиту. Кстати, даже в византийскую эпоху бедуинское племя гассанидов являлось самой сильной защитой города.

В XIII веке мамлюкский султан Захир Бейбарс заставил жителей покинуть Ресафу, переселив их в города Саламия и Хама. Город остался один на один с пустыней, постепенно засыпанной песком оборонительные стены.

«Волга» легко шла по однообразной широкой ленте шоссе. Справа и слева тянулись пустынные земли, на которые, казалось, не ступала нога человека. Клонило в сон. Сопровождавший нас сириец Маруан и шофер в два голоса хвалили машину. Вскоре и мы оценили достоинства старой «Волги». Началась езда по кривой дороге с бесконечными ухабами и рытвинами. Колеса поднимали сухую пыль, от которой першило в горле. Однако «Волга» довольно легко продолжала свой путь. Мы ехали по пустыне. Была южная весна, стремительная и легкая. Зеленела трава. Пели пичуги. В траве копошились ящерицы, а солнце заливало ярким светом бесконечное зеленое пространство целины. На зеленом поле внезапно возникла квадратная белая сторожевая башня. Она явилась первым предупреждением о городе. Открывшаяся затем панорама Ресафы заставила нас замолчать и впитаться глазами в это чудо. Белоснежный город сверкал и переливался под лучами яркого солнца. Он стоял на небольшом холме, а вокруг расстилалась по-весеннему ликующая пустыня.

Мы медленно объезжали город, приближаясь к цен-

тральным воротам. Земляной оборонительный вал был давно погребен под наступающими песками пустыни. Сохранились остатки первой защитной стены. Внешняя линия обороны отделялась от внутренней глубоким ровом. Городская стена представляла собой прямоугольник, по сторонам которого находились ворота. Лучше всего сохранились северные ворота, расположенные между двумя оборонительными бастиями. Над ними — каменная плита с четко выбитым крестом, заключенным в круг. Рядом с главным входом — два других, на арках которых видны тусклые красно-черные остатки древней живописи. С внутренней стороны вход украшали шесть колонн с коринфскими капителями. Над каждой аркой — узкие щели, через которые во время осады на врага лились кипящее масло, свинец или известь. Пожалуй, первое сильное впечатление в Ресафе производит белоснежный камень ее построек. Совершенно непонятно, откуда он. Ничего подобного мы в Сирии не встречали. Не менее сильное впечатление производит городской ансамбль в целом.

На территории города нас встретили два смуглых мальчишки-бедуина в длинных до пят темных рубахах. Ребята рассматривали нас широко открытыми глазами, опущенными длиннейшими ресницами. С такой же серьезностью они разделили наш завтрак, а затем отправились сопровождать нас по городу, каждый уголок которого был им хорошо знаком. В этом открытом музее не было ни указателей-табличек, ни гидов, и неизвестно было, с чего следует начать осмотр. Внутри стен располагался собственно город с базиликами, светскими зданиями, монументальными сооружениями разнообразного назначения. Земля вздыблена небольшими холмиками, в некоторых местах зияли провалы или неожиданно выпирал угол какого-либо строения. На протяжении столетий в Ресафе побывало много любителей наживы. Их бессистемные раскопки нанесли непоправимый урон архитектуре города.

Городской ансамбль Ресафы — уникальный образец ранневизантийской архитектуры. Улицы сходились к центру города, к кафедральному собору святого Сергия. Сейчас сохранилась только центральная часть собора с абсидой. К церкви примыкает четырехугольное помещение с аркадами, под нею — огромные пещеры, но пройти

туда невозможно из-за плохого состояния каменной кладки сводов.

Во время первых раскопок в Ресафе археолог профессор Кольвитц обнаружил мавзолей — храм над могилой святого Сергия.

Осторожно обходя впадины и провалы, пробираемся к монументальному сооружению, сложенному из крупных отшлифованных глыб. Этот тип постройки родился на Востоке. План ее напоминает четырехугольник. От центральной точки главного помещения разбегаются три рукава в северном, южном и восточном направлениях. Сохранились два этажа здания, два входа под арками. Справа и слева от входа чуть выше арки — прорези двух узких окон, над которыми тянется зубчатый пояс орнамента. Здание сильно разрушено, но в восточной части еще сохранился огромный блок, на котором стоял знаменитый саркофаг. Это типичнейшая для Сирии базилика. Центральная полукруглая абсида богато декорирована. В помещениях по обе стороны большой абсиды хранилась церковная утварь. Живой и радостный орнамент интерьера говорит об античных традициях. Внутри абсиды — купель для крещения. Поднимаю кусок упавшей плитки. На белой поверхности четкие латинские буквы: Serg — начальные буквы имени человека, в честь которого и был выстроен мавзолей. Когда мавзолей был разрушен, драгоценную реликвию перенесли в новое здание, построенное у северных ворот.

В Ресафе есть и сохранившееся светское здание. Центральный двор окружен прямоугольными сводчатыми помещениями. В одном следы арабской надписи. В трех комнатах на стенах вырезаны кресты. Кладка очень своеобразна — из гладкого кирпича и камня. К сожалению, большинство зданий, представляющих большой интерес для историков архитектуры, погребены под землей.

Город поражает воображение путешественников не только красотой своих построек. Хотя на многие километры вокруг расстилалась безжизненная пустыня и время от времени на горизонте появлялись огромные столбы страшных песчаных бурь, в самом городе, зеленом и цветущем, люди не испытывали жажды. Воды здесь всегда было достаточно. Она хранилась в огромных цистернах.

Мы несколько раз прошли мимо арки, слегка приподнявшей землю, полагая, что перед нами просто часть ушедшего под землю здания, однако там скрывалось огромное помещение. По своим размерам цистерна напоминала кафедральный собор. Ее можно было использовать и для хранения продуктов. Стены хорошо отшлифованы: древняя кладка безупречна. Старились и разрушались здания, иногда совсем исчезая с лица земли, но цистерны всегда поддерживались в хорошем состоянии. Неоднократно реставрировали их и арабы, украшая стены выдержками из Корана.

В Ресафе сохранились не только церкви византийского периода, некоторые из которых в средние века были переделаны в мечети. Сохранился и омейядский дворец Хишама бен Абд аль-Малика — квадратное строение из обожженного кирпича, покрытого штукатуркой. Две круглые башни, как часовые, стоят у широкого входа. Во внутренний двор выходят многочисленные комнаты. На стенах дворца следы изуверства, надругательств, той страшной, безумной ярости, которой были полны подчинившие себе весь исламский мир Аббасиды.

За стенами города стоит своеобразное здание. Оно напоминает базилику и в то же время отличается от нее. Арки, отделяющие боковые приделы от центральной части, покоятся на высоких колоннах с разукрашенными изображениями цветочных гирлянд и животных капителями. Над зданием — купол, который окружают четыре купола меньших размеров. Из трех абсид средняя имеет два окна с декоративной лентой. Греческая надпись гласит: «Благополучия аль-Мунзиру». Само здание является надгробием аль-Мунзира, сына аль-Харита бен Джабалля из рода Хасанидов, который был христианином и почитателем святого Сергия.

Мы познакомились с наиболее интересными зданиями Ресафы. Но как выглядели интерьеры жилых строений, домашняя утварь? Сохранились ли изделия из глины, стекла, украшения? Отвста на этот вопрос не было. Правда, мальчишки немного помогли и здесь. Один из них принес осколок глиняной вазы, потребовав, конечно, за него монетку. На черепке — рельефные цветы, напоминающие те, что росли вокруг нас в густой траве, колосья, сгибающиеся под собственной тяжестью; хрупкие растения, похожие на нашу ромашку, тянут венчик к

солнцу. Рисунок ни в чем не повторяется. В верхней части вазы прослеживается геометрический орнамент. Мальчишка вновь появился с другим обломком от той же вазы, снова требуя вознаграждения, но наотрез отказался показать, откуда берет черепки (может быть, сам разбивал находку на части?).

Наш последний маршрут в Ресафе шел по городской оборонительной стене. Внутри ее тянется белоснежный сводчатый коридор с арочными окнами, из которых открывается вид на пустыню. Кое-где обвалился потолок и дальнейшее продвижение представляет опасность. Кажется, все живое давным-давно убралось отсюда. И вдруг наш взгляд наткнулся на маленькую белую сову. Она растерянно уставилась на нас. Затем головка ее начала смешно вращаться, и, бесшумно взлетев, сова исчезла. Встреча показалась нам символичной. Сова у древних всегда олицетворяла мудрость, и ее бесшумный полет сопутствовал человеческой цивилизации на всех этапах ее существования.

АПАМЕЯ

Апамея — город развалин, исчезающий под натиском времени, прячется в горах. Сохранились небольшие участки старой римской дороги, соединявшей когда-то прекрасный город с Антиохией. Этот мертвый город особенно любим современными сирийцами.

Первое название города — Фарнаке.

Завоевав Персию, Александр Македонский решил укрепить связи греков с персами. Он устроил оригинальную свадьбу в Сузах, на которой 10 тысяч его воинов женились на персиянках. Селевку, смелому и талантливому сподвижнику великого полководца, досталась красавица Апамея, дочь персидского полководца Спитама. После смерти Александра распалась огромная империя, часть которой перешла в руки Селевка Никатора. В честь любимой жены был назван второй после Антиохии город, крупнейший центр империи Селевкидов. Представители этой династии разместили здесь основной костяк своей армии — на расстоянии от столицы и в то же время достаточно близко, чтобы можно было использовать ее в случае опасности. Апамея стала крупнейшим страте-

Апамея

гическим пунктом империи. Известный историк Страбон упоминает о конном заводе Апамеи, насчитывавшем 30 тысяч кобыл и 300 жеребцов, а также о 500 слонах, находившихся здесь же.

В 64 году, в период римского нашествия, Помпей разрушил город, но в византийскую эпоху Апамея снова пережила расцвет. В это время город был расширен и на главной улице возникла стройная колоннада, остатки которой существуют и по сию пору.

В 540 году город захватил и сжег персидский царь Хосров I. Затем последовало несколько сильных землетрясений (крупнейшее из них было в 1152 году).

Крестоносцы задержались в Апамее ненадолго. Танкред, принц Антиохии, основал здесь военный пост ордена госпитальеров. Но в 1139 году у крепости Апамеи появились войска мусульман. Население, измученное бесконечными военными стычками, тяжелыми землетрясениями, покинуло город.

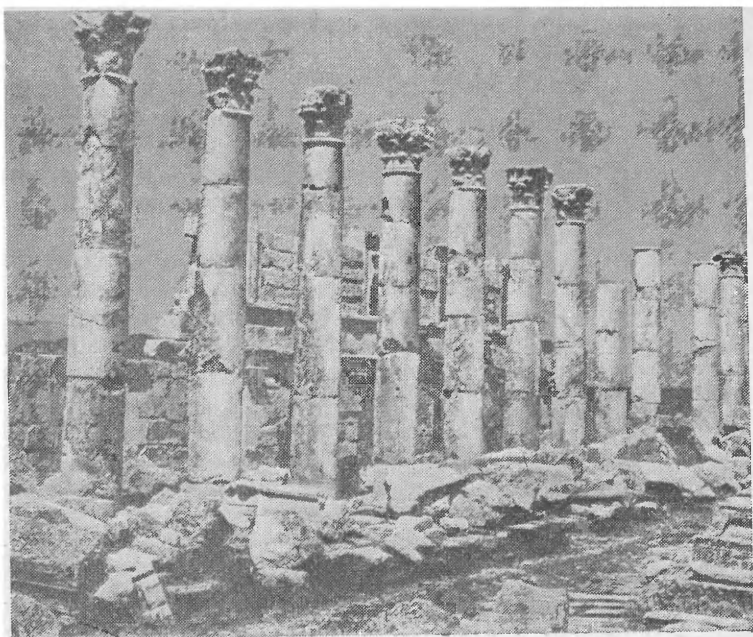
Когда затихли войны, Апамея была почти полностью

разрушена, всеми покинута; заросли дороги и тропы, ведущие к городу.

Современная дорога к Апамее — пыльная, узкая, каменная. Сюда не ведет асфальтированное шоссе, как например, в Пальмиру, нет потока туристов. Вас встречает тишина — та особенная тишина, которая сопутствует развалинам. Жара, зной, запахи высушенных трав, нагретого камня. От безжалостного солнца хочется скрыться куда угодно. Сначала в хаосе благородных развалин трудно сориентироваться, но постепенно начинаешь различать остатки стен, которыми был окружен город, остовы круглых башен, между которыми еще сохранились каменные ворота. Кладка древняя, очень прочная. Мы карабкаемся по камням вверх, чтобы выбрать приемлемую смотровую площадку, откуда можно было бы сфотографировать город. Наконец, место найдено. Перед нами большая площадь с нагромождением обломков, каменных плит, колонн. Четко выделяется главная улица, вдоль которой тянутся белоснежные коринфские колонны римского периода.

Мы идем по каменным плитам мостовой, огибая упавшие колонны. В центре колоннады — две колонны с выступами, на которых когда-то стояли скульптуры знаменитых граждан. Скульптур уже нет, но имена остались. Это Антоний Пиус и Люций Верус. Благодаря их усилиям и была создана колоннада. К главной улице примыкают развалины большого здания — бывшего храма, поставленного в честь главного почитаемого здесь бога — бога удачи. За храмом — форум. Планировка города типично эллинистическая: улицы сходятся под прямым углом, образуя своеобразные клетки. Некоторые улицы имеют навесы, поддерживаемые колоннами. Стройные колонны у основания несколько утолщены и покрыты резьбой с повторяющимся мотивом вечного цветения (акантовые листья, геометрический узор, фантастические травы). Внезапно мы натываемся на еще один дохристианский памятник, не разрушенный христианами. На серой стеле — изображение повсеместно любимого бога Вакха с сопровождающими символами — цветущим деревом и двумя животными под ним.

На куске колонны сидит пастух и равнодушно наблюдает за неугомонными туристами. Между камней меланхолически бродят овцы и козы, мелодично позванивая

Апамея

колокольчиками. Это единственный звук, нарушающий монотонную тишину. Мы пробираемся к кирпичным аркам акведука, некогда снабжавшего город водой: по глиняным трубам вода шла прямо в дома. Жители Апамеи были знакомы с искусством, о чем свидетельствуют остатки одного из самых больших древних театров в Сирии.

Возвращаемся мы, конечно, в окружении мальчишек, примчавшихся из ближайшей деревни. Интересно, по какому телеграфу здесь так быстро передаются известия. Ребята моментально усаживаются, желая сфотографироваться, затем окружают нас, протягивают в грязных кулачках старинные монеты, просят немедленно купить их. Далее они сопровождают нас до дороги, ведущей из города, приглашают посетить арабский замок неподалеку от Апамеи, на горе. Нам хорошо видны средневековые рвы, его окружающие, защитные стены. Крепость

эта известна и своим караван-сараям, возникшим в более поздний, турецкий, период. Здесь останавливались пилигримы, спешившие в Мекку. Но, к сожалению, на детальный осмотр крепости у нас уже не остается времени. Мы прощаемся с гостеприимными мальчишками и городом, который навсегда останется в нашей памяти.

ГОСУДАРСТВО МАРИ

Интересна история древнего государства Мари, остатки столицы которого были обнаружены возле маленького сирийского городка Абу-Кемаль в 1933 году, в то время, когда страна находилась под французским мандатом.

Страшная жара стояла в Евфратской долине летом 1933 года. Лейтенант Кабанэ, начальник французского военного поста в заштатном Абу-Кемале, не удивился срочному вызову. Он решил, что произошла обычная ссора между арабами, и приготовился быстро ее уладить. Но на этот раз возбуждение носило необычный характер. С помощью переводчика выяснили следующее. Эти громко кричащие и жестикулирующие люди хоронили своего родственника на склоне Телль-Харири. Копали могилу, а вырыли... каменный труп! «Возможно, эта находка представляет интерес для музея в Алеппо», — подумал Кабанэ. Во всяком случае, он был рад нарушению монотонного существования в забытом богом углу. С наступлением вечерней прохлады он поехал в Телль-Харири. И не будучи специалистом, лейтенант понял, что скульптура очень древняя, и на следующий день ее привезли в Абу-Кемаль. До глубокой ночи горел свет в маленькой комнате. Кабанэ писал отчет о находке.

Прошло несколько месяцев. Все уже успели забыть о случившемся, когда неожиданно пришла телеграмма из Лувра. В Сирию срочно выехал известный французский археолог, профессор Андре Парро. Вскоре начались раскопки, и Телль-Харири стал напоминать пчелиный улей. 23 января 1934 года был днем незабываемым. Из-под слоя песка и щебня показалась маленькая каменная фигура с надписью на правом плече. Все склонились над ней в возбуждении. «Я — Ламги-Мари... царь... Мари... Великий, который посвящает эту статую Иштар», — мед-

ленно, слово за словом читал Андре Парро, переводя клинописный текст. находка была удивительной даже для нашего избалованного открытиями века. казалось, царь сам заговорил с окружающими, приглашая в свою неведомую страну. Каменная скульптура стояла перед изумленными зрителями. На лице отсутствовало выражение жестокости, столь знакомое по портретам завоевателей древнего Востока. Царь Мари добродушно улыбался. В его руках, молитвенно сложенных, не было оружия. Одежда спадала с одного плеча, как тога, и была украшена бахромой.

В результате раскопок из-под плотного слоя земли показался город Мари. Ученые давно знакомы с этим названием по многочисленным надписям, найденным в Вавилоне и Ассирии. Один из текстов говорил, что Мари был десятым городом, основанным после Потопа. Раскопки продолжались на протяжении нескольких лет. Показались стены города. Но самым поразительным был дворец. «Мы обнаружили в процессе раскопок 69 комнат и дворов, и еще большая часть осталась под землей», — писал Андре Парро. И это было только начало. Позже обнаружили 138 комнат, и перед глазами археологов возник храм Дагона и зиккурат — типично месопотамская башня. Наконец, был полностью очищен дворец царей Мари во всем его величии: громадное здание площадью 4 гектара, относящееся к III тысячелетию до н. э. Аэрофотосъемка огромного дворца дала поразительный эффект.

Это было выдающееся открытие. Поднимая пыль, шли многочисленные грузовики из Телль-Харири. Они везли драгоценный груз: 24 тысячи документов — клинописных табличек из архивов дворца (библиотека ассирийского владыки Ашшурбанипала содержала только 22 тысячи глиняных табличек).

Архитектурный ансамбль дворца был жемчужиной древнего Востока. Путешественники из дальних стран приезжали, чтобы посмотреть на это чудо. «Я видел Мари», — пишет восхищенный купец из древнего финикийского порта Угарит.

Мари был столицей государства, протянувшегося до Персидского залива на востоке, посредником между Средиземноморьем, Месопотамией и Анатолией. Этот важный коммерческий центр держал контроль над караван-

Богиня плодородия из Мари

ными торговыми путями, связывавшими страны древнего мира. Народ, населявший царство Мари, сумел сохранить независимость в течение долгого времени, постоянно укрепляя и расширяя свою территорию. В казну текли деньги от налогов, взимаемых с караванов. Хорошо развитая система земледелия обеспечивала отличные урожаи. Все эти факторы способствовали процветанию

цивилизации, существовавшей во II тысячелетии до н. э.

Царский дворец был окружен защитной стеной. Единственные ворота на северной стороне обеспечивали наиболее надежную защиту. Многочисленные переходы вели к большому внутреннему двору. Здесь протекала официальная и административная жизнь государства, здесь царь принимал послов, курьеров. Палата аудиенций вмещала сотни людей. Широкий коридор вел к царским апартаментам. Одно крыло дворца использовалось исключительно для религиозных церемоний. К тронному залу вела широкая лестница.

В дни праздников пышная процессия двигалась через анфилады комнат к дворцовой часовне, где стояла скульптура богини плодородия. Вся ее (в человеческий рост) фигура поражала изяществом. Платье свободно падало к маленьким босым ногам. Длинную шею украшали в несколько рядов тяжелые ожерелья. На тонких запястьях — браслеты. В высокий головной убор богини вплетены рога — знак святости. Загадочно улыбаясь, она протягивала кувшин, из которого текла «вода вечной жизни» — источник благоденствия, плодородия, но также и злобная сила, не раз опустошавшая землю.

Одна деталь статуи привлекла особое внимание археологов. Сосуд, который богиня держала в руках, оказался выдолбленным, а внутри фигуры тянулся канал, соединяемый с кувшином, по которому жрецы пускали воду, и она неожиданно для молящихся начинала бить высокой струей, сверкая в огнях факелов.

Ни один из известных древнейших царских дворцов не был так велик, как дворец Мари, и так талантливо украшен. Многочисленные росписи были очень эффектны. Одна из них перед нами. Кажется, что краски нанесли только вчера. На стене фрагмент ритуального шествия царя. Жрец в церемониальной одежде ведет быка. Левой рукой он держит веревку, продетую через кольцо в носу животного, а правой касается его спины. Голова и рога быка украшены металлическим полумесяцем и бляшками. Впереди идут верховный жрец в высоком головном уборе и царь. Фигура последнего выделена размерами. Интересна и еще одна деталь: с пояса широкой царской одежды спускается цветок лотоса — мотив, заимствованный из Египта. Лицо каждого человека — участника шествия индивидуально. Особенно вырази-

тельно лицо жреца — с крупным носом и плотно сжатыми губами.

Интересна и статуя Иштуп-Илума, царя Мари, сделанная из черного камня (2000 год до н. э.). Силу и здоровье мужского тела подчеркивают развитые мускулы обнаженной левой руки. Длинная одежда спадает до земли. Над широко открытыми глазами нависли брови. Губы сурово сжаты. Выражение лица властное и суровое. Борода тщательно завита. Древний мастер изобразил черты конкретного человека, но в то же время через образ вполне реальный проглядывает мир сверхъестественного, что характерно для искусства древнего Востока. Трогательно выглядит скульптурная группа: муж и жена, сидящие на скамье. В позе супружеской пары — доверие и нежность.

Хорошо сохранившиеся скульптуры были обнаружены в святилище. Рассматривая их, приходишь к выводу, что прав был Андре Парро, говоривший об «изысканстве и реализме, печать которых семиты Мари сумели наложить на шумерское искусство».

В центре столицы Мари стоял когда-то храм бога Дагона, который охранял бронзовый лев. Основой скульптуры было дерево, к которому крепились листы бронзы. Но металл окислился, а дерево истлело. Археологам пришлось буквально спасать льва. Скульптуру закрепили парафином, голову ее обернули бинтами. Работали пинцетами. Внутренность ее заполнили гипсом. Трудная реставрация была наконец закончена. Морда животного с вытаращенными глазами имеет глупое и добродушное выражение.

Как уже говорилось, дворец царя Мари имел массу помещений. Чиновники, вельможи, писцы имели специальные комнаты. Существовал иностранный отдел и отдел торговли. Более ста официальных лиц были вовлечены в учет доходов, а также товаров, ввозимых и вывозимых из государства. Записи по этому вопросу заняли тысячу табличек.

Особенную ценность представляют царские архивы Мари. События далеких лет раскрываются при прочтении многочисленных писем, счетов, деловито начертанных на глине писцами. Таблички потребовали неустанный труд ученых, которые занимались расшифровкой материалов архива на протяжении нескольких лет. Было

переведено и опубликовано большое количество документов, каждый из которых представляет собой маленький кусочек огромного мозаичного панно, рассказавшего нам о государстве Мари. Бесчисленны приказы о строительстве каналов, плотин и дамб (процветание страны зависело от хорошо организованной системы ирригации). Жители Мари достигли успехов в математике. Они знали шестеричную систему счисления, знали законы обращения Солнца и Луны, повторяемость затмений. Система ирригации государства была под постоянным надзором правительственных чиновников. На двух табличках перечислены имена 2 тысяч ремесленников и названия их цехов. Это золотых дел мастера, резчики, гончары и прочие.

Даже предметы, используемые в каждодневном быту жителей Мари, выполнены талантливо. Это терракотовые формы для сыра, печенья, пряников. На некоторых из них — геометрические фигуры, на других — изображение целых сцен. На одной, например, охотник и тонконогая газель, а рядом прыгающая от радости собака. От всей миниатюры веет настоящей жизнью. Встречаются изображения рыбы, сидящего льва, танцующего Энки (мифическое существо — полуживотное-получеловек). Мастерски выполнены найденные в большом количестве цилиндрические печати, женские украшения из золота и ляпис-лазури.

Столица жила насыщенной жизнью. Новости поступали сюда исключительно быстро, ибо существовал своеобразный телеграф. Важные сообщения передавали с помощью сигнальных костров. Государство Мари лежало на пересечении великих караванных путей с запада на восток и с севера на юг. Товары с Кипра и Крита шли в Малую Азию и Месопотамию. Корреспонденция осуществлялась с помощью глиняных табличек. Они фиксировали разнообразные события жизни. Рассказывали о религиозных праздниках, новогодних фестивалях в честь богини Иштар, о жрецах с их волшебными формулами, заклинаниями, гаданием по звездам и внутренностям жертвенных животных.

25 богов составляли пантеон Мари, и каждому из них приносились жертвы. Столько-то и столько-то ягнят принес в подарок богу Зимри-Луму — записано на одной из табличек.

Удивительно, что ни в скульптуре, ни в живописи Мари нет и намека на агрессивность. Жители Мари предпочитали мир, сосредоточив все свои интересы в области торговли, религии, науки. Они не стремились к завоеваниям. И лица скульптур известных царей Мари — Ламги-Мари, Иди-Нарума, Иштуп-Илума — излучают безмятежность.

Однако граждане Мари вынуждены были защищать себя и свою территорию. Для многочисленных кочевых племен богатый и цветущий Мари был большим соблазном. Они часто пересекали границы государства, пасли скот на лугах и полях, им не принадлежавших. Население города пребывало в напряжении. Чтобы предотвратить опасность нападения, были учреждены пограничные посты и сведения о малейшем инциденте немедленно передавались в Мари. С изумлением ученые прочли донесение от Баннума, офицера пограничного поста в пустыне: «Передайте моему господину, что это от слуги его, Баннума. Вчера я покинул Мари и провел ночь в Лурубане. Все бенджамиты (одно из кочующих племен.— А. Д.) посылали сигналы с помощью костров от Саманума до Илум-Мулуна, от Илум-Мулуна до Мишлана. И все деревни бенджамитов в районе Терка отвечали такими же сигналами. Не знаю, что это значит. Постараюсь узнать. Напишу, как только удастся это сделать. Охрана города должна быть усилена, и моему господину не стоит выходить за ворота».

Племена не хотели подчиняться государству Мари. Их дикий нрав, любовь к свободе и коварство были хорошо известны. Тревожно было в государстве. Но беда пришла с другой стороны.

В Иракском музее есть медная маска, запечатлевшая черты суровой, властной и жестокой личности. Считается, что это изображение Саргона аккадского, завоевавшего значительную часть Месопотамии. Несмотря на отчаянное сопротивление жителей Мари, ему удалось захватить город. Армии Хаммурапи из Вавилона довершили разрушение около 1700 года до н. э. При раскопках обнаружены следы страшного ущерба, нанесенного столице. Сгоревшие дома, разграбленные храмы, разбитые статуи богов в святилищах. Но стереть город с лица земли не удалось. Остались пятиметровые стены. «Можно пользоваться кухнями и ванными комнатами дворца.

Даже нет необходимости их реставрировать», — писал профессор Парро. И это через 4 тысячи лет после разрушения! Прекрасно сохранились глиняные трубы водопровода и даже древесный уголь в потухших печах.

Мертв город, исчезло государство, но богатую культуру невозможно уничтожить. Ее восприняли другие народы. Сильно ее влияние на цивилизации Востока.

ВЕЛИКИЙ МУДРЕЦ ИЗ МААРЕТА

Мертвые города Сирии — это не просто сохранившиеся памятники уникальной архитектуры, памятники зодчества, оставшиеся недостигаемыми образцами. Жизнь этих городов отражала культуру, политику, идеологию своего времени. С ними связаны взлеты творческой мысли, достижения в области науки, философии, поэтики.

Древний городок Маарет, расположенный недалеко от Халеба, мал и неприметен. На его узких улочках стоят, как и прежде, лавки и мастерские ремесленников, в центре — непременный рынок. Но городок этот — родина крупнейшего арабского поэта и мыслителя Абу-ль-Аля аль-Маари (973—1058). Время почти стерло надпись на каменном старом надгробии, стоящем в глубине двора одного из домов, но оно не в силах стереть в памяти народа замечательных произведений ученого-поэта.

Абу-ль-Аля аль-Маари родился в семье мусульманского законоведа и филолога. В детстве он был окружен заботой и вниманием близких. Но мальчику суждена была горькая участь. В четыре года он заболел оспой, изуродовавшей его лицо, и совершенно ослеп. Однако это не помешало Абу-ль-Аля стать образованнейшим человеком своего времени, овладеть лучшими достижениями философской и научной мысли, стать «поэтом среди поэтов», как называли его современники. Он не потерял способности воспринимать красоту мира:

Ночь в траурном плаще, настигшая меня,
По дивной красоте равна рассвету дня*.

Жажда знаний гнала поэта из города в город. В Халебе будущий поэт изучал древнейшие манускрипты, в

* Здесь и далее стихи аль-Маари даны в переводе Арсения Тарковского.

Антакии проводил многие часы в знаменитой библиотеке, знакомясь с достижениями эллинской мысли. Приехав в Латакию, он познакомился с монахом, с помощью которого освоил основы иудейско-христианской догматики. Слепота способствовала развитию феноменальной памяти Абу-ль-Аля аль-Маари. Услышав один раз стихи, даже на незнакомом языке, он мог тут же повторить их. Абу-ль-Аля знал наизусть огромное число поэтических и научных произведений. В Багдаде, бывшем тогда «центром вселенной», поэт прожил лучшие годы своей жизни. Он посещал здесь литературные собрания, философские кружки, примкнул к известному кружку энциклопедически образованных людей («Братья чистоты»), напряженно работал над своим образованием и поэтическим мастерством, дикцией:

Судьба гнала меня из края в край вселенной,
Но «братьев чистоты» любил я неизменно.
Друзьями стали мне года разлук с друзьями.
О, расставания, когда расстанусь с вами?

В Багдад пришел караван из родного города — Маарета. С наслаждением осушив кружку воды, предложенную ему, поэт сказал: «Это вода моего детства». А следующая караван принес печальную весть: умерла горячо любимая мать. Бросив все, аль-Маари спешит на родину. Его скорбь безгранична: «Когда я лишился того, кого любил, я твердо решил уединиться, уподобившись газели, укрывшейся в своем убежище». Дав в год смерти матери обет молчания, поэт одиноко живет в старом доме. Постелью ему служит циновка, основной пищей — чечевичная похлебка. В эти годы он именуется заложником «двойной тюрьмы» (тоскливы каменные стены дома, ужасна слепота):

Зачем надежд моих небесный свет погас
И непроглядный мрак не покидает глаз?

В эти годы Абу-ль-Аля аль-Маари создает свои лучшие произведения, диктуя их старому верному слуге.

Слава об ученом и поэте стала привлекать в Маарет многочисленных учеников и почитателей из самых разных мест. Обет молчания был нарушен. Аль-Маари писали министры, ученые, к нему обращались представители самых различных поколений и социальных кругов. Египетский наместник пытался привлечь поэта в столи-

цу, но поэт предпочел духовную независимость. Маленький дом в Маарете стал местом паломничества, а старик-слепец обрел славу мудрейшего из мудрейших. Он умер 20 мая 1058 года, заслужив при жизни славу «философа среди поэтов».

Прошли столетия, но нетленно поэтическое мастерство великого аль-Маари.

Философия мудреца окрашена пессимизмом, в чем повинна не только слепота, но и характер жизни современного ему общества, социальное зло, царящее в мире:

Здесь подданным цари внушают страх,
Как ястреба — добыче в их когтях.
Царь у одних достойней, у других
Подлее в притязаниях своих.
А наш до нитки обобрал народ,
И слезный дождь из глаз людских идет.

Ужасно было состояние современных поэту нравов, тяжела участь народа, погрязшего в невежестве и нищете. Единственное спасение для человека в этом несовершенном мире — бегство в уединенную обитель. Мотив одиночества очень характерен для творчества аль-Маари:

Ученых больше нет, и мрак объемлет нас,
А человек простой в невежестве погряз...
Уединись! Одинок твой создатель поистине.
В дружбе царей не ищи утешительной пристани!

Поэт с горечью пишет о своем разочаровании, о лжи, пронизывающей все и вся:

Умы покрылись ржавчиной порока и разлада.
Проржавел меч насквозь — точить его не надо.

А в более позднем стихотворении он замечает:

Жизнь обещала праздники, а слова не сдержала.
Как ни обидно, истины в хадисах наших мало.

Но каким же должен быть человек в этом мрачном мире? По мысли поэта, предназначение человека — творить добро. Эта гуманная мысль пронизывает все творчество Абу-ль-Аля аль-Маари:

Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя
Тверда и подобна застывшему срезу ручья.
Кошель за седлом, где в походе хранится она
Как чаша, которая влаги прохладной полна.
Расщедрится кесарь и князю пошлет ее в дар.

Владельцу ее смертоносный не страшен удар.
Он сердцем влечется к струящимся кольцам ее
И пить не желает: ее красота как питье.
Меня заставляет расстаться с кольчугой моей
Желанье одаривать хлебом голодных людей.

Тема социального зла и нравственного совершенствования соседствует с критикой святая святых — Корана, догматов мусульманской веры. В «Трактате о прощении» аль-Маари рассказывает о посещении рая и ада. Жизнь в раю — пародийное продолжение земной жизни: уважаемые праведники ссорятся и богохульствуют, лгут. Поэт имел мужество критиковать положения ортодоксального ислама, признавая один критерий — критерий разума.

Мудрый слепец смог увидеть надвигающийся кризис средневековой системы, крушение огромного и некогда блестящего халифата. Он сердцем чувствовал страдания своего народа. Его жизнь, духовные искания явили миру пример мужества и яркого самобытного таланта. Шедевры лирики аль-Маари навсегда остались в золотом фонде мировой литературы.

АС-САУРА — ГОРДОСТЬ СИРИЙСКОГО НАРОДА

Несколько лет тому назад это был маленький населенный пункт Табка, затерявшийся на карте страны. Сюда прибыли сирийские крестьяне — будущие рабочие, а также советские специалисты, инженеры для подготовки проектов и строительства плотины. Совместными усилиями они претворили в жизнь вековую мечту феллаха — дать земле драгоценную влагу в этом голом, пустынном, но в то же время плодородном районе.

Первых строителей Табка встречала безжизненной тишиной. Здесь стояло всего пять домов, сложенных из известняковых плит. Внизу, за поселком, блестела вода Евфрата. Но вот по только что проложенной из Халеба железной дороге зашпешили поезда. Бурюю землю начали месить МАЗы и КрАЗы. Появились буровые вышки. Началось строительство домов. Каменистое плато оказалось идеальным местом для нового аэродрома. В порт Тартус начали прибывать крупногабаритные и сверхтяжелые грузы для новостройки.

6 июля 1977 года исполнилось четыре года со дня

перекрытия русла реки Евфрат и создания крупнейшего в Сирии гидроэнергетического комплекса. Стоя на берегу искусственного озера аль-Асад емкостью 12 миллиардов кубометров воды, особенно ясно начинаешь понимать, как много было приложено усилий и знаний, чтобы переместить сотни миллионов кубических метров грунта, построить гигантские туннели, воздвигнуть величественное здание гидроэлектростанции.

Огромное значение Евфратской ГЭС состоит не только в том, что она дает промышленным предприятиям Сирии дешевую электроэнергию, но и в том, что она позволила осуществить большую программу по ирригации: орошено 640 гектаров новых земель. В районе реки Евфрат идет интенсивное строительство ирригационных сооружений для орошения первых тысяч гектаров земель. Впервые появились типовые деревни с электричеством и другими видами коммунальных услуг, куда переселены жители местности, затопленной водой озера. Проведены широкие работы по спасению древних исторических памятников, находящихся в этом районе. Искусственное озеро позволит создать в будущем крупное рыболовецкое хозяйство. Уже сейчас сирийское правительство в целях накопления рыбных запасов наложило запрет на ловлю рыбы в озере.

Как уже говорилось, в огромном коллективе строителей ГЭС были и советские специалисты. Они были инициаторами производственных соревнований по борьбе за качество строительных работ и выполнение их в точно установленные сроки. Большинство сирийцев, не имевших ранее никакого представления о своих нынешних специальностях, благодаря помощи советских специалистов прошли хорошую школу производственного обучения и добились рекордных показателей в повседневной трудовой деятельности. Ас-Саура — это олицетворение не только нового труда, но и нового сознания. Работа на стройке была нелегкой. Трудились по три смены, холодной ночью и при палящем солнце. Энтузиазм советских друзей, их самоотверженный труд служили заразительным примером.

Ахмед — молодой рабочий, монтажник, один из тех, для кого Табка стала большой жизненной школой. Мы познакомились с ним в необычных обстоятельствах. На магистрали Хомс — Дамаск десятки машин застряли из-

за разыгравшегося снежного бурана. Они погрузились в белую мглу. Снег валил не переставая, выл ветер. Сквозь пелену снега были видны контуры машин, брошенных в кювете. Из взбесившейся снежной мглы появились две фигуры. К стеклу машины прилипла чья-то голова, закутанная в традиционный клетчатый платок: «Вы русские? Возьмите нас в Дамаск! Пожалуйста! Нам очень надо в Дамаск!» И вот в машине двое парней; один молчит и улыбается, другой с удовольствием говорит по-русски. В тот день мы так и не попали в Дамаск из-за снежных заторов. Остановились в маленьком городке Эн-Небке. Кофейня показалась раем. Здесь было, наконец, тепло. Мы сидели за большим столом, ели хоммас и что-то еще очень традиционное. Наш новый знакомый, Ахмед, рассказывал о Табке, где он и выучил русский язык. Он приехал на стройку из далекого города Дераа, где живут его родители и 12 братьев и сестер. В Табке он стал монтажником и вообще полагал, что ему здорово повезло в жизни: «Знаете, я в футбол играю. У нас очень хорошая команда. Нас Вадим учит. Ка-ак он играет! Вы не знаете Вадима?! Какой хороший парень! Он нас тренирует. Мы даже на соревнование ездили и победили!» Ахмед восторженно рассказывает о своем житье-бытье, о том, что он учится по вечерам и скоро овладеет второй профессией, о фильмах, которые видел, о Латакии, где он недавно побывал со своей командой, о том новом, что вошло вместе с Табкой в его жизнь и изменило ее.

Труд таких людей, как Ахмед, и их усилия сегодня способствуют развитию национального производства, являясь важным и решающим фактором в деле построения социализма в стране. Ас-Саура стала подлинным символом высвобождения гигантской энергии народных масс.

ЖЕНЩИНЫ АС-САУРЫ

На протяжении многих столетий женщины Сирии рабски, безропотно терпели свой удел. Коренные изменения, происходящие сейчас на Востоке, коснулись и этой стороны жизни страны. Повсеместно ширится движение за освобождение от гнета устаревших обычаев и традиций, за участие в созидательной работе по строительству новой жизни. В 1967 году при правящей партии.

Баас была создана Федерация женщин, имеющая филиалы во всех крупных городах страны. Прошедшие перемены особенно ощутимы в молодом городе Ас-Сауре, выросшем в связи со строительством Евфратского комплекса, которое ведется с помощью Советского Союза.

На месте маленькой деревушки, стоящей на выжженной солнцем земле, выросла самая крупная в САР плотина. В день нашего приезда дул хамсин. Разлившийся Евфрат тонул в серой мгле. Противоположный берег почти не был виден. Здание самой плотины, огромное вблизи, издали выглядело легким, красивым. Улицы молодого города, застроенные пятиэтажными современными домами, выходили на набережную, к парку, который недавно вырос на правом берегу реки. Навстречу нам шла пожилая женщина, закутанная с ног до головы в черное, и вела за руку двух ребятишек. Группа рабочих в спецовках спешила на вторую смену. Со стороны стадиона слышны были крики болельщиков и свистки судьи. Сегодня состоялась футбольная встреча между командой города Ракки и смешанной советско-сирийской командой Ас-Сауры. Со стены клуба смотрел на нас белый плакат, оповещавший, что сегодня вечером можно посмотреть фильм «Еще раз про любовь», а в сирийском клубе — новый итальянский фильм «Попси-Поп» с участием Клаудии Кардинале. Всюду слышна русская и арабская речь.

С наступлением сумерек стали ощутимы холодный воздух пустыни и отчетливая влажность близкого Евфрата. От скверов и парка поднимался аромат цветущих яблонь, сирени, цветов. Вечером мы сидели в гостях у наших арабских друзей. Рядом с нами оказалась обаятельная и веселая женщина — Хадийя Бакфалови. Смешливая и остроумная, она была душой компании. Мы разговорились (с помощью советских переводчиц Виолетты и Нателы). Наша новая знакомая оказалась председателем женской федерации Ас-Сауры. Эта организация проводит огромную работу среди местных женщин, привлекая их к участию в общественной жизни. Однако вырвать женщину, а тем более многодетную, из дома очень трудно. Мусульманские традиции сохраняют свою силу даже в городах, подобных Ас-Сауре.

Большинство женщин, приехавших с мужьями на новостройку, никогда не посещало школу, ибо отцы их

были уверены, что любое образование только портит девушку, мешает ей в замужестве: «Мужчины не любят образованных. А вдруг после нескольких лет обучения она начнет думать, что она лучше мужа». Переубедить их весьма трудно. Девочку довольно рано отдают замуж, не спрашивая ее согласия, а если и спрашивают, то она тихо и покорно отвечает: «Да». Многие родители полагают, что если уж девочке давать образование, то вполне достаточно начального. Эти воззрения очень распространены в деревне, а также среди бедных и неграмотных слоев населения городов. Родители полагают также, что образование приведет девочку к отказу от нравственности, религии, обычаев и традиций.

Однако жизнь молодого города быстро внесла свои коррективы в традиции. Важнейшей задачей ассоциации женщин стала борьба с безграмотностью, которая ведется сейчас повсеместно в стране. В Ас-Сауре работают многочисленные кружки по ликвидации неграмотности. Занятия проводят учителя — выпускники университетов Дамаска, Халеба, Латакии. К их числу принадлежит и хозяйка радушно принявшего нас дома Самира Мограби, приехавшая с мужем в самом начале стройки. С юмором рассказывает она о давно пережитых трудностях, когда приходилось жить в палатках, налаживать быт на пустом месте. Самое необходимое, в том числе и воду, везли за много километров. Давал о себе знать ночной холод и неистовая дневная жара пустыни. Но город рос, и вместе с ним росло новое поколение, воспитанию которого Самира отдает много сил и труда. Как и другие женщины, она ведет большую общественную работу.

Для женщин в городе читаются лекции на самые разнообразные темы: политические, о семейном бюджете, гигиене. Причем сначала те, для кого они предназначались, с трудом покидали стены домов, боясь гнева мужей, но постепенно страх стал рассеиваться. Федерация организовала курсы кройки и шитья, используя принцип материальной заинтересованности. Здесь не только учат шить, но и дают оплачиваемые заказы. Женщины шьют одежду для рабочих стройки. Деньги распределяются, что немаловажно, среди матерей больших семейств. В городе было очень мало женщин, имеющих профессии. Сейчас число их увеличивается. Нас познакомили с ху-

денькой девушкой в очках, врачом местной поликлиники. Она также принимает активное участие в работе местной федерации. Несколько запоздав, пришла в гости молодая пара. Он и она — геологи, приехавшие недавно на стройку. В Ас-Сауре немало машинисток, инженеров, врачей и медицинских сестер.

Большое внимание федерация уделяет подрастающему поколению. Как правило, семьи здесь многодетны и мать не может уделять внимание каждому из своих двенадцати, положим, детей. Эту роль берут на себя добровольные помощники. Они организуют досуг детей, игры, читают им книги, показывают фильмы. В городе открываются детские сады, но еще ощущается острая нехватка квалифицированных кадров для работы в них. В своей культурно-просветительной работе федерация использует газеты, журналы, например «Аль-Мараа аль Арабийя» («Арабские женщины»), знакомит женщин с проблемами международного женского движения. Идеологическая работа федерации Ас-Сауры осуществляется в соответствии с установками партии ПАСВ, направленными на привлечение на свою сторону широких народных масс.

Большую работу проводит в Ас-Сауре филиал советского Культурного центра. Дважды в неделю здесь демонстрируются фильмы. В библиотеке можно подобрать художественную литературу на русском и арабском языках. Периодически устраиваются книжные выставки, посвященные советскому искусству, живописи, литературе. Широко освещается жизнь современного советского общества, роль женщины и ее вклад в области науки, культуры, техники, спорта. О достигнутых успехах в работе Культурного центра свидетельствует тот факт, что только в одном 1978 году на курсы русского языка, функционирующие при центре, записалось более 400 человек. «Вы даже не представляете, какую большую помощь оказывают нам ваши женщины,— говорит Хадийя Бакфалови.— Женсовет работает с нами бок о бок. Советские учителя, приехавшие в Ас-Сауру, прочитали нам много в высшей степени полезных лекций о проблеме воспитания детей, о ваших школах, методах преподавания и обучения, о художественном и трудовом воспитании детей. Их дружеская помощь, опыт, советы — неоценимый вклад в нашу работу».

В женсовет — общественную организацию советских женщин входят члены семей советских специалистов, оказывающих техническое содействие САР в строительстве гидроэнергетического и ирригационных сооружений. Совместная деятельность федерации и женсовета осуществляется при активном участии и содействии Ас-Саурского отделения общества дружбы «СССР—Сирия».

Вся работа этих организаций строится на основе взаимопонимания и взаимоуважения. Основными целями совместной деятельности были и остаются укрепление и дальнейшее развитие дружбы между сирийскими и советскими женщинами, возможная методическая помощь местному отделению федерации в активизации его работы среди арабских женщин, ознакомление с национальными особенностями и достижениями САР, активная информация о достижениях науки, техники, культуры, просвещения и преобразования социального положения женщин в СССР. Совместно проводятся торжественные вечера, посвященные Международному женскому дню 8 Марта, на которые приглашаются представители арабской общественности. Советские женщины по приглашению федерации присутствуют на ежегодном сирийском Празднике матери, на просмотрах художественных фильмов. В помещении федерации проводятся литературные вечера. Один из них был посвящен А. С. Пушкину, и присутствующие ознакомились не только с биографией поэта, но и с его стихами в арабском переводе. Советские женщины приняли активное участие в выставке, посвященной Дню сирийских детей.

Членам федерации были переданы лекции, составленные на основе практической деятельности воспитателей летских садов Советского Союза. При содействии Ас-Саурского отделения общества дружбы «СССР—Сирия» в арабском кинотеатре в дни каникул для школьников Сирии демонстрируются советские кинофильмы, проводятся совместные конференции преподавателей арабских и советских школ, на которых обсуждаются системы и методы обучения в САР и в Советском Союзе. Большим успехом пользуются лекции о ликвидации неграмотности в СССР и предоставлении женщинам равных прав с мужчинами на получение всех видов образования. Федерации оказана методическая помощь в организации спортивного клуба. Советские женщины посещают шко-

лы и детские сады Ас-Сауры. С успехом проходят беседы о сирийских национальных праздниках.

В Ас-Сауре организован даже кружок кулинарии, где женщины знакомятся с рецептами русской и арабской кухни. Вместе с Виолеттой и Хадией мы увлеченно обсуждали особенности приготовления украинского борща и арабской национальной шурбы.

Федерация женщин в Ас-Сауре действует весьма успешно, благодаря чему молодежь начала тянуться к образованию, к активному участию в жизни своей страны. Хочется пожелать ей дальнейших успехов.

ПАЛЬМИРА

В осенний день 271 года Рим ликовал. С триумфом возвращался на родину император Аврелиан. Процессия медленно двигалась через город под восторженные крики толпы. Замкнутое и надменное лицо Аврелиана не могло, однако, скрыть радости. За колесницей императора двигалась толпа измученных пленников. Народ с любопытством смотрел на закованную в золотые цепи женщину. С трудом ступали по камням ее намученные ноги. Но ни длинные спутанные волосы, ни лохмотья не могли скрыть ее удивительной красоты. Современники утверждали, что она прекрасней Клеопатры: «Зубы ее были подобны жемчугу, а блестящие глаза полны неизъяснимого очарования». Имя пальмирской царицы Зенобии, идушей за колесницей, было известно всему Востоку. А по уму и смелости эта гордая женщина превосходила многих мужчин. Ее не посмели казнить, ибо она вызывала слишком глубокое уважение. Как упоминают тексты, Зенобия кончила свои дни пленницей.

Наш автобус едет в Пальмиру — центр бывшего царства Зенобии. Дорога вьется вдоль побережья. В сиреневой дымке проглядывает цепь гор. Против Баньяса на гладкой поверхности моря четко видны силуэты танкеров. Автобус быстро минует центральную улицу городка, площадь с фонтаном, лавки, торгующие фруктами, и вот мы уже вне города. Потянулись оливковые сады, которые обрываются при въезде в Тартус. Именно через этот порт шли строительные материалы на стройку Евфратского гидротехнического комплекса. Гигантская плоти-

на, которую называют «становым хребтом индустриализации» страны, уже вступила в строй.

От моря дорога поворачивает в сторону Хомса — крупнейшего центра химической промышленности Сирии. На горизонте дымят трубы завода. Проезжаем одну улицу города, другую, кладбище, окруженное древней каменной стеной, полосу пальм и у таблички с надписью «Пальмира» поворачиваем в сторону пустыни. Тянется желтый песок с серыми пятнами колючек. Изредка на горизонте появляются столбы песчаных вихрей. Промелькнула палатка бедуинов. Рваный полог приоткрыл на минуту скромный быт. Пасутся овцы. Совершенно непонятно, что могут они здесь отыскать. Однообразный пейзаж и духота в разогретом автобусе вызывают сонливость. Но внезапно все оживло. Сидящий впереди старик взял дарбуку — национальный арабский инструмент. Улыбки, аплодисменты, оживление. Усталости как не бывало. Навстречу нам вдоль дороги идет, мерно покачиваясь, караван верблюдов. Их шаг неожиданно переплетается с ритмом дарбуки. Возможно, именно здесь, в пустыне, когда-то и родилась эта древняя и красивая мелодия.

Пальмира возникла совершенно неожиданно, как фантастический мираж в пустыне. Из песка поднимались к небу стройные храмы с портиками. Голубое небо просвечивало сквозь многочисленные золотистые колонны. Застыла Триумфальная арка. Полуразрушенные стены города, его дворцы, термы говорили о прежнем величии. Казалось, что не только строители, но воздух и солнце принимали участие в создании этого шедевра. Но что же произошло с тобой, город?

Упоминания о городе встречаются на ассирийской табличке II тысячелетия до н. э. и на табличке из Мари. Аккадский текст говорит нам, что ассирийский царь Тиглатпаласар I шел походом на Тадмор (Пальмиру), чтобы бороться с арамейцами. Предшественниками арамейцев были ханааниты, которые ввели культ бога Бола, ставшего главным богом Пальмиры. Позже он ассимилировался с Белом — великим богом Вавилона. В течение раннего римского периода число арабов и арамейцев было павающим в Пальмире. Племена, оседавшие в городе, были арабскими, говорили по-арабски, а писали по-арамейски. Арабы чувствовали себя хозяевами этих

мест. Они приходили, строили свои жилища в Пальмире, и происходило это задолго до ислама. Далее, вплоть до I века до н. э., никаких сведений о Пальмире нет. Правда, в Ветхом завете упоминается, что Пальмирой правил Соломон (I тысячелетие до н. э.), который реконструировал этот город. Доисламский поэт аль-Набиха в поэме «Аль-Далейя» вспоминает арабскую легенду о том, как джинн построил Пальмиру для царя Соломона: «Бог приказал Соломону: „Встань и иди к людям, помоги им освободиться от ошибок, дай знать джинну, что я дал ему право построить прекрасные каменные здания и колонны Тадмора“». Город был разрушен Навуходоносором, но вскоре восстановлен. Название «Тадмор», под которым он известен арабам и другим семитским народам, имеет неизвестное происхождение. Под латинским именем «Пальмира» (пальма) город был широко известен в греко-римский период. Какое-то время Пальмира находилась в руках Селевкидов и независимость обрела в 64 году до н. э., тогда как остальная Сирия превратилась в римскую провинцию. С этого момента город играл роль буферного государства между персами и римлянами. Выгодное географическое и политическое положение позволило ему быть связующим звеном между средиземноморской культурой и культурой Персидского залива. К 40-му году он превратился в богатейший торговый центр. Сюда везли жемчуг, стеклянные изделия, вина, китайский шелк, индийскую слоновую кость, персидские ковры, статуи из Финикии. Бесчисленные караваны устремлялись к удивительному городу:

За верблюдом верблюд
Вереницей длинной мирно идут,
Подперты горбом вьюки с добром:
Мешки с янтарем, в тюках парча,
Ларцы с алмазами, с жемчугом,

За верблюдом верблюд,
Нагружены тяжко, идут, идут.
В пустынном ущелье, во тьме, в глубине,
Где сдвинулись горы стена к стене
И только утесов глыбы висят,
Караван в засаду неожиданно попал:
В блеске сабель предстал из-за голых скал
Разбойников горных лихой отряд:
«Погонщики, прочь! Верблюды, стой!

Мешки долой! Тюки долой!»
(Аветик Исаакян. «Аль-Маари»)

Нападения на караваны были обычным явлением. Поэтому жители Пальмиры стали предоставлять за плату проводников и конных лучников для охраны, а также продавать воду, представлявшую в пустыне большую ценность.

Богатство города привлекало к себе алчное внимание Рима. В одном из текстов, относящихся к 41 году до н. э., говорится, что Антоний, проконсул Рима в Египте, организовал грабеж города: «Когда Антоний послал своих всадников в Пальмиру и приказал разграбить ее, ему не в чем было обвинить пальмирцев, ибо они честны и занимаются только торговлей, покупая товары в Индии, Аравии, Персии и продавая их римлянам». В этот период город не был укреплен и в случае опасности жители, забрав свое добро, уходили на левый берег Евфрата. Плиний Старший (50-й год до н. э.) утверждает, что в его время Пальмира не была под римским контролем, но добавляет, что Рим контролировал главные торговые пути и порты по всей Сирии, а также в Египте и Малой Азии.

Однако по-настоящему подчинилась Риму Пальмира только в первом столетии нашей эры. Она вошла в состав римской провинции Сирии, будучи автономной и представляя собой олигархическую республику. В 60-е годы III века Пальмира вновь стала фактически независимой.

С III века начинает фигурировать имя Оденат, наследники которого сыграли важную роль в истории Пальмиры. Первым человеком, носящим это имя, был римский сенатор, казненный за участие в бунте. Его сын Хайран получил титул принца пальмирского. Сын последнего Оденат, муж знаменитой Зенобии (Зубайдат), в 258 году стал консулом и полновластным правителем Пальмиры. В 260 году он нанес поражение Шапуру I, в 262—267 годах во главе пальмирских и римских армий одержал ряд побед над персами. Получил от римских императоров высокие звания дукса и императора, присвоил себе титул «царя царей». Слава и военные успехи Одената стали вызывать зависть у римских государственных деятелей. При таинственных обстоятельствах в 267 году он был убит. Пальмирская корона перешла к младшему сыну Одената, еще младенцу, который унаследовал все титулы и звания отца. Зенобия, став-

шая регентшей при сыне, захватила власть в свои руки. Образованная, волсвая, чрезвычайно гордая и умная красавица, она была и чрезвычайно честолюбива. После смерти Клавдия II Римская империя переживала тяжелый кризис. Рим с трудом отражал набеги готов. Зенобия избрала именно этот период для вторжения в Египет. Победив римские войска в Египте, она осуществила и свои планы захвата всей Передней Азии. Неукротимая царица проникла в Малую Азию вплоть до Босфора: ей удалось овладеть вторым морским путем, который создавал неслыханные возможности для ее подданных. Летом 271 г. Зенобия и ее сын провозгласили себя императрицей и императором Востока. Это было время наивысшей славы Зенобии. Пальмира чеканила монеты с изображением ее и сына.

Осенью 271 года римский император Аврелиан начал против Зенобии военные действия. Они развернулись прежде всего в Египте. Так как пальмирское господство не пользовалось особой популярностью, Аврелиан победил быстро. Он вернул все города, покоренные Пальмирой, и без особых трудностей дошел до Сирии. Персидский царь, ожесточенный враг Рима, к этому времени постарел и не смог помочь императрице, оказавшейся в тяжелом положении. Аврелиан перешел Оронт и выиграл два решительных сражения (в Антиохии и Хомсе). Войска Зенобии бежали в Пальмиру, найдя убежище за ее могучими стенами. Город был осажден. Ночью Зенобия бежала из города на верблюде, пытаясь добраться до Персии и добиться помощи бывшего союзника, но была схвачена. Пальмира сдалась. Зенобия следовала в качестве пленницы за колесницей Аврелиана в процессии триумфа. В Хомсе были казнены советники Зенобии, среди которых был и Кассий Лонгин, философ и оратор, глава школы неоплатоников и приближенный Зенобии.

Едва победитель Аврелиан достиг Европы, как Пальмира восстала, римский гарнизон во главе с губернатором был перебит. Аврелиан вынужден был вернуться, следствием чего явилось разграбление города и разрушение его стен. При Диоклетиане стены были восстановлены, а при Юстиниане появилось значительное количество новых сооружений. Однако в борьбе против Рима Пальмира потеряла былую славу.

Пальмира

Арабы заняли Пальмиру (Тадмор) в 634 году. Возвращаясь из Ирака после победы на реке Ярмук, знаменитый полководец Халед ибн аль-Валид осадил и взял город. В 745 году город восстал против династии Омейядов. Мерван II, последний омейядский халиф, разрушил все укрепления Пальмиры. После перенесения центра халифата из Дамаска в Багдад (начало правления Аббасидов) Пальмира пережила еще один период упадка. В начале X столетия город был разрушен сильным землетрясением.

В начале XII века влияние Пальмиры снова усиливается. В конце этого века он был присоединен к эмирату Хомса. В 1177 году храм Баала (памятник II—III веков) был превращен в укрепленную крепость, о чем говорит надпись на воротах. Затем была восстановлена южная стена города. Вокруг него один за другим вырастали арабские замки. Но город вновь теряет свое значение после вторжения Тимура и падения крупных северных городов на Евфрате, которые были связаны с ней торговыми отношениями. Землетрясения и набеги

бедуинов завершают дело его разрушения и опустошения, так что новое знакомство с Пальмирой (уже с ее развалинами) происходит только в XVII—XVIII веках.

Самая ранняя научная экспедиция в Пальмиру была осуществлена двумя англичанами, Х. Девкинсом и Р. Вудом (1751), которые опубликовали свои зарисовки в сборнике «Руины Пальмиры» (Лондон, 1753). За нею последовала экспедиция Ваддингтона (1861). Немецкая экспедиция побывала здесь в 1902 году.

Английские путешественники, авторы «Руин Пальмиры», сообщали, что в Пальмире они обнаружили только 18 домов. Жить им пришлось во дворе храма Баала. Но постепенно рядом с руинами вырос заново отстроенный город. В XIX и XX веках Пальмира вызывала большой интерес и большой приток посетителей.

Развалины древнего города разбросаны на большом пространстве между храмом Баала на востоке и подножием холмов на западе, соединенными длинными колоннадами с Триумфальными воротами. Большинство крупных зданий находится у южной части колоннады. Это театр, сенат, агора с четырьмя порталами. Крепостная стена, относящаяся к VI веку, почти сровнялась с землей, однако по ней еще можно определить границы древнего города. С вершины холма можно охватить взором весь ансамбль развалин и представить себе древнюю Пальмиру с ее роскошными сооружениями и зелеными насаждениями. Это та Пальмира, которая не раз возникала прекрасным миражем в строках многих лирических стихотворений:

Светозарен Тадмора дворец. Средь песков
Он, как марево, путника взоры манит,
На семьсот беломраморных стройных столбов
Опираясь, возносится башня в зенит.
А вокруг него — пальм легковесная тень,
Где, на вайях качаясь, печально поют
Чудо-птицы; журчат водометы весь день
И цветы, все в росе, над бассейном цветут.

(Аветик Исаакян. «Вечная любовь»)

Автобус, привезший нас в Пальмиру, остановился на каменистой площадке перед гостиницей, которая, судя по всему, никогда не пустовала. Главным украшением прохладного вестибюля был поргрет знойной и хищной

Зенобии (такой ее увидел в своем воображении местный художник). В маленьком номере на втором этаже, где нам предстояло провести ночь, нас поразили теплые верблюжьи одеяла на кроватях (в такую-то жару!). Однако ночью они оказались весьма кстати.

Наступал вечер. Солнце бросало золотистые отблески на верхушки колонн. Изредка где-то в развалинах грустно звякал колокольчик заблудившейся овцы. В оставшееся до наступления темноты время мы решили осмотреть храм Баала (аккадское — Бела), верховного общесемитского древнего божества. Храм разместился на искусственном холме, скрывавшем остатки более раннего языческого храма. План его носит типично восточный характер: четырехугольный двор с крытыми галереями, в центре — собственно храм, перед которым помещен алтарь для жертвоприношений, комната для угощений и священный бассейн. Площадь квадратной формы была окружена непрерывной стеной, имеющей на юге, севере и востоке прямоугольные окна с фронтонами. К каждой стороне примыкает два ряда колонн, которые были когда-то украшены капителями из позолоченной бронзы. Косые лучи заходящего солнца давали зданию своеобразную подсветку. Желтый камень оживал. Лучи, передвигаясь, сообщали таинственную одухотворенность храму и колоннам (один из секретов древней архитектуры). Монументальная лестница вела к внешней галерее из восьми колонн, находящихся перед входом. Галерею венчали две башни в соответствии с древней восточной традицией (у арабов, персов, ассирийцев). На красивых фризах — крылатые духи, несущие гирлянды из фруктов и цветов. Барельеф изображает процессию: верблюд несет павильон, внутри которого символ бога Бела; за ним следует процессия женщин, чьи лица скрыты под вуалью (барельеф этот сделан в период, предшествовавший исламу!). В южной и восточной сторонах храма — две ниши с изображениями пальмирских богов. Это явление типично сирийское. Ни греки, ни римляне не помещали богов в ниши, а ставили их на пьедестал. Северная ниша имеет монолитный потолок с изображением семи планет и знаками зодиака. Юпитер стоит лицом к лицу с Белом, управляющим движением небесных тел и судьбами Востока. В южной нише стояла статуя бога Бела, которую обычно носили во время процессий. Монолитный

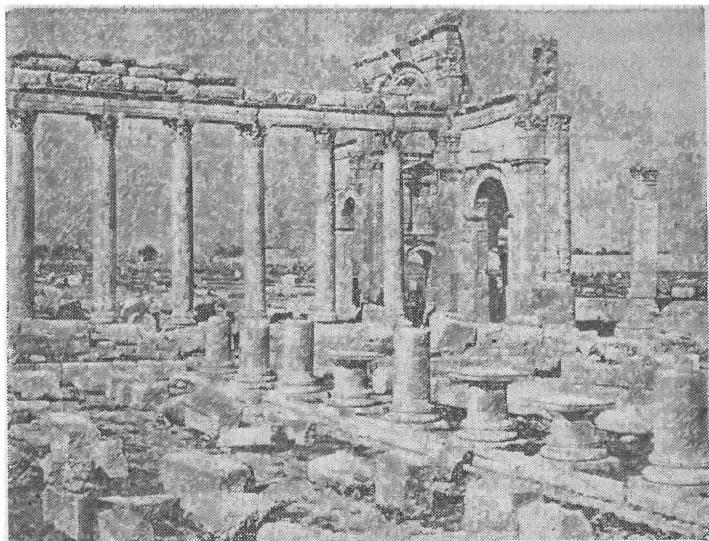
потолок изящно орнаментирован, представляет собой образец высокого искусства. Вырезанная в камне роза окружена орнаментом из треугольников, четырехугольников, шестиугольников в различных вариациях. Создатели этих орнаментов Пальмиры вдохновлялись византийскими и арабскими образцами. Наше внимание привлекли едва видимые изображения человеческих фигур на стене. Эти изображения святых дошли до нас из византийской эпохи, когда храм Баала был превращен в церковь, которая позже, в свою очередь, была переделана арабами в мечеть.

В XII веке было начато строительство арабского бастиона и стены, на которые пошли камни храма. Сохранилась арабская надпись на арке бастиона: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного прошу не ломать эту стену. Пусть она стоит! Она построена с божьей помощью великим человеком, Насир ад-Дином, одним из тех, кто осуществил победу религии». Когда население Тадмора подвергалось нападениям кочевников-бедуинов, оно находило надежное убежище за стенами храма.

Время сооружения храма оставалось загадкой, пока в результате раскопок не была обнаружена статуя с надписью на ее основании, гласившей, что житель города Лишамша сын Таибола посвятил этот храм Белу и Аглиболу на шестой день апреля 32 года, а статую установили его сыновья. Интересно, что основание фундамента храма имело вначале ступенчатую платформу — на греческий манер (крепис). Но потом возникла необходимость расширить двор. Чтобы обеспечить необходимую площадь, уровень более ранней площадки был занижен, и получилось основание без креписа. Все это говорит о благотворном влиянии греческой архитектуры, уже пережившей к этому времени и свой наивысший подъем, и упадок и вновь возродившейся в архитектуре Пальмиры, но уже обогащенной влиянием традиций восточной культуры.

В левой части храма видно основание алтаря для жертвоприношений, справа — бассейн для омовений. По наклонной площадке вели животных (быков, верблюдов, баранов) к жертвеннику.

Храм был тесно связан с жизнью города, его рядовых жителей. Об этом свидетельствуют частично сохранившиеся надписи на стенах: «Аллах, сжался над Абд ас-

Пальмира. Триумфальная арка

Самадом, сыном Обейда, и над Мухаммедом, сыном Язида, и прости им их грехи, прежние и настоящие. Пощади, Алллах, любого из тех, кто, прочитав надпись, скажет: аминь!» (самая старая надпись VII века). На восточной стене сохранилась надпись — эдикт правителя Дамаска Аз-Захира, подтверждающий право жителей Пальмиры пасти скот на возвышенности Терebinт.

От храма открывается панорама города, прекрасного даже в развалинах. Это образец греко-римского городского строительства Сирии, где в начале 60-х годов нашей эры искусство городского планирования начинает бурно развиваться, причем Восток оказывает на него неоспоримое влияние. Выдвигаются фигуры талантливых строителей и зодчих. Один из них — римский архитектор Аполлодор аль-Димашки (из Дамаска). Он планировал сооружения как в Римской империи, так и в Риме (Форум Траяна). Не случайно римский поэт Ювенал, подчеркивая взаимное влияние культур, писал: «Оронт несет свои воды в Тибр, а с ними язык, традиции и искусство».

Первые дома Пальмиры были выстроены вокруг источника вблизи храма Баала. Но большинство из со-

хранившихся сейчас зданий было сооружено в период расцвета города (первые три столетия нашей эры).

По рыжей каменистой дороге мы спускаемся от храма к Триумфальной арке — выдающемуся достижению пальмирской архитектуры. Известные архитекторам Рима, подобные сооружения лишь много позднее стали достоянием и европейской архитектуры. Первое, что бросается в глаза, это четыре мощные двенадцатиметровые колонны — сооружение II века. Гранит, из которого они сделаны, не встречается в Сирии. Его везли сюда из Египта. Но Пальмира стоила того. Сейчас кажется невероятной установка громадных блоков, весом более 20 тонн. Колонны эти в свое время украшали вход в большое здание. Колоннада из двух рядов колонн тянется от Триумфальной арки и представляет собой центральную магистраль города. Два портика под деревянными крышами укрывали от солнца и непогоды. На каждой из колонн, примерно посередине, выделяется консоль для статуи, воздвигнутой в честь именитого человека или рядового гражданина, внесшего средства на украшение города.

Сопровождает нас немногословный гид — араб. Он подводит группу к концу Большой колоннады, где сохранилось восемь статуй, и обращает наше внимание на вторую и третью колонны. Первую из них украшала статуя Зенобии, а вторую — ее мужа Одената. Сами статуи исчезли, даже консоли разбиты, но остался текст на второй колонне, который относится к 71 году — моменту установки статуи: «Статуя Септимии Зубайды — самой знаменитой и благочестивой царицы, самой прекрасной и великой среди вождей, правительницы Тадмора, поднявшей его славу на необычайную высоту». Зубайдат — арабское имя Зенобии.

Вокруг колоннады разбросаны важные общественные постройки: бани Диоклетиана, агора, сенат. Долгое время оставался под слоем песка прекрасно сохранившийся пальмирский театр, построенный во второй половине II века.

Быстро наступила южная ночь, и над Пальмирой опрокинулось черное небо с бесчисленными звездами, какое можно увидеть только в пустыне. Над руинами поднялась луна, придавая городу особое очарование. Поеживаясь от холода, осторожно ступая по острым

камням, мы двигались к театру. Кругом стояла первозданная тишина, изредка нарушаемая голосами людей. Сели в партере, мощенном каменными прямоугольными плитами, и замерли. Лунный свет падал на колонны, на сводчатые проходы, ведущие к местам зрителей, на портик театра, соединенный аркой с Большой колоннадой. Все выглядело нереальным, таинственным. Казалось, вот-вот начнется представление. Внезапно три девушки из нашей группы перепрыгнули через барьер, отделяющий сцену, обняли друг друга за плечи и, тихонько напевая, начали танцевать народный сирийский танец, все убыстряя темп. И напеваемая вполголоса мелодия, и грациозные движения танца, возникшего давным-давно на этой земле,— все выглядело очень гармонично на сцене древнего театра Пальмиры.

Утром мы, к сожалению, проспали рассвет. Спешно позавтракали, чтобы до наступления полуденной жары осмотреть как можно больше. И вновь мы в театре, появившемся из-под слоя песка лишь в 1952 году. Особенность этого театра состоит в том, что он был построен в центре города (сирийские театры, как правило, строились на окраине). План постройки — римский по стилю. Характерная деталь — три ниши в задней стене. Авансцена отделена от эстрады стеной. Центральная часть отмечена колоннами. Они значительно большего диаметра, чем колонны, идущие вдоль стен, и несут на себе архитрав со сводом. Вымощенный каменными плитами партер огражден барьером. По одну и другую сторону сцены — два сводчатых прохода, ведущие к местам для зрителей. Восточный портик театра соединен аркой с Большой колоннадой. Гармония ансамбля, как видим, нигде не нарушена. Около портика сохранилась консоль с надписью. Текст гласит, что она поддерживала «статую его величества Септимуса Хайрана, сына Одената, поставленную союзом дубильщиков» (Хайран — один из сыновей Одената и Зенобии).

Кроме главного храма бога Баала в Пальмире существовали храмы, посвященные и другим богам. Раскопки, предпринятые группой сирийских археологов в 1963 году, дали интересные результаты. Был обнаружен храм, посвященный богу Набо, сыну Мардука — вавилонского бога-повелителя небес. Набо был своеобразным «секретарем» богов и принимал немалое участие в человече-

ских судьбах. У греков и римлян он известен под именем Аполлона. Популярность его в Сирии была необычайной. Имя Набо всегда писали на карточках — приглашениях к священной трапезе рядом с именем бога Баала. План найденного храма — типично сирийский: монументальный вход, двор, окруженный крытой галереей, и в центре — храм. Во дворе — маленький алтарь, на каждом углу которого по три колонны на одном основании. Широкая лестница ведет к монументальному входу с двумя колоннами. Архитектурные фрагменты интерьера храма свидетельствуют о сильном месопотамском влиянии. Но что бы ни создавали пальмирцы, под каким бы влиянием они ни находились, на их совершенных созданиях тем не менее лежит печать их собственного неповторимого искусства.

Раскопки храма Баал-Шамина вела археологическая экспедиция из Швейцарии под руководством профессора П. Колларта. Восстанавливая колонны одного из портиков храма, она обнаружила на консоли греческую надпись, датируемую 258 годом. В ней говорилось о посвящении Оденату. Раскопанный храм имеет вестибюль с шестью колоннами. Текст на другой консоли, датированный 131 годом, свидетельствует, что основал храм Баал-Шамина (повелителя небес, бога плодородия и дождя) Меил. Баал — древнее общесемитское божество, культ которого засвидетельствован с III тысячелетия до н. э. Греческий Зевс также восходит к Баалу. Найденная пальмирская надпись, датированная 149 годом, называет дату строительства портиков двора, посвященных Баал-Шамину. Сохранилось упоминание, что в строительстве храма принимало участие племя Бен Маазин. Создавая свой прекрасный город, пальмирцы не освобождались, по-видимому, от родовых и племенных традиций, еще очень сильных даже у горожан. Перед храмом сохранился алтарь. Пилястры, форма окон, отсутствие поднятой платформы, или креписа, — все это носит чисто восточный характер. В более позднюю, византийскую, эпоху храм постигла обычная участь: он был переделан в церковь.

В римский период сирийцы познакомились с такой формой храма, как базилика. Такое сооружение обнаружено в Пальмире недалеко от храма Баал-Шамина. Базилика эта — одно из самых ранних зданий, использу-

емых для христианского богослужения. Она имеет неф и боковые приделы, используемые как двор правосудия и место для торгов. Пальмирская базилика включает и прямоугольный зал, кончающийся нишей. Портик ее несут шесть колонн. Строительство базилики относят к V столетию.

Солнце поднималось все выше. Жара становилась нестерпимой. Но мы продолжали знакомство с Пальмирой. Нам предстояло осмотреть то, что осталось от сената, правившего Пальмирой.

Просторная публичная площадь — агора была когда-то окружена колоннами. Северная ее сторона предназначалась для крупных чиновников, западная — для военачальников, южная — для караванщиков и восточная — для сенаторов. Построенная во II веке, она тогда же была разрушена. Зенобия использовала ее камень для построек оборонительной стены. Сохранились два фонтана в углах северного портика, полуподвальное помещение и остатки платформы, с которой выступали ораторы. Центральные ворота были украшены изображениями членов семьи Септимия Севера и других сирийских и римских императоров.

Западнее агоры археологи обнаружили храм — зал приемов. У задней стены — ниша и алтарь, где курили финиам. Вдоль стен когда-то стояли скамьи с мягкими подушками. Зал служил для обрядовых приемов пищи, совершаемых после жертвоприношений. Возглавлял церемонию непременно глава города. Гости получали специальное приглашение.

После агоры мы попали в здание, назначение которого пока неизвестно. Оно интересно тем, что здесь нашли стелу с надписью по-гречески и по-пальмирски. Стела была найдена в 1881 году, а в следующем году турецкие власти предложили ее путешественнику из России князю А. А. Абамелек-Лазареву, который привез ее к себе на родину. Сейчас она находится в Эрмитаже. Известный востоковед Б. А. Тураев сказал о стеле, что это «самый крупный эпиграфический памятник не только Пальмиры, но и всего семитического алфавитного письма».

Эта стела — запись постановления пальмирского сената и демоса (137 год), определяющего пошлины на ввозимые и вывозимые товары, на контракты и акции

торговых компаний. Она знакомит с финансовыми порядками Пальмиры, особенностями ее торговли.

После падения Пальмиры император Диоклетиан построил военный лагерь к западу от разрушенного города. Лагерь этот повторил по своему плану лагерь, построенный Диоклетианом же в Спалато (ныне Сплит в Югославии). Раскопки на этом месте вела польская археологическая группа под руководством известного ученого Михайловского. Археологи выдвинули предположение, что вначале это был укрепленный дворец Одената и Зенобии, позже переделанный Диоклетианом. С 1959 по 1965 год было раскопано большое строение — Преторианские ворота, затем обширный двор, условно названный форумом, и, наконец (в юго-восточном углу), несколько печей для обогрева здания горячей водой. Здание включало и базилику. Монументальная лестница вела к часовне, где давали клятву солдаты. Другая, так называемая Часовня знамен, была богато украшена скульптурами.

Пальмира окружена защитной стеной, построенной из огромных камней. Длина ее превышает 12 километров. Первоначальную форму она обрела в период правления Одената и Зенобии и была усилена квадратными бастиянами. Во время осады города Аврелианом в 272 году стена была разрушена, но в VI веке восстановлена императором Юстинианом и в таком виде частично сохранилась до нашего времени.

Заключительным этапом нашего путешествия по Пальмире было посещение Долины мертвых, расположенной за чертой города.

Мы вновь в жарком, душном автобусе, но теперь, после долгой пешей прогулки под палящим солнцем, это кажется нам великим благодеянием. Едем по асфальтовой дороге, ведущей в Хомс, затем сворачиваем направо, и вот мы в окружении странных многоэтажных башен.

Сохранилось четыре типа пальмирских захоронений. Это могилы-башни, могилы-дома, подземные могилы, или гипогеа, и индивидуальные захоронения. Старейший тип могильников — именно башни. Они являются типично пальмирским изобретением. Это, как правило, квадратные здания в несколько этажей с лестницей. Вначале их оформление было очень простым — с нишами, отры-

тыми на уровне земли, но с I столетия нашей эры пальмирцы стали более заботливо относиться к их интерьеру. Основание башен стало ступенчатым, фасад украсился балконами. Особое внимание уделялось первому этажу: здесь и коринфские пилястры, и цветные фризы, и расписные потолки. В 1963 году была реставрирована башня-могила Джамбликос (выстроена в 83 году). Еще стоят ее четыре этажа. Правда, мы побывали только на двух: выше подниматься было несколько опасно. На первом этаже могилы Джамбликос хорошо сохранились цветные фризы, лепной потолок. В нишах стояли когда-то каменные гробы. Над нишей помещался скульптурный портрет похороненного. Когда заполнялся первый этаж, строился второй, и так далее. Башня была своего рода фамильным склепом.

Башня-могила Элахбель названа именем одного из четырех ее основателей (Элахбеля, Шагаи, Могимо и Маани — сыновей Вахбалата). Она установлена в 103 году и кроме подземного этажа имеет еще четыре. Это одно из богатых захоронений. Владевшая им семья играла видную роль в жизни города: ее члены принимали участие в строительстве ряда зданий Пальмиры. На первом этаже — традиционные ниши с коринфскими пилястрами, крашенные панели потолка. На северной стене — бюсты членов семьи. Над дверью помещен бюст хранителя могилы — сына Элахбеля. Ниши закрыты тяжелыми известняковыми плитами, украшенными горельефом, изображающим умерших.

В оформлении башенных захоронений ощутимо влияние греческой традиции. Однако в скульптуре Пальмира создала свой собственный стиль.

Возвращаясь из Долины мертвых, останавливаемся у источника Эфка, который находится внутри пещеры. С незапамятных времен он был объектом особого почитания окрестных жителей. Ступеньки ведут в грот, где до нашего времени сохранилось несколько алтарей. Надпись на одном из них гласит, что Болана, сын Забида, посвятил этот алтарь «Великому Зевсу, повелителю небес, в то время, когда был хранителем источника — в октябре 162 года». Слово «эфка» арамейское и означает «воды».

Дорога, бегущая на юг, пересекает древнюю городскую стену на месте ворот в Дамаск, через которые ког-

да-то проходили многочисленные караваны, направлявшиеся с юга на восток. Нас интересовал этот уголок Пальмиры, так как здесь расположены подземные захоронения II и III столетий. Наиболее интересным среди них является Могила трех братьев. Многие другие захоронения пока под песком — ждут археологов.

Надпись по-пальмирски на двери свидетельствует, что три брата — Намаин, Малэ и Саэди — вырыли эту могилу в середине II века. На двери — маленький крючок, на котором висела лампа. Стены и кирпичные своды покрыты штукатуркой. Вдоль стен — шесть рядов ниш, в которых помещали умерших. Три красивых белых саркофага в боковом отделении еще раз напоминали об эллинистическом источнике пальмирского искусства. На стене — прекрасно сохранившиеся фрески греко-сирийского стиля. Изображена сцена нахождения Ахилла Одиссеем. Спрятавшись среди дочерей Ликомеда, переодевшийся в женское платье Ахилл пытается спастись от своей судьбы. Данный сюжет не случайно выбран для фрески захоронения. Пальмирцы воспринимали образ Ахилла как символ человеческой души, которая хитростью пытается задержаться на этой земле, облачась в чужое платье. Но смерть освобождает ее для более достойного существования по ту сторону жизненной черты. Изображенные на фресках крылатые Победы держат в руках медальоны с изображениями похороненных. Интересно, что аналогичные рисунки были обнаружены в Помпее и в Риме. Свод погребения украшен голубыми шестиугольниками и позолоченными розетками. И еще одна фреска привлекает наше внимание. Ее сюжет также знаком — похищение Ганимеда.

Могила трех братьев была рассчитана на 390 мест. Число кажется невероятным. Но оно объяснимо. Земля дорожала, цены поднимались. Чтобы похоронить только что умершего, выбрасывали предыдущих. В Пальмире появились спекулянты, которые перепродавали места для захоронений. Сам факт подземных захоронений объяснялся участвовавшими ограблениями башен.

Некоторые могилы носят имена тех, кто их построил. Такова могила Атенатана (98 год), богатого пальмирца, изображенного на саркофаге между двумя слугами, один из которых держит лук, другой лошадь. Дверь захоронения Брокки, сына Зубейда, прикрыта монолитным

камнем. Интерьер украшают колонны с коринфскими капителями. На стенах саркофагов — сцены похорон.

Однажды под слоем песка археологи обнаружили дверь, запечатанную каменной плитой. На ней — геометрические рисунки и изображение грифона, держащего дверную выемку. Сразу за дверью был обнаружен колодец, снабжавший посетителей водой. Это подземное захоронение появилось во II веке. Привлекает внимание сцена жертвенной трапезы на стене захоронения. Отец семейства изображен лежащим. Из рук маленьких своих детей он получает цветочные гирлянды.

В конце II столетия появился еще один вид захоронений в Пальмире. Это дома-могилы. Они были одноэтажными, с тщательно отделанным входом. Дверь была непременно закрыта каменной плитой. Вдоль стен помещались ниши со скульптурами мертвых. Таких могильников в Пальмире было очень много, но хорошо сохранилась только одна — дом Марона. Она построена Юлиусом Арлиусом Мароном в марте 236 года. Позже ее использовали как жилой дом, разрушив ниши и изуродовав интерьер. Марон был богатым судовладельцем. Барельеф изобразил его на фоне корабля. Известно, что купцы Пальмиры снаряжали не только караваны, но и корабли в Индию и Китай, уходившие из порта Басра в Персидском заливе.

Индивидуальные захоронения — самые дешевые. Они состояли из простой прямоугольной ямы два на два метра. Стены обычно обкладывались известняком. Мертвых помещали в глиняный гроб, сверху ставили камень, и это считалось вполне достаточным. Наиболее интересные надгробные стелы перенесены в местный музей, где мы с ними и познакомились несколько позже.

Музей открыт в 1961 году и имеет следующие отделы: Отдел предисторических находок в Пальмире; Археологический отдел, где хранятся главные находки раскопок последних лет; Народный музей Пальмиры и оазиса. Здание музея, двухэтажное, облицованное хорошо отшлифованными белыми известняковыми плитами, пожалуй, самое красивое в этом маленьком городке. Оно помещается на небольшой площади, которая носит, естественно, имя Зенобии. Большую часть экспозиции первого зала занимает реконструкция пещеры каменного века. Очень натуралистически воспроизведены фигуры

мужчины, оттачивающего каменный нож, и женщины, раздувающей огонь. Маленький ребенок в углу пещеры наблюдает за действиями родителей. За стеклянными витринами лежат каменные топоры, ножи, примитивная утварь доисторических людей, живших в оазисе в период палеолита.

Следующая экспозиция посвящена ранним надписям, обнаруженным в Пальмире, эволюции языка, алфавиту. Первые надписи относятся к арамейскому периоду, периоду правления персидского царя Дария (VI век до н. э.). В этот период арамейский язык был основным в огромном царстве, куда входила и Пальмира. Тексты на пальмиро-арамейском языке обычно сопровождались латинским или греческим переводом, что позволило во второй половине XVIII столетия двум ученым, Д. Бартоломео и Д. Суинтону, найти ключ к алфавиту. Пальмирский алфавит состоит из 22 букв. Читали и писали на этом языке справа налево. И хотя в VII столетии арабский язык заменил его, родной язык пальмирцев долго еще продолжал существовать. В музее много алтарей, привезенных сюда от источника Эфка. Надписи на алтарях несут первые сведения о пальмирцах, их богах, о племенах, населявших этот оазис.

Очень интересен отдел светской скульптуры, украшавшей городские улицы, храмы, агоры. Это фигуры сенаторов, предводителей караванов, представителей светской власти и купцов. Каждая скульптура — портрет, донесший до нас своеобразие черт давно живших людей. Дают они представление и о платье, которое носили в то далекое время. Это, как правило, длинный плащ или, по иранской моде, вышитая туника. Кроме скульптур в музее представлены многочисленные барельефы. На них изображены, в частности, солдаты пустыни на фоне верблюдов — очень уважаемые в Пальмире люди, так как они защищали караваны, идущие от Средиземного моря к Персидскому заливу. Кстати, верблюжья упряжь употребляется до сих пор абсолютно в том же виде.

Специальный зал музея посвящен пальмирскому пантеону. Пальмирцы поклонялись 30 богам, главным из которых был Баал (Бел). Художники и скульпторы того далекого времени стремились представить богов прекрасными и могущественными. Некоторые из них изображены стоящими на колеснице или едущими на верб-

люде. Боги вооружены мечами, что вполне естественно в бурное время бесконечных войн. Один из них мчится на колеснице, в которую впряжены два грифона, и милостиво протягивает руку, чтобы взять гирлянду из рук верующего. Воинственно настроенный бог-защитник караванов держит в руке меч и копье. На барельефах изображена и триада: бог солнца, бог луны и богиня, представлявшая планету Венеру. На другом барельефе орел, широко раскинув крылья, прикрывает двух других орлов, держащих в клювах оливковые ветви.

Интерьеру жилого дома пальмирцы уделяли большое внимание. Пол выкладывали мозаикой, часто большой художественной ценности. Сохранились и перенесены в музей некоторые фрагменты такой мозаики на греческие сюжеты: сцены из Троянской войны, миф об Ахилле и Одиссее, сцены охоты кентавров. Прекрасное мозаичное панно посвящено мифу о Кассиопее, прогневавшей нимф. Нептун, бог моря и их защитник, послал чудовище опустошить страну. Оракул объяснил, что единственный путь задобрить чудовище и спасти страну — это принести в жертву Андромеду, дочь Кассиопеи. Привязанная к скале несчастная Андромеда была на грани гибели, когда внезапно явился спаситель — Персей. Легенда развивала идею героической жертвенности, которая была близка пальмирцам — патриотам своего города. Панно выполнено с большим художественным вкусом.

С интересом мы рассматривали и коллекцию стеклянных изделий старых мастеров Пальмиры, и коллекцию глиняных табличек с изображением жертвователя на одной стороне и божества, которому воздавали честь, — на другой. Все экспонаты невозможно перечислить: глиняные лампы для масла и ладана, бронзовые статуэтки, кольца, серебро, монеты различных эпох (включая серебряные монеты с изображением Александра Македонского, медные монеты со стертым изображением Зенобии и собрание монет эпохи Аббасидов). Византийская эпоха представлена собранием золотых монет, ожерелий, повседневной утвари, драгоценными камнями и печатями с крестом. Арабско-исламский период представлен богатой коллекцией керамики.

Пожалуй, самое сильное впечатление оставляет зал, посвященный надгробной скульптуре. Создавая камен-

ные статуи, пальмирские художники имели перед собой пример совершенного античного искусства. Сознанию античных греков было свойственно ощущение радости бытия, что нашло отражение и в их творчестве. Пальмирские художники, создавая каменные статуи, предпочитали позу размышления. Мастерство древних скульпторов вызывает восхищение. Каждый из портретов несет печать ярко выраженной индивидуальности. Таков бюст Забды Ата: суровое выражение лица, длинный хищный нос, тяжелая складка, пересекающая крупный лоб. Перед нами незаурядный характер во всем своеобразии его черт, реалистический, а не идеализированный образ. Интересны скульптурные портреты семьи Шалам Аллат. Женщинам этого семейства свойственна спокойная гордая красота. Бросаются в глаза многочисленные украшения, тщательно зафиксированные скульптором: красивые браслеты, серьги, элегантные ожерелья. Пальмирские мастера делали исключительно изящные женские украшения, и искусство это перешло к арабам.

Пальмирское искусство явилось переходным этапом от эллинистического идеала красоты, с его плавной округлостью форм, изяществом человеческой фигуры и мягкостью моделировки, к некоторой упрощенности и обобщающей идеализации византийского искусства. Но этот «этап» сумел обогатить мировое искусство целым рядом находок и оказал благотворное влияние на последующие художественные поиски.

Об одной надгробной скульптурной группе хочется сказать особо. Она была найдена в Долине мертвых, но волею судеб попала в Национальный музей Ливана в Бейруте, где мы ее и увидели позже. Как известно, Пальмира неоднократно подвергалась нападениям извне. Народ здесь жил свободолюбивый и гордый. Скульптурная группа изображала одну из больших семей города, которая предпочла благородную смерть унижительному плену. Все семейство, включая детей, приняло яд. Кульминационный момент этой трагедии и запечатлен художником. Полулежащий на ложе мужчина подносит к губам чашу с ядом. Выражение его лица гордое и спокойное. Обнаженная рука держит чашу, остальное тело мягко задрапировано складками ткани. Ничто не передает внутреннего напряжения, трагизма. Это поза благородного героя, принимающего смерть с подобающим

мужеством. Рядом надгробие его жены и маленьких детей. Полулежащая на ложе женщина, удостоверившаяся в смерти детей, готова отпить из страшной чаши. Ее лицо, пожалуй, бесстрастно. Оно олицетворяет тот идеал красоты, какой был свойствен пальмирскому искусству. Это расиновская Федра, способная во имя высших требований держать в узде свои чувства.

Искусство Пальмиры синтезировало и лучшее из искусства древнего Востока. Пальмира — это блестящий взлет восточного искусства, архитектуры, живописи, который никогда уже не повторился.

Помимо скульптурных групп-надгробий в Пальмире встречаются различные виды стел, стоящих над индивидуальными могилами. Как правило, на камне изображены могучие пальмы — символ бессмертия или победы над силами зла. Иногда — покрывала, образ отделения жизни от смерти.

Экспозиция Зала народных традиций рассказывает о жизни и быте кочевников, традициях Сирийской пустыни, о наиболее распространенных ремеслах оазиса. Здесь воспроизведено современное пальмирское жилище — с двором, гостиной, женской и мужской половинами, кладовой, кухней. Представлены предметы обычного, каждодневного обихода: ковры, тарелки, обеденные столы из пальмовых листьев; предметы крестьянского обихода: пресс для выжимания масла, кувшины и прочее. Здесь же и чучело арабской лошади с всадником, и верблюды в традиционной сбруе, и бедуинский шатер из козьей шерсти. Шатер также состоит из нескольких помещений: комнаты для гостей — рабаа, женской половины и кухни. Туристы с большим интересом рассматривают женские и мужские бедуинские платья, расшитые цветной шерстью, платки, украшения.

Пальмира остается крупнейшим туристическим центром Сирии, куда съезжаются люди из разных стран мира.

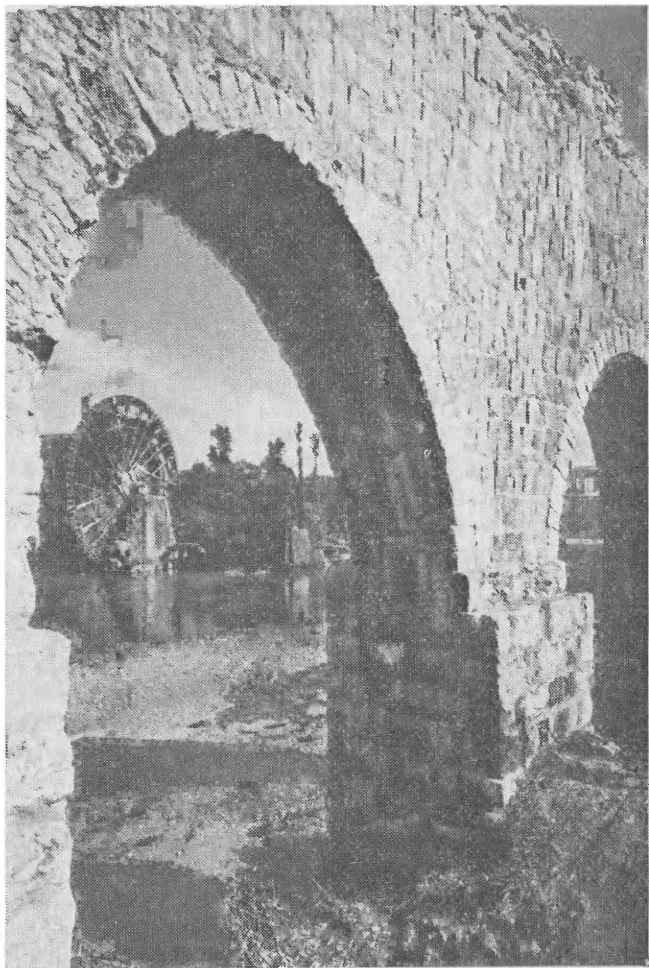
Современный провинциальный городок Пальмира с глинобитными домами на узких улицах (где время от времени мелькнет женская фигура, затянутая с ног до головы в черное), с пылью, с маленькими лавками, где продаются домотканые бедуинские ковры, сумки, шитые золотом национальные платки (все, естественно, рассчитано на туристов), — этот город представляет собой по-

разительный контраст с величием бессмертной и прекрасной Пальмиры прошлого. Город, как и когда-то, окружен пальмовыми и оливковыми садами, плантациями хлопка. Население сейчас занято в торговле, сельском хозяйстве и в работе ныне государственной нефтяной компании. Для кочевников пустыни Пальмира — важный центр, где они могут обменять продукты животноводства на товары, необходимые в быту. Сейчас город понемногу изменяется. Асфальтируются улицы, начали строиться современные дома, школы, растет новое поколение. Проводятся в жизнь принципы, изложенные в Конституции страны: «Целью системы образования и культуры является воспитание социалистического национального арабского поколения, обладающего научным мышлением, связанного со своей историей и землей, гордого своим наследием, проникнутого духом борьбы за осуществление целей арабской нации».

Прошлое — это зеркало, которое отражает дух народа, его чувства, мысли, традиции. Все то, что мы видели в Пальмире, составляет звено в цепи мирового культурного наследства.

ХАМА — ГОРОД ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

Дверь одноэтажного стандартного домика туристического бюро со скрипом отворилась, и я тихо вошла внутрь. Двое мужчин, сидящих на скамье, мгновенно прекратили игру в нарды и уставились на меня немигающими изумленными глазами. Затем один из них гневно швырнул на доску игральные кости. Из внутренней комнаты поспешно выскочил средних лет человек в мятой рубашке и сандалиях на босу ногу. На его лице отразилось удивление, затем — явное разочарование. Бросив равнодушный взгляд, он удалился. Я внутренне съежилась и готова была исчезнуть, испариться, только бы не стоять на этом каменном полу и не ощущать демонстративного равнодушия, к которому трудно привыкнуть. Что делать? Мы прибыли в Хаму, где очень сильны мусульманские традиции, где женщина, традиционно закутанная в черное, поспешно переходит дорогу с опущенной головой, торопясь домой, в круг веками определенных обязанностей.

Римский акведук в окрестностях Хамы

В комнате туристического бюро жужжали мухи. На маленьком столике покоилась тоненькая стопка проспектов. Туристы здесь появлялись явно редко, дверь открывалась не часто, а тем более пропуская женщину. За порогом стояла дневная жара. Город, который казался низким из-за одноэтажных и двухэтажных домиков, шу-

мел автомобильными сиренами, криками разносчиков чая и звоном их металлических кружек, грохотом мотоциклов без глушителей, ударами молотов в открытых мастерских. Но этот ообычный на первый взгляд провинциальный город имел необычную историю.

Несколько лет назад здесь были предприняты первые раскопки, в результате которых из-под слоя земли появилась древняя крепость Хамы. Она стояла когда-то на высоком холме. При дальнейших раскопках было обнаружено 12 культурных слоев, самый ранний из которых относится ко 11 тысячелетию до н. э. Однако первые поселения возникли здесь еще в неолитическую эпоху.

Древняя крепость имела монументальный вход с мощными воротами, украшенными изображениями двух громадных львов. Шаг за шагом археологи открывали жилые помещения, склады, конюшни. Заговорила история древнего города, который во 11 тысячелетии до н. э. пережил свой расцвет, оборвавшийся с нашествием гиксосов, опустошивших Азию, прежде чем двинуться в Египет. В дальнейшем Хама завоевывалась Митанией — королевством Верхней Месопотамии, ею владели «народы моря», арамейцы, Тутмос III (XV век до н. э.). Позже город стал столицей сиро-хеттского королевства. Мощная крепость не спасла его от атак ассирийского царя Саргона. Разрушенный тогда город был восстановлен Селевкидами, а в 64 году без боя сдался римлянам. Далее следовало византийское господство, а в 650 году город захватили арабы. Появившиеся на земле Сирии в XI веке крестоносцы не смогли уничтожить укрепления крепости Хамы. Новый расцвет города относится к периоду пребывания у власти Айюбидов (XII—XIV века). С 1516 по 1916 год Хама входит в состав Османской империи. Во времена французского мандата жители Хамы оказывали сопротивление оккупационному режиму. Жизнь города тесно связана с жизнью всей страны.

Хама похожа на многие провинциальные города. Те же многочисленные лавки, рынок, пыльные улицы, кофейни. Но Хама неповторима благодаря своим архитектурным памятникам, в которых причудливо переплетаются черты разных эпох. Особое место занимает мечеть Джамия эль-Кебир. Как это часто бывает в Сирии, мечеть стоит на месте языческого храма, перестроенного затем в христианскую церковь, от которой еще сохрани-

лась стена с нишами и богато декорированная плита, украшающая сейчас восточный фасад мечети. На южной стороне — греческие надписи. Мечеть имеет два минарета — тяжеловатый, квадратный южный, построенный при Айюбидах, и более поздний восьмиугольный на северной стороне, который возник при мамлюках. В глаза бросается характерная черта внешнего убранства мечети — чередование черного базальта и белого мрамора. Тих и пустынен двор мечети, окруженный стеной с аркадами. В центре — сооружение с куполообразной крышей, заросшей мхом. Это знаменитая кубба, где хранились казна и драгоценности. Она стоит на коринфских колоннах явно более ранней постройки, но для мечетей Сирии такая эклектика архитектурных стилей очень характерна. Минбар мечети, датируемый XIII веком, сделан из дерева двух цветов, украшен тонкой резьбой. Недалеко от мечети стоит надгробие аль-Музаффара, султана из династии Айюбидов, правившего в Хаме с 1284 по 1298 год. На саркофаге — стихи из Корана, оправленные в рамку резного дерева.

Особая гордость жителей Хамы — знаменитый дворец Азема, построенный на 15 лет ранее одноименного дворца в Дамаске, — «бесценный алмаз в короне исламской архитектуры». Дворец построен в центре города. Место для него выбрано идеальное — над водами Эль-Аси (Оронта). Из окон открывается вид на мечети, султанские бани, зеленый парк. Внутренние обширные комнаты богато украшены деревянными резными панелями, мозаикой из разноцветных пород дерева. Сколько мастеров трудилось над отделкой каждой детали! К сожалению, многие секреты создания цветowych гамм, кружевной резьбы по дереву исчезли. В комнатах дворца прохладно даже в самую сильную жару. Специальное вентиляционное устройство в стенах охлаждает воздух, проникающий с террасы. Центром дворца является большой зал, так называемый золотой, очень оригинальный по своему интерьеру. Под легким куполом — бассейн с фонтаном. С потолка свисает уникальная деревянная люстра. Сталактитообразные украшения из дерева чередуются с плитками черно-белого мрамора. Пропорции нигде не нарушены, все удивительно гармонично.

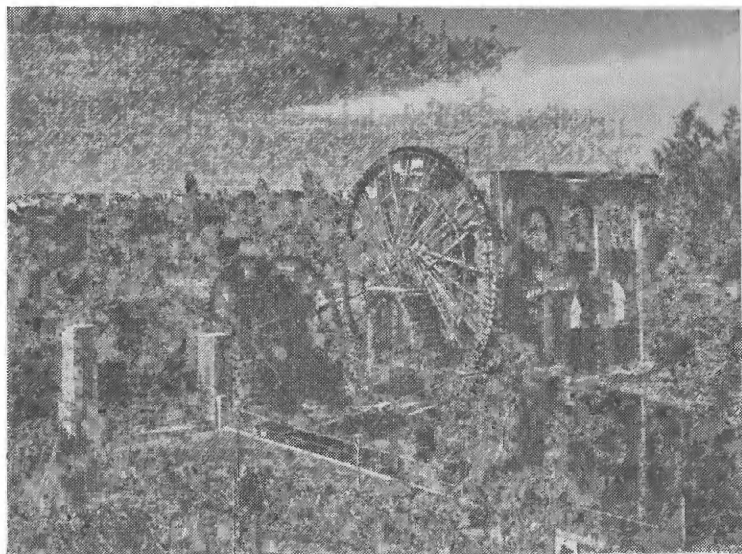
Дворец был разделен на женскую и мужскую половины. В процессе многолетних перестроек появились до-

полнительные комнаты, баня. От красиво оформленного, украшенного белым и черным мрамором входа внутрь женской половины ведет змеевидный коридор, по обе стороны которого — четыре двери. Коридор завершается двориком с магнолией и цитрусовыми деревьями, окружающими восьмиугольный бассейн. Каждая грань этого традиционного сооружения покрыта тонким кружевом каменной резьбы. Вода в бассейн подается прямо из реки. К дворику примыкают комнаты для слуг.

Женская половина дворца имеет два этажа. В зале первого этажа красивый резной каменный потолок. Мастера использовали здесь и яркую декоративную живопись, и камни разных цветов, и редкие породы дерева. На второй этаж ведет каменная лестница. Здесь также есть дворик и зал. Солнечный свет, проникающий сквозь узкие высокие окна, падает на стены, пол, заставляя краски играть всеми цветами радуги. Верхняя часть окон украшена резными каменными решетками.

Мужская половина также двухэтажная. На нижнем этаже две комнаты со сводчатыми потолками, мраморные полы с геометрическим рисунком и, конечно, бассейн. Из внутреннего дворика ведут две лестницы наверх, в жилые комнаты, расположенные над главным входом, и в комнаты для гостей. Стены эффектно украшены резными деревянными панелями. Ко дворцу примыкает баня. Она состоит из трех помещений под куполообразными крышами. В первом из них — бассейн, куда ведут три ступени.

Интересна фигура Асад-паши аль-Азема, по приказу которого в 1740 году был выстроен дворец. Отец правителя Хамы принадлежал к известнейшей в Сирии семье и был губернатором Дамаска. По обвинению в финансовых махинациях отец и сын были сосланы на Кипр. По возвращении Асад-паша получил в управление провинцию Хаму. В городе началось бурное строительство. Строились караван-сарай, дома, бани. По характеру Асад-паша был человек неуживчивый, властолюбивый, он постоянно находился в оппозиции к турецким властям. Одно время он был губернатором в Халебе, затем несколько лет жил в Египте, опять был сослан на Кипр, возвращен и, наконец, при загадочных обстоятельствах был убит в бане Анкары в 1757 году. Полагают, что причиной гибели Асада была его неумеряемая страсть к богат-

Хама. Водяные колеса

ству и власти. Через несколько дней после убийства дворец Азема был конфискован вместе с его сказочными богатствами и стал собственностью султана. История Азема — отражение страшной атмосферы козней, убийств, преступлений всякого рода, характерной для жизни верхушки Османской империи. Исчез в веках мир Азема, но остался в веках его дворец — прекрасный образец мусульманского искусства. В 1956 году по решению правительства здание было превращено в народный музей.

Неповторимое своеобразие Хамы создают ее водоподъемные колеса — нории. Скрипят огромные деревянные колеса, подгоняемые быстрой водой Эль-Аси. Ковши, прикрепленные к массивному ободу, черпают воду и, поднявшись, опрокидываются над каменным древним лотком. Оттуда потоки воды разбегаются по старинным акведукам на поля и сады. Нории на реке Эль-Аси вблизи Хамы существуют более 800 лет и воплощают извечное стремление народа остановить наступление пустыни. О том же свидетельствуют и остатки древнеримских плотин: под лучами утреннего солнца сверкают каскады во-

дяных брызг, около воды прыгают мальчишки. Пышная зелень берегов заставляет забыть, что совсем недалеко отсюда тоскливая пустыня. Скрипят колеса, и кажется, что сама история ведет свой неторопливый рассказ.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ХОМС

Каждый сирийский город имеет свое лицо. Хомс — это типично индустриальный центр. Гордостью страны является нефтеперегонный завод, построенный в 1954 году чехословацкими специалистами. Позже он подвергся реконструкции, ибо нефтедобывающая промышленность Сирии идет вперед семимильными шагами. Мощность завода была увеличена с 1 до 2,7 миллиона тонн продукции в год. В ходе «октябрьской войны» 1973 года израильская авиация превратила завод в огромный горящий факел, который был виден за много километров. Хорошо помню грустное зрелище разбитого завода: искореженные железобетонные конструкции, сгоревшие баки, выбитые стекла молчаливых корпусов. Даже земля была страшной, черной; казалось, иной она уже не будет. Но и тогда во дворе завода шла работа: подъезжали грузовики, разбирался металлолом. Больше трех месяцев Хомс был полностью лишен электроэнергии. Но горячее стремление восстановить завод одержало верх. И завод был восстановлен в рекордно короткий срок с помощью Чехословакии. Благодаря интенсивному труду сирийских рабочих и помощи зарубежных друзей завод был пущен на полную мощность, что дало толчок перспективному развитию других связанных с нефтью производств.

Огромную помощь сирийскому сельскому хозяйству оказывает хомский завод азотных удобрений. Здесь есть также несколько заводов по производству спирта, дрожжей (продукция идет как для местного употребления, так и на экспорт).

Сейчас Сирия напоминает большую стройку, в которую активно включился и Хомс. Стране необходимы стройматериалы, и большую помощь ей оказывает цементный завод Хомса, а также завод металлопроката, выпускающий арматурное железо, стальные листы, проволоку.

Хомс. Мечеть Халеда ибн Вахида

Даже пейзаж города своеобразен. Небо над Хомсом пронзают не только тонкие стрелы минаретов, но и заводские трубы, увенчанные клубами дыма. Железнодорожные пути пересекаются с автомобильными магистралями. Склады, мастерские, гул автобусов и автомобилей — таков современный Хомс. И только оживленные, живописные базары в центре города напоминают о другой Сирии. Многочисленные тележки, покупатели (в основном жители сельской местности), призывные крики, торг.

Город Хомс немыслим без своего древнего озера. Оно было создано в результате перекрытия Оронта еще египтянами. За много веков своего существования плотина неоднократно перестраивалась. Весной озеро собирает огромный запас воды, которая используется в период засухи. Последние работы позволили увеличить объем озера и дать возможность орошать земли в районе Хамы и Хомса. На небольшом острове в центре озера поднимается древняя крепость — символ безвозвратно ушедших эпох.

Дамаск особенно хорош весной. В белой и розовой пелене цветения утопают сады оазиса. Легкий ветерок несет тончайшие ароматы трав и цветов. Арабы говорят, что, когда пророк Мухаммед создавал картины рая, он брал за образец Гуту. В центре этого огромного цветущего сада у подножия горы Касьюн лежит самая древняя столица мира. Город хранит в своих недрах много неразгаданных тайн. В далекие времена его называли «прекрасным и священным светом Востока». Он сыграл исключительную роль в формировании многих цивилизаций. «Дамаск глядел на обломки сотни империй... старый Дамаск должен по праву называться вечным городом»,— писал Марк Твен.

В древней истории Ближнего Востока этот город — важная страница. Он упоминается в египетских текстах XVIII династии фараонов, на ассирийских табличках, в Библии (Книга бытия, 14, 15). Но по-настоящему город вошел в историю в эпоху Соломона (940 год до н. э.). В этот период он становится столицей арамейского государства. От той далекой эпохи остался лишь один материальный памятник — базальтовая плита с барельефом. Ее обнаружили при реставрации Мечети Омейядов. Плита стояла в основании стены северной части города. Барельеф изображает сфинкса с козлиной бородкой, сложенными крыльями и двойной короной на голове. Между когтистыми лапами свисает маленький фартук. Судя по характеру исполнения, работа принадлежит финикийским мастерам (IX век до н. э.).

Попытки арамейцев создать крупное государство не удалась. В 732 году до н. э. Дамаск был захвачен ассирийцами, жители его угнаны в Урарту. Позже Дамаск был последовательно египетским, ассирийским, вавилонским владением. Наконец, в 333 году до н. э. город был взят войсками Александра Македонского, а затем стал одной из провинций государства Селевкидов. У границ его постоянно бродили арабские племена, мечтая превратить в свою столицу. Арабскому племени набатеев это удалось в 85 году до н. э., но ненадолго. Легионы Помпея заняли Дамаск, который затем вошел в состав римской провинции Сирии. В эту эпоху Дамаск был про-

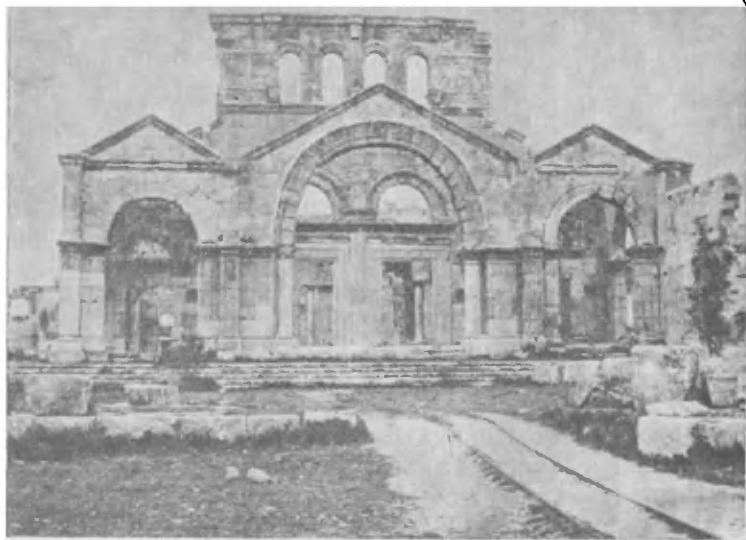
цветающим торговым центром. Храм бога Хаддада, стоявший в центре, был переделан в храм Юпитера.

При римлянах город обрел совершенную планировку. Монументальной аркой открывалась центральная прямая улица. Были выстроены дворец правителя, театр. Беломраморная колоннада связывала храм Юпитера с агорой. Улицы пересекались под прямым углом. Вокруг города выросли новые массивные стены. По акведукам бежала, снабжая город-сад, прохладная вода. До наших дней сохранились фрагменты фронтона храма, покоившегося на четырех коринфских колоннах двенадцатиметровой высоты. Фронтон украшали каменные гирлянды роз, лиственный орнамент.

Эпоха Византии принесла городу свое. Император Феодосий построил на месте языческого храма Юпитера базилику святого Иоанна Крестителя. Город становится центром епископата, второго по значению в Антиохийской патриархии.

В правление Константина и последующее за ним время (IV—VI века) в Сирии было выстроено огромное количество христианских зданий: знаменитый монастырь святого Симеона, церковь святой Елены в Халебе, базилика Кальб-Луз и многие другие. В Дамаске сохранилась церковь святого Анания, находящаяся между Баб-Шарки и Баб-Тум, в глубине переулка-тупика, около места, где, как гласит легенда, стоял дом Анания, вылечившего глаза святому Павлу. Построена она на месте древнего языческого храма. Церковь со временем вросла в землю. Стены ее и потолок вырублены в скале, потемнели от времени древние иконы. Интересна и церковь святого Павла, расположенная недалеко от городских ворот. Ее появление связано с историей превращения гонителя христиан Савла в апостола Павла. На улице Прямой находился дом, где жил, по преданию, слепой Савл, пока его не посетил по божьему внушению и не вылечил Ананий.

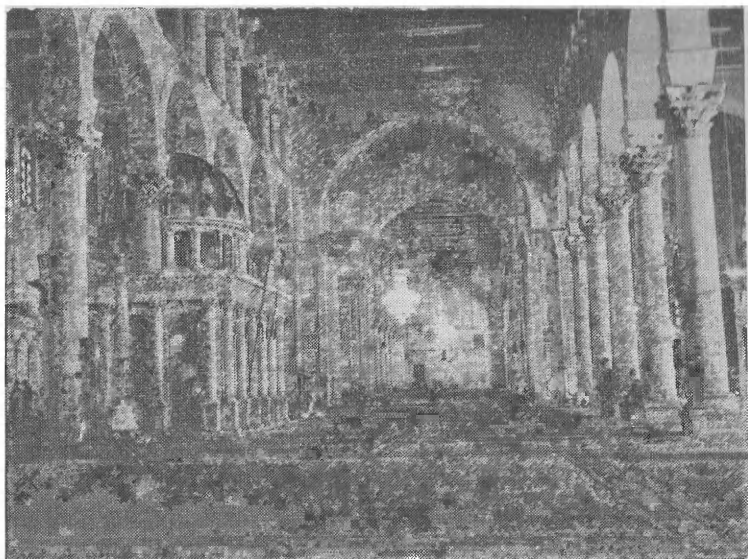
Одна из башен древней городской стены отлично отреставрирована. Четыре ступеньки ведут к двери, которую ловко открывает перед посетителями молодой араб. В прохладном вестибюле глухо и пусто. Внутренняя стена сохранила фрагмент древней кладки из грубо обработанных серых камней. Среди них скрывалось небольшое оконце, через которое ночью в корзине на ве

Базилика св. Симеона

ревке спустился Павел. Араб, открывший нам дверь, принял плату и мгновенно исчез, предоставляя дальше самостоятельно ориентироваться. Мы рассматривали современный барельеф, изображающий фрагменты бегства и спасения Павла. Для дальнейшего осмотра поднялись по узкой винтовой лестнице наверх, на плоскую площадку, с которой открывался вид на древнюю стену, прилегающие к ней старые постройки, бесконечную вереницу плоских крыш с кое-где развешанным бельем.

Внезапно появился модно одетый, элегантный гид с двумя туристами. Они заехали сюда на минутку, совершая поездку по городу. Слегка коснувшись истории Павла, гид продолжал: «Взгляните сюда! Перед вами панорама Дамаска. Справа современный, недавно застроенный район, который издавна носит название „еврейский“. Здесь действительно с незапамятных времен жили свреи-христиане. Сейчас этот район переживает новое рождение. Как видите, дома многоэтажные, со всеми удобствами. Так будет выглядеть новый Дамаск. Слева — остатки старых строений, голубятни — ничего

Интерьер мечети Омейядов в Дамаске

интересного». Гид был устремлен в будущее. Но вернемся к истории города, к той ее странице, на которой мы остановились. Следующая страница истории Дамаска принадлежит арабам.

Продвижение арабов в Сирию началось задолго до возникновения и распространения ислама. Арабские племена мигрировали, подвергаясь влиянию византийской цивилизации. Купцы с Аравийского полуострова прибывали в Дамаск со своими товарами, устанавливали дружеские отношения с местными жителями, восхищались садами, обилием воды, красотой города. Возвращаясь, уносили с собой прекрасный образ процветающего Дамаска. Поэты слагали в его честь лирические поэмы.

С утверждением ислама арабская волна хлынула на Византию и Персию. После битвы при Ярмуке в 636 году Дамаск капитулировал и превратился во владения халифов.

Велика была роль Дамаска в становлении нового исламского мира. Халифы династии Омейядов превратили его в столицу огромной империи, простиравшейся от

Индии до Пиренеев, в центр политической, религиозной и культурной жизни. К этому времени относится расцвет арабского искусства и арабского зодчества. Дамаск становится «прекрасным местом земли», «раем вселенной». Мозаика мечети Омейядов воссоздает облик процветающего города, окруженного садами. По мозаичному панно можно судить отчасти и об архитектуре города, о повсеместном влиянии сиро-египетской школы.

Искусство строительства находилось на службе у религии. Шедевром его явилась и знаменитая Омейядская мечеть — не только место поклонения Аллаху, но и центр общественной жизни, где вершилось правосудие и хранилась государственная казна. Она возникла на месте церкви святого Иоанна Крестителя, точнее, восточной части храма. Историк Дамаска отмечал: «Это был не только первый великий монумент на мусульманской земле, но и шедевр для всех стран во все времена».

Что же представлял собой город времен Омейядов? Он оставался в рамках древних каменных стен. Длина главной, так называемой Прямой, улицы, пересекавшей город от восточных до западных ворот, равнялась приблизительно двум километрам. Чуть меньше было расстояние от северных ворот до южных. На центральной площади рядом с мечетью Омейядов стоял их пышный дворец, бесследно исчезнувший в последующие времена. В конце XIX века город еще сохранял свой древний облик.

«Золотой век» государства кончился в 750 году, с переходом власти к Аббасидам, столицей которых стал Багдад. Дамаск был частично разрушен. Теперь это была лишь провинция халифата. Знаменитый Гарун ар-Рашид и его сын Мамун строят обсерваторию на вершине горы Касьюн и замок недалеко от деревни Дарайя.

В последующие три столетия город страдает от анархии и неурядиц. Он переходит под господство правивших в Египте Фатимидов. Кварталы города той поры, защищенные специальными стенами и воротами, тщательно запирались на ночь. Каждый квартал города, заселенный, как правило, людьми одного племени, имел свою мечеть, свою баню. Общим был рынок. Для Дамаска он так же характерен, как и многочисленные ханы — своеобразные гостиницы для купцов.

Попытка крестоносцев захватить город в 1148 году

закончилась неудачей. Атабек Нур-эд-Дин, объединяя мусульманскую Сирию против крестоносцев, уделил Дамаску особое внимание. Позже город перешел в руки Салах-ад-Дина, а затем в руки его наследников — представителей династии Айюбидов. В эту эпоху было построено большинство крупных сооружений Дамаска, многие из которых стоят и сейчас. Цитадель Дамаска современный вид приняла в XIII веке. Когда-то она была римской крепостью, затем переделана арабами. В отличие от цитадели Халеба и Хамы она построена на одном уровне с городом, представляя собой прямоугольник (150×220 м), имеет 12 башен, сообщавшихся между собой. От пышного дворца правителей Дамаска сохранилось лишь несколько комнат под сводами.

На месте двух древнеримских ворот Нур-эд-Дин построил так называемые Малые и Южные ворота. Над последними помещена плита с куфической надписью, извещающей, что атабек взимает плату с купцов, идущих в Ирак и возвращающихся обратно. Ворота и сейчас украшает полукруглая арка.

На юго-западе городской стены возвышается башня Нур-эд-Дина — типично мусульманское фортификационное сооружение. Блоки нижней части значительно крупнее тех, что лежат выше. Сохранившаяся с 1168 года башня несет следы многочисленных перестроек.

Современный христианский район Дамаска Баб-Тум широко известен своим госпиталем, магазинами, затененными зеленью чистыми улицами. Название его идет от названия ворот, построенных при Айюбидах на месте древнеримских в 1228 году. Монументальные ворота, привлекающие внимание туристов, являются образцом фортификационной мусульманской архитектуры. Они стоят почти в центре современного города, а когда-то несли защитную функцию. Сохранились остатки разрушенной зубчатой стены, примыкавшей к воротам.

Северные ворота — Баб-эс-Салами — народ назвал Воротами спасения: врагу особенно трудно было проникнуть в город через них, так как мешала многоводная Барада и многочисленные деревья.

К воротам Баб-Шарки примыкает район с узкими улочками, старыми домами из глины и камня с характерно нависающим вторым этажом. Из маленьких мастерских раздается стук молотков. Здесь живут знаме-

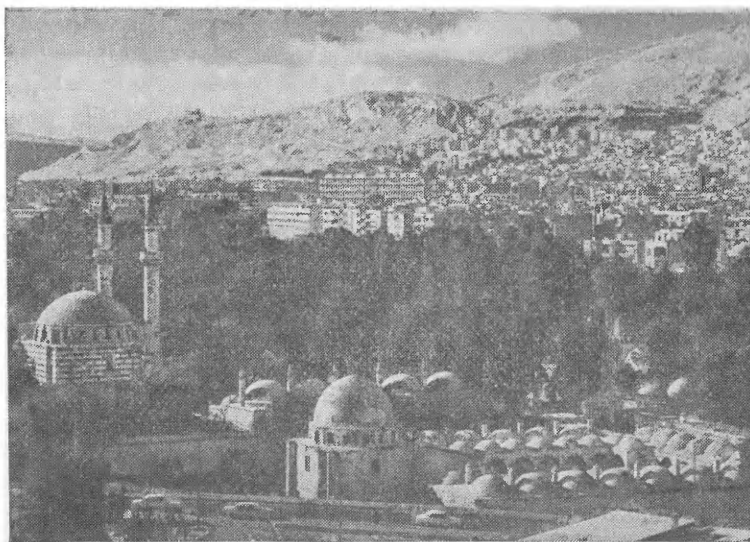
нитые дамасские ремесленники. Слава их изделий давно стала мировой. Шкатулки, инкрустированные перламутром, перемежаются огромными или совсем небольшими блюдами-подносами. Точеные кувшины с тонкими горлышками стоят рядом с кофейником и чашечками в желтых металлических подставках с восточным орнаментом. Случайно попавший сюда турист может увидеть шитые золотыми нитями халаты, знаменитую дамасскую парчу, остроносые кожаные шлепанцы с загнутыми носками. А рядом — потускневшие от времени древние монеты всех времен и народов. Здесь же черепки, осколки ваз, крошечные светильники далекой арамейской эпохи. И здесь же современные кинжалы, кальяны, серебряные пояса, наборы украшений для коня и многое другое. Все это лежит на полках, разбросано по прилавкам, свисает с потолков. Кажется, что вы попали в волшебную пещеру Али-Бабы.

Для эпохи Айюбидов характерны постоянные войны. Это было суровое время, определившее аскетический стиль жизни и искусства. Но эти годы характеризуются и возникновением многочисленных мусульманских школ — медресе. Как правило, это были здания кубической формы с приземистым куполом. Некоторые из них сохранились в старой части современного города.

Медресе Адилийя, построенное в 1222 году, состоит из зала учителей, зала молитв, зала погребенных. Косяк двери из базальта венчает известняковая декоративная плита. Здание считается шедевром кирпичной кладки в мусульманской религиозной архитектуре.

Медресе аль-Азизийя еще более старое — 1193 года. Оно скрывается среди старых узких улочек Дамаска севернее мечети Омейядов. Сохранилось оно лишь частично. В середине каждой из стен были когда-то двери. Остался зал захоронений под красивым ребристым куполом.

Неповторимый колорит создают многочисленные мечети Дамаска. В 1213 году Айюбиды построили первую свою мечеть — Джамии Музаффари, повторившую в плане мечеть Омейядов. Здесь также есть внутренний двор с бассейном в центре, окруженный портиками с древними коринфскими колоннами. Внутренний дворик — кусочек живой природы — необходимый фрагмент мечетей. В Коране сказано: «И пусть соединятся растения

Дамаск

и воды с созданием людским, как часть одной природы, воздвигнутой рукой Аллаха...» Над северным входом мечети поднимается квадратный минарет. Зал молитв разделен двумя рядами аркад, которые создают ощущение легкости, воздушности. Над каждой из семи дверей — деревянная резная решетка. На каменном михрабе (нише, обращенной в сторону Мекки) остался след орнамента, нарисованного когда-то масляной краской.

Мечеть Джами ат-Тауба построена в 1234 году, сгорела в 1299-м, затем вновь восстановлена. Когда-то на ее месте стоял караван-сарай, пользовавшийся дурной славой. Его ликвидировали и, снова используя план Омейядской мечети, построили Джами ат-Тауба. Просторный двор окружен портиками. Вдоль южной стены тянется зал молитв. Бросается в глаза бедность интерьера, голые стены, отсутствие украшений, что очень характерно для архитектуры айюбидского периода. Только михраб этой мечети почитается как один из наиболее совершенных михрабов Дамаска. Он резко выделяется на фоне тусклых стен тонкой резьбой по камню, ярким цветочным и геометрическим орнаментом. По бокам

украшен тонкими витыми колонками. Над самым михрабом раскинулась объемная арка, декорированная перелетением цветочных гирлянд. Под аркой — две квадратные резные пластины, между ними — медальон, выполненный с большим искусством.

После монгольского нашествия (XIII век) город перешел к мамлюкам. В 1300 году он опять был разграблен монголами, а в 1400 году Тамерлан разрушил его с таким ожесточением, что он оставался пустынным в течение полувека. Дамасских ремесленников увели в плен в далекий Самарканд. Исчезли знаменитые оружейники, а вместе с ними снискавшие немеркнущую славу дамасские клинки и сабли. Через сто лет турки, занявшие Дамаск, за сопротивление, оказанное им, также подвергли город разрушению. XVI—XVIII века — время турецкого ига, бесконечных поборов, подорвавших промышленность и производство знаменитых тканей и ковров. Но до открытия морского пути из Европы в Индию Дамаск все-таки оставался крупнейшим пунктом на караванном торговом пути от Средиземного моря до Индийского океана. Позже город начинает играть второстепенную роль. Караванный путь лег через Халеб. Только бесконечный поток паломников в Мекку не миновал Дамаска. После знойных пустынь Аравии городсад казался особенно привлекательным. Восхищенные уста произносили ставшие крылатыми слова: «Шамджаннат машам!» («Дамаск полон райских ароматов!»).

Одно из самых интересных и крупных сооружений Дамаска XVI века — текке Сулейманийе, мечеть, построенная турецким архитектором Синан-пашой по приказу султана Сулеймана Великолепного в 1554—1560 годах на месте мамлюкского дворца. Ансамбль включает в себя мечеть и монастырь дервишей с портиками и куполами. Архитектура ансамбля несет черты достижений как византийской, так и исламской культуры. Пройдя мост через Бараду и оставив за спиной шумную магистраль с потоком машин, район многочисленных гостиниц, набережную с крикливыми торговцами мелкими товарами, вы, наконец, попадаете в тихий обширный двор мечети с традиционным бассейном в центре. Верующие совершают омовение и идут в зал молитв с высоким купольным сводом, окруженным окнами. Тонкие стрелы двух легких минаретов взмывают в небо. Они имеют

форму многогранников, схваченных лесной ажурных балкончиков. Перед залом молитв — двойной портик.

Маленькие аркады имеют черно-белую перемежающуюся окраску и поддерживаются шестью гранитными колоннами в центре и опорами на каждой стороне фасада. Мечеть имеет три входа — северный, восточный и западный. Помещения дервишей увенчаны куполами. Правда, вместо дервишей теперь здесь размещается военный музей, где собрано разнообразное оружие всех времен и народов — от миниатюрного макета катапульты до дамасских клинков и английского танка, стоящего уже на открытом воздухе.

Мечеть занимает обширную площадь. Михраб мечети и минбар, безусловно, шедевры мусульманского искусства. В мечети поражает не только ее своеобразная архитектура, но и интерьер, в котором немаловажную роль играют изразцы. Замысловатый изящный орнамент дается на синем, голубом, красном и белом фоне. Геометрический узор перемежается с лиственным, а в центре — медальоны с тончайшим кружевным рисунком. Керамические плитки, яркие, нарядные, сохранившиеся в мечети Сулейманийе как образцы исчезающего искусства, украшали когда-то интерьер многих общественных и частных зданий Дамаска.

Шумит, бурлит Хамидийе. Толпы людей движутся по крытому рынку. Недостатка в свете не ощущается, он восполняется пестротой и многообразием красок, блеском металлической посуды, золотым шитьем, инкрустацией шкатулок, сверканием драгоценностей, матовой желтизной бронзовых изделий. Нет числа товарам, разложенным, развешанным, лежащим прямо на камнях мостовой. В толпе выделяются фигуры феллахов, мелькают защитного цвета рубахи солдат, накидки бедуинов. Устало бредут паломники в белых одеждах. Их отсутствующий взгляд едва скользит по толпе. Татуированные лица бедуинок полны живейшего любопытства. На смуглых руках — браслеты, кольца. Нередко увидишь здесь и ноздрю, проколотую тонкой закругленной золотой проволочкой. У сувениров толпятся европейцы, рассматривают плетеные коврики, циновки, деревянных верблюдов, медные кувшины с тонким изящным горлышком. Наше внимание привлекает медное блюдо. Это настоящее произведение искусства. В центре его круг с

изречением из Корана — инкрустация серебром. Круг обрамляет цветок с шестью лепестками — древний символ Венеры — звезды богини Иштар. На следующем круговом поясе — многократно повторяемый мотив бега животных. Фигуры животных расположены вокруг общего центра, чем подчеркнута стремительное и безостановочное их движение. И в то же время это символ бесконечной жизни. Третий пояс — дань исламскому искусству — вновь изречение из Корана. И, наконец, последнее — легкий геометрический орнамент, характерный для арабского искусства. Здесь сочетается строгость, упорядоченность композиции, геометризм с чувством формы и богатым смысловым содержанием, что характерно для мастеров современной Сирии.

Продавцы тканей бросают на прилавки горы, переливающиеся всеми цветами радуги. Блестят глаза женщин, руки ловко перебирают материю. Возможно, ничего не будет куплено, но сам процесс доставляет неизъяснимое удовольствие и той и другой стороне. И весь базар с многообразием лиц, одежд, вкусов вертится в вихре купли-продажи, как много веков назад.

Внезапно наступает относительная тишина! Мы поднимаем головы и смотрим на стройные мраморные колонны знаменитого храма Юпитера Дамасского. Храма давно нет, осталась колоннада, застывшая в молчаливом и гордом величии над мелкой людской суетой Хамидийе. На месте языческого храма вырос христианский — Иоанна Крестителя. Но и его судьба была предрешена, когда Дамаск стал столицей Арабского халифата. На месте христианского храма выросла мечеть Омейядов, считавшаяся на Востоке одним из чудес света. Прекрасная мечеть была олицетворением огромной империи, простиравшейся от Атлантического океана до Нила, от Каспия до Нильских порогов и объединявшей многочисленные народы и религии.

Кажется, будто время не властно над мечетью. Ее квадратный двор щедро залит утренним солнцем. Свежевымытые мраморные плиты холодят ступни ног. По мусульманской традиции, мы сняли обувь при входе, и служитель набросил нам на плечи черные накидки. Украшенная рельефами, старинная бронзовая дверь ведет в вестибюль западного входа. Высокие своды поражают яркой мозаикой. Наше внимание привлекло мо-

заичное панно — здания на берегу реки в тени густых деревьев. Таким запечатлен Дамаск времен Омсйядов.

Катит волны широкая полноводная Барада. В древности ее называли Золотой рекой за обильную влагу, которую несет она измученной земле. Семь горных ручьев слились и образовали бурную реку. Как и сейчас, она пересекала город, дробясь на сеть многочисленных каналов, и затем пропадала среди пышной зелени Гуты. Город рос, поднимался вверх, в гору. Уровень воды постепенно падал. Образ реки, воспроизведенный в мозаике мечети, очень интересен. На берегу — восемь гигантских деревьев. За ними дворцы, светские здания, полукруглое, весьма своеобразное по архитектуре здание омейядского ипподрома. Истинный образ города и в то же время прекрасный символ счастья, поразивший погонщика верблюдов Мухаммеда — будущего Пророка. Увидев впервые Дамаск, он сказал известные слова о том, что человеку дано войти только в один рай. Поэтому, полюбовавшись земным раем — Дамаском, он повернулся и пошел прочь, не вступив в него. На этом месте позже воздвигли башню. На протяжении веков туристов поражал этот город, поэты воспевали его в стихах. Знаменитый Марк Твен оставил следующие строки: «...Посреди пустыни расплескались зеленые волны листья, и в самом сердце ее, словно жемчужно-опаловый остров в изумрудном море, мерцает белый город. Смотришь с высоты на эту картину, смягченную расстоянием, осиянную солнцем, поражающую воображение резкими контрастами, и над всем царит дремотный покой, придавая городу волшебную одухотворенность, словно это прекрасный выходец из таинственного мира сновидений, а не самый обыкновенный житель нашей грубой и скучной планеты. И, вспоминая оставшиеся позади мили и мили гиблого, окаянного, бесплодного, скалистого, выжженного солнцем, уродливого, мрачного, мерзкого края, думаешь: какая красота, прекраснее нет уголка во всей вселенной!»

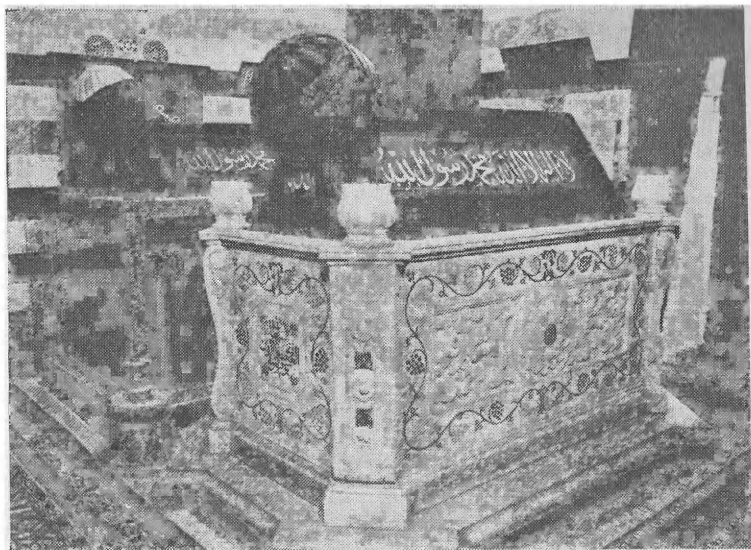
Но вернемся к современному Дамаску, к его сердцу — мечети Омейядов. Обширный двор ее ограничен сводчатой галереей с трех сторон. В четвертой — молельный зал. Мы минуем куполообразный павильон с тонкими колоннами, где когда-то хранилась казна. Направляясь в молельный зал, проходим мимо традиционного

фонтана и бассейна для омовений. Два ряда коринфских колонн, капители которых были когда-то позолочены, образуют три придела. Над центром зала — массивный купол. Михраб мечети отделан инкрустацией, резьбой. Это блестящий образец мусульманского прикладного искусства. Круглая лестница ведет на беломраморный амвон (возвышение перед алтарем). В восточной части зала для молитв находится мраморный павильон, в котором, по преданию, покоится голова Иоанна Крестителя. Гробница святого равно уважаема как христианами, так и мусульманами. Надгробие — шедевр восточного искусства, как и большой михраб у южной стены.

Поджав ноги и уставив взгляд в одну точку, сидит на ковре старик. Морщинистые руки машинально перебирают четки. Согнутый палец поглаживает самую крупную их бусину, напоминающую о том, что Аллах велик и един. Солнечные лучи, проникающие сквозь высокие окна, падают на резной камень, на инкрустированные детали интерьера, мраморные колонны и, наконец, теряются на поверхности многочисленных ковров. Мы выходим во двор мечети. Поднявшееся солнце слепит глаза. Но каменные стены еще хранят прохладу.

Говоря о мечети Омейядов, нельзя не упомянуть о трех ее минаретах. В юго-восточном углу от христианского храма сохранилась башня, так называемый Минарет Иисуса. Согласно легенде, накануне Страшного суда на этот минарет должен спуститься Христос для борьбы с антихристом. Юго-западный минарет, построенный, как и первый, на одной из башен бывшего храма Юпитера, возник в XV веке и хранит черты египетского стиля. И, наконец, в северной части — Минарет невесты, наиболее старый, созданный еще в омейядский период, за исключением верхней части, возникшей в недавнее время. Архитектурная эклектика, наслоения более поздних времен не испортили стройного и неповторимого ансамбля. Мечеть остается выдающимся памятником, шедевром арабского искусства и до сих пор является местом паломничества.

Через северную дверь, украшенную бронзовыми рельефами (XIV век), мы покидаем двор мечети. Идем вдоль византийской колоннады, минуем два древних медресе. Перед нами гробница Салах-ад-Дина — талантливого полководца и правителя, освободившего эту зем-

Гробница Салах-ад-Дина

лю от крестоносцев. Под рифленным куполом два надгробия — Салах-ад-Дина и его сподвижника. Из маленькой каменной пристройки появляется двенадцатилетний мальчик, черноглазый, кудрявый, и голосом ученика-отличника начинает рассказывать на английском языке краткую историю Салах-ад-Дина и его подвигов. Лицо его не выражает особых эмоций. Чувствуется, что повторяет он все это не один раз в день. Это его работа в дни каникул. Мы слушаем мальчика, рассматриваем надгробия, увенчанные атласными чалмами. На одной из сторон каменного надгробия — турецкая благодарственная надпись Салах-ад-Дину «за спасение Иерусалима от осквернения неверными». Надпись относится к XVII веку.

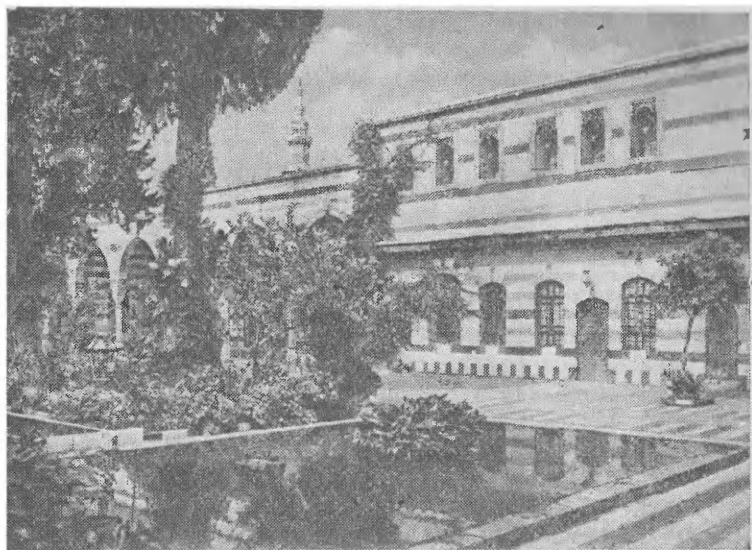
Фриз здания украшен стихами из Корана, выполненными в манере кувического письма, все его четыре стороны — резьбой по камню, повторяющей геометрические мотивы. Гробница в целом — образец декоративного искусства периода Айюбидов. Вид ее несколько изменился в конце XIX века.

Можно до бесконечности ходить по улочкам старого города, на каждом шагу делая необыкновенные открытия. Вот медресе Захирийя — мавзолеей египетского султана Бейбарса, одного из ярых врагов крестоносцев. Надпись гласит, что строительство его завершено в 1279 году. Над высокой дверью входа очень характерные для арабского декоративного искусства сталактитообразные каменные украшения. К ним добавлена изящная вязь — изречение из Корана. Стены похоронной комнаты отделаны прекрасной мозаикой из цветного мрамора. Мозаичный фриз на золотом основании с изображением деревьев, растений опоясывает комнату. Мавзолеей — еще один блестящий образец арабского искусства.

Почти каждый камень Дамаска несет на себе печать истории. Странно, что за этими древними стенами шумит вполне современный город. С рынка Хамидийе мы попадаем на другой — Сук аль-Харир. Здесь когда-то был знаменитый шелковый базар. А рядом купола старого хана Гумрок, где после долгих караванных переходов находили покой и отдых купцы и путешественники. К этому постоялому двору примыкают бани XVII века, сейчас частично разобранные и превращенные в помещения рынка.

Среди исторических памятников старого Дамаска особое место занимает дворец Азема, построенный в XVIII веке одним из правителей Дамаска. Дворец уникален тем, что дает образцы всех видов сирийского декоративного искусства. Осмотрев его, можно составить полное представление о расположении комнат и внутреннем убранстве знаменитых сирийских дворцов, их мужской и женской половин, о красоте высоких стен, украшенных инкрустированным деревом и мрамором. Можно послушать мелодичное журчание фонтанов в маленьком дворе и посидеть в тени лимонных и апельсиновых деревьев. Сейчас здесь создан музей народного творчества. Число посетителей растет из года в год.

Бесследно исчезают в веках многие памятники древней культуры. Но случайные находки наших дней зачастую ведут к интереснейшим открытиям. В печати часто мелькают заметки типа следующей: «В городе при рытье котлована под больницу обнаружена пещера, служившая когда-то погребальным склепом. На массивной каменной двери сохранились рисунки. Представи-

Дамаск. Дворец Азема

тель Управления исторических памятников и музеев Сирии заявил, что погребение относится к византийскому периоду. Сейчас на месте находки работают сирийские археологи». За скупыми строчками сообщения скрывается новая открытая страничка истории Сирии. Любовь к родине определяет интерес к ее прошлому, поэтому не прекращается поток экскурсантов в Национальный музей Дамаска.

Простая решетка отделяет двор музея от шумной магистралю. Но кажется, что вы сразу шагнули из века настоящего в век минувший. Огромный базальтовый лев хеттской эпохи (XI век до н. э.) устремил взгляд поверх вашей головы куда-то вперед, в грядущие столетия. Здесь и там в небольшом саду музея — фрагменты памятников архитектуры и скульптуры разных эпох. Рядом с римскими гробницами, украшенными тонкой резьбой, — греческие скульптуры. У здания музея — две огромные башни арабского замка.

Когда-то Аббасиды пытались уничтожить многое в Дамаске. Ничто не должно было напоминать о былом.

величии Омейядов. Почти исчезли памятники светской архитектуры. Одними из немногих оставшихся были арабские замки, разбросанные в Сирийской пустыне. Сохранился с тех далеких времен замок Каср аль-Хайр аль-Гарби. Его построил в песках недалеко от Пальмиры архитектор Хишам Бен Абдуль Малек. От древнеримской плотины проложили канал, по которому замок снабжался водой. Внутри грандиозного строения разместили караван-сарай, бани. Каср аль-Хайр аль-Гарби является образцом архитектурных строений пустыни омейядского периода. Он имел форму квадрата (70×71 м). Вход отмечен двумя полукруглыми башнями, между которыми — массивные ворота. Этот фрагмент строения был реставрирован и с большой осторожностью перевезен в Дамаск, в сад Национального музея. Сохранились лепные украшения, резьба по камню — переплетение пальмовых и акантовых листьев. Горячий воздух проникал внутрь через резные каменные решетки, постепенно охлаждаясь. (Кстати, эта деталь осталась навечно в арабской архитектуре.) Многочисленные комнаты дворца имели над дверьми непременно арку редкой красоты. Сохранившиеся украшения интерьера указывают на происхождение арабского искусства и дают представление об эволюции художественных форм в архитектуре Сирии VIII столетия. В основе замка — элементы сиро-персидской архитектуры. Над оформлением дворца трудились художники из Пальмиры: греки, персы, христиане и мусульмане. Все же, вместе взятое, обусловило своеобразие и неповторимость этого образчика восточной архитектуры.

В просторном вестибюле Национального музея тихо и прохладно. Город шумит за толстыми каменными стенами, а здесь вы один на один с памятниками прошедших веков, молчаливыми свидетелями былых взлетов культуры и искусства.

Один из залов музея отведен под мозаику византийской эпохи. На панно три аллегорические фигуры олицетворяют философию, правосудие и воспитание.

В следующем зале — перенесенная сюда реставрированная древняя синагога, относящаяся к 250 году. Само появление ее в Национальном музее говорит о внимании сирийцев к искусству и истории совершенно разных народов. В зал молитв вели когда-то два входа: централь-

ный — для мужчин и боковой — для женщин. От пола до потолка тянутся фрески, изображающие библейские сцены: сон Иакова, четыре бедствия, обрушившиеся на египетскую крепость, из которой бежали евреи. Моисей потрясает палкой, чтобы образовать проход в Красном море. На другой фреске тот же Моисей, опресняющий воду, чтобы напоить свой народ, и он же — протягивающий руку к горящему кусту в момент появления Яхве. Центральное место в синагоге занимает фреска, на которой изображен Иисус, пророчащий Израилю трагическую судьбу. Нижнее поле фресок представляет собой четыре сцены из жизни Моисея.

Музей гордится рядом скульптур из Пальмиры, датируемых II веком. К этому же периоду относятся и экспонируемые в одной из узких боковых галерей музея фрагменты античного саркофага с изображением мифической сцены встречи Эроса и Психеи. Взгляд задерживается на изящных мраморных статуэтках римской эпохи. Римские памятники находятся во второй галерее. В свете электрических ламп переливается тонкое стекло; сохранили свой яркий цвет и форму многочисленные изделия из фаянса, керамики, хотя срок их существования исчисляется сотнями лет. Почетное место занимают две бронзовые каски легионеров, найденные при раскопках римского Некрополя.

Целые залы музея занимают археологические находки отдельных областей Сирии, в частности Суэйды.

Любого нумизмата приведет в восторг коллекция монет Национального музея Дамаска.

В зале под названием «Рас-Шамра» выставлены находки, сделанные на территории древнего Угарита. Здесь посетители останавливаются перед изображением на слоновой кости великой богини Угарита или перед изображением угаритского царя, выкалывающего мечом глаза пленному противнику.

В полутемной галерее ярко светится небольшая витрина в тонкой сетке охраняющих проволочек. Крошечный серый брусочек с буквами — бесценный экспонат — один из первых человеческих алфавитов.

Зал Мари отражает состояние культуры и искусства древнейшего периода (III тысячелетие до н. э.). Внимание привлекает мозаичное панно, не утратившее красок и через 5 тысяч лет. Глиняная статуэтка изображает

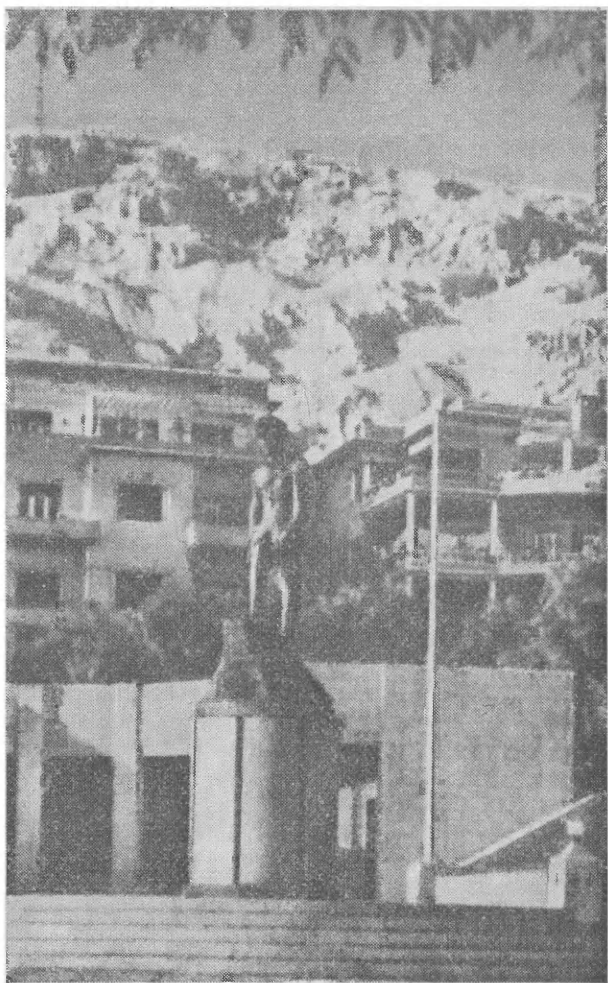
знаменитую певицу. До нас дошло даже ее имя — Ур Нина. А рядом статуэтка человека в набедренной повязке из шерсти, сцепившего руки у груди в религиозном экстазе. Это Итур-Шамаган, один из царей Мари. Посетители с интересом рассматривают древнюю посуду — блюда, горшки, узкогорлые кувшины.

Зал города Ракки посвящен искусству и культуре мусульманского периода. Представлены изделия из фаянса, бронзы, стекла, серебряные и золотые монеты, казалось бы, разные предметы, но в совокупности передающие облик неповторимых ушедших эпох.

Но вернемся в век нынешний и попробуем взглядом охватить столицу древнего государства.

С горы Касьюн открывается вид на весь Дамаск. В центре серая масса тесно сгрудившихся домов, высокие стрелы минаретов и башен. Ближе к окраине — улицы, утопающие в зелени. Когда-то здесь были великолепные сады, и в названиях проспектов еще осталось упоминание о них. Например, Абу-Руммани (Отец гранатов) — одна из красивейших улиц города. Ее особняки прячутся среди деревьев, и каждый совершенно не похож на другой. Их украшают чугунные решетки, волнообразные ленты балконов, живописные крошечные дворики с яркими пятнами ухоженных клумб. Сравнительно недавно здесь появилась белоснежная мечеть в типично арабском стиле. Остальные здания Абу-Руммани выдержаны в духе современных архитектурных течений Запада. В центре проспекта — стройные пальмы, сверкающие каскады недавно сооруженных фонтанов. В модернизированную архитектуру сегодняшнего Дамаска влетает древнее национальное искусство. Кружево из камня украшает балконы. Эти своеобразные решетки прочны, красивы, практичны, они пропускают ветерок, но задерживают солнечные лучи. Очень распространена инкрустация по камню (тем более что дерево стоит сейчас дорого: в период османского господства леса были вырублены).

Почти каждая улица или район Дамаска (даже новые) несут следы истории. Такова улица Малики, застроенная многоэтажными современными домами и выходящая на площадь, где стоит памятник борцу за национальную независимость Сирии полковнику Малики. Аднан Малики был помощником начальника генераль-

Памятник Малики

ного штаба сирийской армии. Честный и смелый человек, сторонник независимости Сирии, противник агрессивных блоков, он пал от руки наемного убийцы. Его смерть вызвала по всей стране бурные демонстрации.

Многоэтажные дома, многочисленные улицы карабкаются по рыжему склону горы Касьюн. И у этого

Площадь Мердже

района Дамаска есть своя история. После подавления восстания Шамиля его сторонники бежали из России, а османские власти разрешили им селиться только на окраине империи. Изгнанники раскинули свой лагерь недалеко от Дамаска. Здесь и выросла курдско-черкесская деревня. Каменистые склоны горы Касыон были малопригодны для разведения садов. Сухая, потрескавшаяся земля требовала воды. Люди бедствовали. Поселение носило горькое название «Мухаджирин», что значило «эмигранты». Название так и осталось, а деревня давно срослась с Дамаском, и на месте бедных строений стоят многоэтажные светлые дома.

Архитектура Дамаска представляет собой своеобразный синтез новейших международных веяний с элементами восточного декора (портики, галереи, балконы). Своеобразны здания старой части города. Они отличаются массивными стенами, огромными порталами. В 30-х годах в строительстве начали применять железобетонные конструкции. Так построен отель «Орьян-Палас», обращенный широкими верандами к горам. Комнаты отеля связаны с внешним миром остекленной дверью с ажурным барьером, что очень практично в жарком климате. Открытые веранды спускаются каскадом. Их железные решетки просты по рисунку, как и плита венчающего карниза, задерживающего отвесные лучи летнего солнца. Основные проблемы архитектуры жаркого климата здесь удачно решены. «Орьян-Палас» является образцом современной архитектуры, сочетающей местные и европейские традиции и достижения. Автор интересного проекта — Антуан Табет, лауреат Ленинской премии за укрепление мира между народами.

Недалеко от «Орьян-Паласа» — площадь Мердже с колонной в центре в честь проведения телеграфа. Когда-то площадь была просторной и широкой. В самом названии ее слышен отголосок прошлого (мердже — луг). Сейчас она стиснута стандартными коробками новых гостиниц. Дамаск — город туристов, число которых растет. В 60-х годах появились также здания военного министерства, центрального банка; орнаментальные решетки украсили Дамасский университет. На улице 29 Мая выросло строгое пятиэтажное здание, облицованное по фасаду вертикальными полосами красной плитки, просторное и светлое. Здание привлекает внимание

не только интересным архитектурным решением (автор его — Бассам Мурад). Оно является новым советским Культурным центром, имеет прекрасную библиотеку, самый большой в стране кино-концертный зал, аудитории для занятий. Открытие центра — новый и важный этап в истории советско-сирийских культурных связей.

Выступая на открытии советского Культурного центра, министр культуры САР В. аль-Кайями сказал, что Сирия приветствует возобновление его работы (первое здание центра было разрушено во время бомбардировки в дни «октябрьской войны» 1973 года). Открытие советского Культурного центра в Дамаске позволило сирийцам ближе познакомиться с достижениями первой страны социализма, с жизнью и бытом советских людей, социалистической культурой, несущей идеи гуманизма, справедливости, мира и дружбы между народами.

Утренний Дамаск кажется обновленным, отдохнувшим и свежим, очищенный от выхлопных газов и дневной пыли. В сером полумраке видны очертания многоэтажных домов, ленты непривычно тихих улиц. Появляются первые пешеходы — рабочие, покупатели спешат на базар. Резко дребезжат моторизованные тележки: повезли овощи. Уличные продавцы раскладывают на своих тележках мешочки с арахисом и фисташками. В утренней тишине еще не совсем проснувшегося города слышен резкий сигнал огромного междугородного автобуса, отправляющегося в первый рейс. Но уже через полчаса Дамаск брошен в многоголосый шум, грохот, сутолоку обычного дня.

Первые впечатления, как правило, наиболее яркие и сильные. Мы прибыли в Дамаск вечером. Остановились в центре города, в отеле «Семирамис». Утром следующего дня проснулись от ослиных воплей и скрежета тормозов, криков уличных торговцев и тягучих мелодий, извлекаемых из многочисленных транзисторов. Грохот, скрежет, крики, сирены — все ошеломляло. Таким и было наше первое впечатление от Дамаска. За последнее время многое изменилось. Ослы и деревянные повозки уже не появляются в центре города. Несколько упорядочено движение. Но остается неизменной своеобразная утренняя симфония большого восточного города. Здесь не любят полутонов. Все должно быть броским, ярким. Если музыка, то громкая, чтобы и сосед слышал, если

ругань, то неистовая, но быстро затухающая. Одежда должна радовать глаз пестротой самых разнообразных ярчайших красок.

Дамаск относится к немногим городам мира, где не запрещаются автомобильные сигналы. Уличные правила строго не соблюдаются. Задача полицейского — ликвидировать часто возникающие «пробки» на перекрестках и пешеходных дорожках. Если он и свистит, то не затем, чтобы задержать ту или иную машину, нарушившую правила движения, а затем, чтобы она скрылась с глаз долой и не мешала общему движению. Катастрофы и столкновения часты. При этом страж порядка не спешит на место происшествия, давая возможность водителям самим выяснить отношения. Когда компромиссное решение найдено, полицейский осторожно начинает выяснять личность водителя. Тут надо проявить такт. Нарушитель может оказаться человеком уважаемым, а лишиться места никому, естественно, не хочется.

Поток машин кажется нескончаемым. Автобусы, как правило, ярко раскрашены, украшены и разрисованы: тут и нарисованный глаз, проткнутый стрелой, и бумажные розочки на стекле водителя, и огромное число разноцветных фонариков, и фотографии красоток, и разноцветные лампочки, окаймляющие радиатор и козырек машины. Юркие такси быстро снуют среди огромных грузовиков: время — деньги. Из кабины впереди идущей машины появляется рука и начинается безмолвный, очень характерный разговор жестов. Пальцы собраны в горсть и кисть слегка покачивается: «Подожди чуть-чуть! Впереди затор!» Поднятая вверх рука: «Осторожно! Опасность!» И, наконец, приветливое приглашение: «Проезжай, милый, я тебя пропускаю». От этого разговора становится теплее на сердце. Вы прижимаете руки к груди, выражая благодарность неизвестному другу, и спешите вперед. По натуре сирийцы — народ добрый и благожелательный. Если что-то случилось у вас в дороге, то идущая сзади машина непременно остановится. С вашей машиной будут возиться и постараются помочь. Наконец, все в порядке. Вы разъезжаетесь в разных направлениях, люди, не знающие языка друг друга, но объединенные человеческой солидарностью. «Если сделал добро — скрой, если тебе сделали добро — расскажи», — гласит мудрая арабская пословица.

И это воспитывается в детях с самого раннего возраста. В ритм большого города вплетается и нечто необычное. В бурном потоке машин часто встречаются белые «джипы» с броскими черными буквами «U.N.» Мелькают голубые береты войск ООН. На окнах домов еще не сняты крестообразные наклейки. Вечен черный траур матерей. Солдаты под ружьем — обычное явление. Все это напоминает о том, что враг рядом, что страна находится на военном положении (с 1967 года). Выступая на чрезвычайной сессии Народного совета САР, Генеральный секретарь ЦК Сирийской коммунистической партии Халед Багдаш четко выразил точку зрения народа: «Прогрессивные и патриотические силы в Сирии, как в любой другой арабской стране, не являются любителями войны ради войны, не против прекращения состояния войн и установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке в результате освобождения Израилем всех оккупированных арабских территорий и обеспечения законных национальных прав арабского народа Палестины».

Дамаск богат не только следами и находками тысячелетий. Это столица молодой страны, открытой современным культурным, экономическим и социальным устремлениям, страны, идущей по пути мира и прогресса.

Характерная черта современного Дамаска — бурное жилищное и промышленное строительство. В районе, примыкающем к рынку, стоит густое облако пыли. Под ударами падают и рассыпаются саманные постройки. На глазах исчезает старый Дамаск с кривыми улочками, где едва могут разойтись два человека. Исчезают двухэтажные домики с характерным, нависающим, вторым этажом, старенькие минареты, окольцованные деревянными балкончиками. Здесь прокладывается новая магистраль. Пригороды застраиваются многоэтажными домами, которые растут удивительно быстро. Но тем не менее вы нигде не увидите ни башенных кранов, ни автопогрузчиков и прочей техники, которая ассоциируется в вашем сознании с крупной стройкой. Строительство — одно из наименее механизированных производств. Босоногие рабочие в штанах, закатанных до колен, быстро схватывают корзины с раствором и несут их наверх, другие ловко кладут кирпичи. В связи с развер-

нутым строительством в стране возникла проблема обеспечения стройматериалами. Создан перспективный план развития промышленности стройматериалов. В ближайшем будущем появится завод оконного стекла в Дамаске, завод по производству сантехнического оборудования, фабрика алюминиевого проката и прочее. Введение в строй этих предприятий позволит значительно сократить закупки дорогостоящих материалов за рубежом и еще больше укрепить развивающуюся промышленность страны, и особенно ее государственный сектор.

Ведущей отраслью сирийской экономики является текстильная промышленность. Дамасские ткани извечно составляли славу страны. Крупные государственные комбинаты «Хумасия» и «Дебс» известны и за рубежом. Однажды, блуждая в узких улочках, примыкающих к Хамидийе, мы наткнулись на каменную обитель без окон и с широко открытой дверью. У примитивного станка сидел седой человек в свободной рубахе, глаза его напряженно всматривались, руки быстро двигались. На наших глазах появлялись метры голубой шелковой ткани, пользующейся спросом у туристов. Такие ремесленные предприятия еще существуют. И их пока немало.

Во внутренней торговле страны идет укрепление государственного сектора. При въезде в Дамаск выросло четырехэтажное здание нового универмага с широкими стеклянными витринами. Людской поток вливается в двери и растекается по многочисленным секциям. Мясо-молочные продукты, трикотажные изделия, фрукты, обувь, косметика, готовая одежда, электроприборы — таков далеко не полный перечень товаров первого государственного универмага, продаваемых по более низким ценам, чем в магазинах частного сектора. Новые государственные торговые центры привлекли к себе большой интерес жителей Дамаска и пользуются у них громадным успехом. Как отметила газета «Аль-Баас», покупатели выразили пожелание увеличить сеть государственных торговых предприятий. Наряду с укреплением государственного сектора это будет способствовать и стабилизации цен в стране.

Народ, завоевавший свободу, стремится создать базу для экономической независимости. Этому немало содействует советско-сирийское экономическое сотрудничество, которое служит созданию независимой национальной

экономики Сирии, укреплению и расширению государственного сектора, усилению позиции Сирии в борьбе против натиска империалистических монополий.

Советский Союз проводит твердую линию на расширение сотрудничества с САР. При содействии советских специалистов начато проведение гидрогеологических исследований. На основе программы, разработанной советскими организациями, составляется схема использования водных ресурсов страны (для четырех районов). Осуществление данной схемы, по предварительным данным, позволит в полтора раза увеличить водопотребление и довести его до 2 миллиардов 40 миллионов кубометров в год. «Советско-сирийские отношения,— писала газета „Ас-Саура“,— имеют глубокие корни и славные традиции. Сирия при поддержке Советского Союза и других социалистических стран успешно идет по пути прогрессивного развития».

Широкое сотрудничество СССР с Сирийской Арабской Республикой в деле разведки и добычи нефти позволило Сирии создать в рамках государственного сектора совершенно новую высокорентабельную отрасль промышленности — нефтедобывающую, которая уж сейчас играет важную роль в экономике страны.

Советский Союз оказывает содействие Сирии и в строительстве многих объектов, из которых основным является Евфратский гидроэнергетический комплекс. Возникший на берегах Евфрата новый город Ас-Саура стал подлинным символом высвобождения огромной энергии народных масс, пребывавших в состоянии векового застоя. Их труд и усилия сегодня способствуют развитию национального производства, являющегося важным и решающим фактором в деле построения социализма в стране. Маленькое селение превратилось в современный город с семидесятитысячным населением, с сетью детских садов, школ, больниц, торговых и культурных центров, со всеми коммунальными услугами. Это город, в котором созданы совершенно новые формы общественной жизни. Огромное значение Евфратской ГЭС состоит в том, что станция даст промышленным предприятиям развивающейся Сирии дешевую электроэнергию, которой после окончания строительства будет производиться в четыре раза больше, чем сейчас во всей Сирии. Кроме того, будет осуществлена большая про-

грамма ирригации. В настоящее время в бассейне Евфрата ведется интенсивное строительство ирригационных сооружений для орошения тысяч гектаров земель. В новые деревни будут переселены жители местностей, подлежащих затоплению водами создаваемого водохранилища, проводятся широкие работы по спасению древних исторических памятников, находящихся в этом районе.

Образуемое плотиной искусственное озеро, длина которого составит 70 километров (площадь — 630 квадратных метров), позволит создать здесь крупные рыболовецкие хозяйства.

По словам заместителя генерального директора «Евфратпроекта» Набиля Саади, большинство сирийцев благодаря помощи советских специалистов прошли хорошую школу производственного обучения. Советские рабочие и инженеры делились с сирийскими коллегами производственным опытом, воспитывая у последних чувство ответственности за выполнение порученного им участка работы, сознательное отношение к труду.

В результате исторически сложившихся условий Сирия не имела единой сети железных дорог. Создание единой транспортной сети, необходимой для экономического развития Сирии, не входило в интересы иностранных монополий, получивших концессии на дорожное строительство в прошлом веке. Сейчас транспорт национализирован, идет интенсивная реконструкция старых и строительство новых железнодорожных линий. В этих условиях большое значение имеют построенные с помощью Советского Союза новые железнодорожные линии: Дамаск — Хомс (280 километров), Анкара — Тартус (420 километров), Камышлы — Латакия (750 километров). Эти дороги пересекают страну в разных направлениях и обеспечивают связи всех значительных городов страны с ее столицей.

Большое внимание уделяется развитию транспорта. В 1969 году около Дамаска вырос новый международный аэропорт. Высокая техническая оснащенность аэропорта позволяет принимать межконтинентальные турбореактивные лайнеры типа «ИЛ-2», «Боинг-747», «Конкорд» при любых погодных условиях. Расширяются и внутренние авиационные линии. Осуществляются перевозки грузов и пассажиров на регулярных линиях меж-

ду Дамаском, Халебом, Камышлы, Пальмирой, а также и только что появившимся на карте городом Ас-Саура. Во всех указанных точках имеются аэродромы для внутренней воздушной связи.

В один из теплых апрельских дней 1977 года в порт Латакия прибыло новое торговое судно «Дамаск» водоизмещением 8 тысяч тонн, построенное по заказу правительства. С его прибытием положено начало национальному торговому флоту.

90% всего грузового и пассажирского оборота страны приходится на автомобильный транспорт Сирии. В настоящее время закончено строительство автострады Дамаск — Хомс. Широкая асфальтовая лента перерезала пустыню. Однообразный пейзаж серо-желтых песчаных пространств с гребнями гор Антиливана вдаль оживлен потоком машин. Начата прокладка дороги, которая свяжет Дамаск с Дейр-эз-Зором. В ближайшем будущем будет расширена дорога, соединяющая две столицы — Дамаск и Бейрут. Дорога сейчас в высшей степени перегружена и не отвечает современным техническим требованиям. Катастрофы, заторы, особенно в плохую погоду, стали обычным явлением, а поток грузов растет. Все это вызывает острую необходимость в расширении магистрали. При въезде в Дамаск дорога эта переходит в широкую асфальтовую ленту, бегущую вдоль холодной Баррады навстречу декоративной арке и многочисленным павильонам Международной дамасской ярмарки.

Ежегодная Дамасская ярмарка проводится по инициативе правительства Сирии. В самом центре столицы выделен специальный участок земли, на котором построены многочисленные павильоны. В 1977 году ярмарка проводилась в 24-й раз и приняла гостей из 52 стран Европы и Азии, среди которых Советский Союз, европейские социалистические страны, арабские страны, Италия, ФРГ, Япония, Бразилия, Аргентина.

Ярмарка имеет большое торгово-политическое значение и является крупным событием в жизни Ближнего Востока. Павильоны демонстрируют достижения различных стран в области промышленности, науки, культуры. Здесь заключаются торговые сделки, устанавливаются деловые контакты. Для народа Сирии ежегодная ярмарка превращается в праздник, на который съезжа-

ются из разных уголков страны. Плещутся на ветру разноцветные флаги стран-участниц. Каждый вечер сюда приходят толпы посетителей. Неизменным успехом пользуется советская экспозиция.

Номер в гостинице в дни работы ярмарки достать невозможно. Все переполнено. Из-за недостатка мест семьи зачастую уютно располагаются прямо на газонах. Бегают неугомонные дети, тут же шумит примус, около которого хлопочут женщины, готовя ужин. Затем семья засыпает под звуки музыки, доносящейся из многочисленных летних ресторанчиков. Для этих людей ярмарка — незабываемый праздник.

Каждодневная жизнь Дамаска — это тесное переплетение старых традиций и современной жизни. Говоря о сирийцах, нельзя не упомянуть о том большом влиянии, которое оказывает на их жизнь ислам. В полдень при любых обстоятельствах рабочий, крестьянин, захвативший в столицу, служащий магазина непременно опустится на колени, повернет голову в сторону Мекки и совершит молитву. Пять раз в день голоса муэдзинов вплетаются в шум города. Строятся новые мечети — образцы типично восточного зодчества. Повсеместно соблюдаются мусульманские посты и праздники. Исламская религия охраняется Конституцией и законами. Соблюдение последних контролируется органами партии ПАСВ, полицией, службой безопасности, шейхами, министерствами просвещения, культуры и национальной ориентации, руководителями официальных учреждений. Перед рамаданом (мусульманским постом) общественные деятели выступают по дамасскому телевидению с призывом соблюдать национальные обряды. В период поста рабочий день начинается позже обычного. Есть можно только до наступления зари и после захода солнца, о чем возвещает пушечный выстрел. В течение дня нельзя также ни пить, ни курить. Трудоспособность в эти дни резко падает, нарушается ритм работы на заводах и фабриках. Сокращается программа занятий в школах. По радио и телевидению идут специальные передачи, транслируются религиозные песни, читаются суры из Корана. Однако следует отметить, что определенная часть населения скептически относится к соблюдению поста.

За день до окончания поста радио и телевидение

поздравляют с наступлением праздника разговления, который длится три-четыре дня. Все государственные учреждения прекращают работу, не выходят журналы и газеты. Начинается шумный и радостный праздник, посещение родных и знакомых. Семьи в сопровождении многочисленных чисто вымытых по этому случаю детей выходят на прогулку. Все магазины бойко торгуют, цены резко взмывают вверх. Уличные торговцы предлагают в широком ассортименте сладости, воздушные шарики, игрушки. Кинотеатры переполнены. С неизменным успехом в эти дни идет фильм об Антаре, полуполюгендарном герое арабского эпоса, совершившем свои многочисленные подвиги в разных концах средневекового мира: от Испании до Индии. Для детей устраивают качели, катают их на моторизованных тележках. Разукрашенные автобусы везут желающих в Тартус и Латакию, на побережье. В маленьких приморских ресторанчиках царит веселое оживление, смех, возникают импровизированные танцы под аккомпанемент ударов в ладоши. Заказывается, а также вынимается из многочисленных корзиночек и сумок обильная снедь, и начинается долгая трапеза. Еда у сирийцев — своего рода культ. Если женщина хочет вкусно накормить семью, она проводит у плиты не менее шести часов, создавая шедевры из баранины, лимонов, стручков фасоли, оливкового масла и многих других продуктов. Перед основной едой, состоящей из мясного и рыбного блюда, по традиции на маленьких тарелочках подается, как уже говорилось, закуска — мезза, многообразная и многосменная, состоящая порой из 30 блюд. Кулинарное искусство отточено веками. Ароматы свежезажаренной на вертеле рыбы смешиваются с запахом свежих фруктов с молодыми личотками (знак того, что гостю подают только что сорванный плод). Проникновенное наслаждение жизнью и ее благами завершается обычно маленькой чашечкой хорошо приготовленного и со вкусом выпитого кофе. Дети устраивают между столами радостную возню. Вечером над центральными улицами города зажигаются разноцветные гирлянды лампочек. Праздничная толпа не редет.

Но вернемся к обычной жизни города. В Дамаске полдень. Кончились занятия в школах. По краю тротуара и просто по мостовой идут небольшими группами

девушки — ученицы старших классов. Их походка, немножко ленивая, с легким покачиванием бедер, полна грации. На каждой — военного покроя брюки и куртка. Высоко подняты головы с копнами пушистых волос, перехваченных лентой. В руке — стопка связанных книг. Глаза устремлены вперед и тем не менее успевают во-звратить всю уличную информацию: афишу нового фильма, красивые туфельки в витрине знакомого магазина, фигу-ру юноши, снова стоящего на том же месте и прово-жающего взглядом стайку девушек, внешне подчеркну-то безразличных. Лицо почти каждой из них — лицо Ша-херезады: огромные черные глаза, опущенные длинными ресницами, тонкие полукружья выщипанных бровей, вы-сокий лоб, тонкий с горбинкой нос и в легкой улыбке — красивые зубы. Женственные и нежные, они уделяют немалое внимание своей внешности. С детства в каж-дой девушке воспитывают мысль, что она создана для усад мужчины, для семейного очага, для воспитания многочисленных детей. В Дамаске немало женщин до сих пор носит чадру и большинство мужчин до сих пор разделяет взгляд, сформулированный много веков назад в Коране: «Женщина — верблюдица, которая должна пронести на себе мужчину сквозь пустыню жизни». Для женщин существует одна сфера — семья. Запомнился один характерный случай. Мы были в гостях в интел-лигентной семье. За чашечкой кофе женщины вполголо-са беседовали о зигзагах моды, а мужчины бурно об-суждали своеобразие экономической и политической ситуации в Бейруте. Тема была очень интересной, и я неожиданно, увлекшись, вставила реплику. Разговор мгновенно смолк, и на лицах мужчин появилось такое выражение, как будто в их присутствии заговорил шкаф. В паспортах сирийцев до сих пор сохраняется свобод-ный листок для заполнения анкетных данных для четы-рех жен. Официально многоженство до сих пор не за-прещено, воздействие шариата ощутимо повсеместно. И тем не менее демократические преобразования, про-водимые в стране, вносят свои поправки и в женский вопрос.

Женщины современной Сирии включаются в общест-венную жизнь страны. В настоящее время в Народном собрании САР заседает уже пять женщин. 39% учите-лей страны — также женщины. Одно из положений Кон-

ституции САР гласит: «Государство гарантирует предоставление женщине всех возможностей для эффективного участия в политической, культурной и экономической жизни, содействует ликвидации ограничений, препятствующих ее развитию и участию в строительстве арабского социалистического общества». Среди девушек, идущих по залитой солнцем улице Дамаска, немало будущих врачей, адвокатов, учителей. Женщины Сирии привлекаются к активному участию в политической жизни, пробуждается их классовое и национальное самосознание. Создана Всеобщая федерация сирийских женщин, объединяющая их независимо от социального положения.

В Сирии намечена большая программа введения обязательного начального образования, расширения сети профессионально-технического обучения. Соответственно повышенное внимание уделяется вопросу подготовки преподавательских кадров, обеспечения школ учебниками и учебными пособиями. Выполнение намеченной программы позволит охватить население начальным и средним образованием и поднять его культурный уровень. Ежегодно 7 марта общественность САР отмечает Всеарабский день учителя.

Расширяется Дамасский университет. Недавно открыт сельскохозяйственный факультет, который будет готовить специалистов в области агрономии и животноводства.

Молодежь страны не только учится, но и принимает активное участие в жизни республики. Союз молодежи революции Сирии выпускает собственную газету «Аль-Масира», которая освещает задачи и проблемы, стоящие перед молодым поколением страны на современном этапе.

Молодежь страны растет, крепнет и здоровеет. Высший спортивный комитет САР принял решение о строительстве большого спортивного комплекса, а также стадионов и спортивных залов.

В наследство от колониального периода Сирии досталось полное отсутствие квалифицированных кадров в самых разнообразных областях: образовании, культуре, промышленности, здравоохранении. Сейчас идет упорная борьба за искоренение серьезных инфекционных заболеваний, от которых страдает население. Еще очень

распространены туберкулез, трахома, малярия, оспа, дизентерия и другие болезни.

Более половины жителей страны лишены возможности пользоваться медицинской помощью. Пока не решена проблема создания собственной фармацевтической промышленности и лекарства не по карману низкооплачиваемым гражданам. Только начинают внедряться элементарные санитарные и гигиенические нормы в сельской местности. Однако в стране постепенно увеличивается число квалифицированных кадров врачей и медсестер. По четвертому пятилетнему плану социально-экономического развития САР (на 1976—1980 годы), число врачей будет удвоено. Увеличивается количество провинциальных медицинских центров по охране материнства. Медицинское обслуживание пока еще платное, бесплатно обслуживаются лишь семьи, имеющие доход меньше 200 сирийских фунтов. Но в настоящее время государственная комиссия изучает состояние здравоохранения и готовит законопроект о введении бесплатного медицинского обслуживания всего населения страны. «Медицинское обеспечение,— заявил президент Хафез Асад,— является основной целью предстоящего периода, и мы продолжим дальнейшее изучение и совершенствование этой области».

Расширяются контакты с советскими врачами. Периодически в стране проводятся выставки советских медикаментов. Между Сирией и Советским Союзом за последние годы установилось тесное сотрудничество по обмену опытом и научными знаниями в области медицины, примером чего является заключенное между двумя странами соглашение в области здравоохранения и медицинской науки, которое было подписано в Дамаске членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Вечерний Дамаск расцвечен рекламами. Шумно у входа в кинотеатры «Аз-Захра», «Аль-Кинди», «Амбасадор». Афиши, афиши... французский фильм «Вдова» с участием Симоны Синьоре и Алена Делона, фильм ужасов, итальянский боевик. Кинотеатры арендуют частные лица, и подборка западных фильмов ведется по чисто коммерческим соображениям. В этом плане особого разнообразия нет: насилия, секс, ковбойские приключения. По традиции, программа смешанная. Внача-

ле журнал, торговая реклама, ролик очередного художественного фильма, затем демонстрация основного. Где-то в середине сеанса, на самом интересном месте, фильм прерывается. Зажигается свет, и в притихшем, слегка ошеломленном зале раздаются звонкие голоса мальчишек: «Буза! Гозос!» Они разносят мороженое, бутылки с кока-колой. Щелкают пробки, поднимается дымок от многочисленных сигарет, начинается обмен мнениями, но свет так же внезапно гаснет. Сеанс продолжается.

После создания Сирийского национального центра кино при министерстве культуры и национальной ориентации поток западных фильмов невысокого качества заметно сократился. Теперь НЦК имеет монопольное право импортировать фильмы иностранного производства. Известный в городе кинотеатр «Аль-Кинди» стал государственным, и в нем часто устраиваются просмотры лучших фильмов зарубежных стран. Сирийские зрители познакомились с советскими фильмами «Отелло», «Двенадцатая ночь», «Король Лир», «Много шума из ничего». Не меньший интерес вызвали такие киноленты, как «Укрощение огня», «Гойя», «Большой аттракцион», «Москва — любовь моя» и другие. «Все показанные фильмы проникнуты духом гуманизма, призывом к миру и дружбе», — отмечала центральная газета «Ас-Саура».

В одном из пригородов Дамаска состоялась закладка первого камня в фундамент будущего киногородка. В торжестве принял участие президент республики Хафез Асад. В недалеком будущем здесь вырастет комплекс студийных помещений, лабораторий, необходимых для производства полнометражных и короткометражных фильмов.

Пожалуй, преобладающими в современном кино Сирии являются документальные ленты. Многие из них — «Октябрьская жатва» Мунира Диабуна, «Цветок Голанских высот» Салаха Дехни, «Стратегические объекты» Фейсала Ясри, «Напалм» Набиля аль-Малека — были сняты в тяжелое время израильской агрессии, воздушных боев над Дамаском и на Голанских высотах. Они повествуют о скорби сирийского народа и его гневе, проникнуты трагизмом.

Кинематографисты САР стремятся постичь те процессы, которые характерны для общественного развития их страны на современном этапе. Они часто обращаются

к социальной тематике. Таковы фильмы о буднях сирийской деревни Амара Амира и фильм Вадиса Юсефа «Позор». Политически актуальны многие телевизионные документальные фильмы, показываемые в САР.

На голубом экране мелькали рекламные объявления. Затем начался документальный фильм. Монотонный голос диктора на первых порах не проникал в сознание. Мельком взглянула на экран. На фоне развалин арабского селения появилась старая, седая женщина в черном — обычная крестьянка, но в ее морщинистом спокойном лице было нечто такое, что мгновенно привлекло внимание. Так это же Кунейтра! С этой секунды невозможно было оторваться от экрана. Женщина бесстрастно, как это может делать человек, выплакавший все слезы, рассказывала о себе и погибшем городе. Она была единственным человеком, оставшимся в Кунейтре и пережившим нечто подобное аду.

После «октябрьской войны» Израиль должен был вернуть Сирии город Эль-Кунейтру, но вернул лишь развалины. Пятьдесят тысяч жителей остались без крова, им некуда было вернуться. Эль-Кунейтра разрушалась хладнокровно и систематически. Кадры фильма ошеломляли. Бульдозеры срывали дома. Разграблена мечеть. Священник протягивает руки к стене разрушенной церкви. Гранатами взорваны склепы на христианском кладбище. Разграблены могилы. Ощерившиеся черепа полусгнивших трупов смотрят провалами глаз в высокое небо Кунейтры. Даже они обобраны. В разрушение вложена страсть. Но оправданна ли она? Разрушение Эль-Кунейтры должно было посеять страх и отдалить надежду на мир, но посеяло лишь гнев людей самых разных наций.

Город не восстанавливается. Его черные развалины — тоже памятник, но памятник современного вандализма, напоминающий сирийцам о тревожных событиях, происходящих у порога.

Темы собственной страны не вытесняют актуальнейших тем современного мира. Кинематографисты Сирии выступили в поддержку арабского народа Палестины. Хроника страданий народа передана в «Венке из шипов» аль-Малека.

На дорогах Сирии часто приходится видеть группы людей, сидящих с жалкими узлами на обочине. В их

глазах усталость, безучастность, тоска. Только маленькие оборванцы оживляют эти островки застывшего горя. Палестинцы бредут по бесконечным дорогам изгнания, которым пока не предвидится конца. О горьких буднях палестинских палаточных городков рассказывает фильм Каисс аль-Зубейди «Вдали от родины». Социальные, нравственные, социологические корни трагедии попытались определить Халед Хамад в фильме «Нож» и Гауфль Салех в «Обманутых». Эти ленты имеют политическую значимость, повествуя не только о трагедии, но и о всенародном характере Палестинского движения сопротивления.

Молодое сирийское кино завоевывает признание не только в собственной стране, но и за рубежом. Его представители принимали участие во многих фестивалях в Москве, Кракове, Ташкенте, Карфагене, демонстрировали свои достижения в области документального и художественного кино. На Московском фестивале 1977 года успешно прошел фильм сирийского писателя и режиссера Салаха Духни «Герои рождаются дважды».

Искусство сегодняшнего дня не вытесняет неумиряющих традиций прошлого, и поэтому нельзя не сказать о грациозном и прекрасном искусстве сирийского танца. Французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери знал и любил Восток и в отличие от многих своих современников понимал его. Герой его романа летчик Бернис в редчайшие часы отдыха наслаждался созерцанием женского восточного танца. «Ему нравился этот ритм, державший тело в подвижном равновесии. Это равновесие могло ежеминутно нарушиться, но танцовщицы снова с поразительной уверенностью восстанавливали его. Они волновали чувственность, непрестанно намечая образ, который вот-вот должен был на ваших глазах завершиться и который на пороге этого завершения, на пороге смерти, переходил в новое движение. Это было само воплощенное желание...»

Писатель нашел верное и точное определение сути танца, душа которого, так взволновавшая его героя, родилась на земле Сирии. Летними вечерами публика собирается в кабаре и ресторанах Дамаска. Она стекается медленно, рассаживается за столиками, громко смеется. Но шум смолкает, как только на сцене появляется любимая танцовщица, Восточный танец — это прежде всего

выраженная в пластике движений любовь, сплав самых разнообразных чувств — гнева, страха, печали, чувства собственного достоинства, неистового желания и даже минутной ненависти к любимому. Между танцовщицей и каждым инструментом оркестра существует невидимый зрителю тесный контакт. Неуловимым движением глаз женщина диктует быстрый или медленный ритм или требует сопровождения одного ею выбранного инструмента. Танцовщица и музыкант создают чудо — синтез музыки и пластики женского тела. Глубоко заблуждается тот, кто думает, будто арабский танец — это всегда импровизация. У настоящей танцовщицы каждый жест тщательно отрепетирован, за каждым движением скрываются месяцы непрерывного и изнуряющего труда. И в то же время образы танца абсолютно неповторимы.

Однажды мы оказались свидетелями того, как один зритель, увлеченный красотой танца и обаянием танцовщицы, выскочил на подмостки. Он был очень забавен: маленький, толстый, немолодой. Но столько искреннего восторга было в его глазах, в далеко не классических движениях тела и рук, что хохот сменился горячими аплодисментами публики, оценившей юмор положения. А виновник уже стоял на коленях перед своим идолом, кружащимся в бешеном, сверкающем вихре. Исполнение танцев продолжалось далеко за полночь. Когда на сцене исполнялся классический танец живота, в опустевшем зале сидела уже только небольшая группа истинных ценителей искусства.

Гасли огни, тянуло ночной прохладой. Желаящие отправились смотреть ночной Дамаск. Для этого надо подняться вверх, на гору. В эти часы город — море огоньков, мерцающих у подножия Касьюна. На темном южном небе — яркая луна, ничто не нарушает тишины. Это редкой красоты зрелище породило немало поэтических строк, и среди них стихи популярнейшего современного арабского поэта Рашида аль-Ясина:

О Дамаск, я люблюсь тобой!
Я люблю твоих утренних улиц простор,
Брызги первых лучей и садов аромат,
И когда вечерами над шапками гор
Пламенест багровый закат,
Озаряя вдали минарет золотой,
О Дамаск, я люблюсь тобой!

Лирическое настроение рождается не только у поэтов. Дамаск, древняя и современная столица, остается в сердце каждого, кто здесь побывал.

ЭПОХА ЛЕГЕНД И СКАЗАНИЙ

Первое общество, возникшее на территории Сирии, было земледельческим и скотоводческим. От тех древнейших времен остались легенды, нередко пронизанные трагизмом. Одна из таких легенд о Каине и Авеле.

Острые камни летят из-под колес машины. Мы давно свернули с дороги, ведущей из Дамаска в Забадани. Поднимаемся на очередной холм, спускаемся. На горизонте — цепь гор в утренней дымке. Поблизости никого, кто мог бы указать нам путь. Мы ищем могилу Авеля. Наконец, впереди появляются очертания приземистого строения с куполом, столь знакомого по многочисленным путеводителям. Под деревьями сидят арабы, спокойно беседуя и перебирая четки. Женщины хлопчут у котла. Безголовая туша барана, предназначенная для пиршества, валяется здесь же. Крестьяне из соседних деревень съехались, чтобы отметить религиозный праздник. И мы здесь несколько некстати. Идет служба. Квадратный двор мечети заполнен мужчинами и подростками, которые молча и настороженно смотрят на туристов. Женщины также бросают любопытные взгляды из-под черных накидок и обмениваются тихими смешливыми репликами.

Именно эта маленькая мечеть — место, которое на протяжении многих веков связывается в сознании человечества с древнейшей легендой. Здесь в маленькой часовне могила Авеля.

У Адама и Евы было два сына — Каин и Авель. Однажды Каин принес в дар богу плоды земли, а Авель — ягнят из своего стада. Бог принял дары последнего. Снедаемый завистью, Каин заманил брата в поле и убил его. И сказал бог в великом гневе: «Что ты сделал! Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли». И проклят был Каин, став изгнанником и скитальцем на земле во веки веков.

Легенда о Каине и Авеле — отражение вражды, существовавшей между скотоводческими и земледельче-

скими народами. На протяжении многих веков Авель оставался невинной жертвой. Но с течением времени библейские образы обрели новое содержание. Писатели и поэты, обращаясь к той же теме, предпочли фигуру Каина, восставшего против бога, мужественного и благородного героя, одинокого в своем изгнании. Таким он предстает, например, в одноименной поэме Байрона.

Туристы разных стран приезжают к маленькой часовне, тихо стоят у стены, философски размышляют о судьбе человека, о мучительном пути его, преодолевающим первобытные предрассудки, войны, мировые катаклизмы в оптимистическом порыве к будущему.

Другая легенда относит нас к далекому XVIII веку до н. э.

Измученный дальней дорогой, миновав пустыни и редкие оазисы, караван подошел к Дамаску. У стен города путники разбили шатры, разожгли костры, у которых женщины готовили вечернюю трапезу. Расположились на привал лучники — защитники каравана. В вечернем воздухе плыл дым костров, слышалось блеяние овец, перезвон колокольчиков. В сумраке тонули бесконечные поля, оливковые рощи и сады, окружавшие прекрасный светлый город. Когда солнце скрылось за горой, под аккомпанемент лир запели грустные песни. А впереди ждал изнурительный, тяжелый путь в землю обетованную, куда вел свое племя Авраам. И память об этой остановке осталась в памяти народной на долгие века.

Берзех — маленькое селение около Дамаска. Дома разбросаны по склонам двух гор. По шоссе снуют такси, грузовые машины. Стынут под зимним небом ветви деревьев. Из рупора мечети слышен крик муэдзина. В кофейнях сидят арабы в длинных черных одеждах. Головы закутаны в пестрые национальные платки. Курят кальян. Бегут из школы дети в светло-коричневых халатиках: у них кончились занятия. Селение как селение, и тем не менее народная память выделила его среди прочих, ибо именно здесь останавливался Авраам, которого мусульмане также почитают своим Пророком. В путеводителе читаем: «Около селения у подножия отвесной скалы находится максам Ибрагим, или святилище Авраама». Воображение мгновенно рисует дикую

скалу с огромной и таинственной пещерой. Но кругом нет ничего подобного, а мы уже несколько раз пересекли Берзех. Опять сворачиваем с дороги в сторону, едем наугад. Под колесами мягкое месиво из глины и песка. Снова разворачиваем машину. Наконец, в тщетной надежде обращаемся к ребятишкам. «Да это здесь, здесь»,— весело кричат они, показывая на обычный каменный забор двухэтажного дома. «А вы кто, откуда?» Узнав, что мы русские, доброжелательно кричат: «Садыки! Садыки! (Друзья!)» — и гурьбой ведут нас во двор. Пять женщин в черной одежде поднимаются с порога. «Ахлен! Ахлен!» («Добро пожаловать!») — слышим мы со всех сторон. Самая бойкая из женщин — беременная молодуха,— быстро и ловко передвигая свое отяжелевшее тело, поднимается по скрипучим деревянным ступеням старого арабского дома. Мы проходим по галерее, устланной домашними половиками, и останавливаемся перед входом в скалу. Веселая провожающая дает нам по свече, и в полной тишине, ощущая некоторую робость, мы начинаем передвигаться по тесному коридору. Пламя свечи прыгает, освещает каменные выступы, окрашенные в темно-зеленый цвет. Остановка. Зажигаем вторую свечу. За спиной чувствуем учащенное дыхание беременной женщины, ее любопытный взгляд. Перед нами небольшая пещера, где с трудом могут поместиться три человека. От стен тянет сыростью и холодом. В душе — что-то похожее на легкое разочарование. В этой пещере, согласно легенде, отдыхал Авраам в ночь трудного перехода в землю Ханаанскую. Свечи гаснут. Мы возвращаемся, поблагодарив «экскурсовода». На дворе у колодца нас ждут дети. Они выстроились в ряд, лица очень серьезные — готовы фотографироваться. Женщины улыбаются и прикрывают лицо черными платками, как того требует мусульманский обычай. Через несколько минут мы покидаем Берзех.

ПОЕЗДКА В «ЗЕМНОЙ РАЙ»

В окрестностях Дамаска немало интересных мест, связанных с историей и культурой страны. Это памятники античного мира, удивительные по красоте мечети. Некоторые селения знамениты событиями нашего века.

Дамаск окружают и живописные долины, горы, сады. Все это звенья одной цепи, без которых картина жизни современной Сирии была бы неполной.

Над Дамаском жаркое июльское марево. Тепло источают и стены домов, и асфальт мостовых. Горячий воздух смешивается с выхлопными газами, пылью. Из открытых дверей ресторанчиков доносится запах жаркого, пряных приправ. Дома сонные, с плотно закрытыми ставнями. Они, как и люди, ждут благодатной прохлады вечера. Как это бывает на юге, солнце внезапно падает за горизонт и наступает тихая южная ночь. Несколько прохладных часов не успевают освежить город, а утром снова изнуряющая жара.

В это время года мусульмане с особенным нетерпением ждут пятницы, а христиане воскресенья, чтобы отправиться из душного шумного города на лоно природы. Любимое место отдыха дамаскинцев — курортное местечко Забадани (поселок с 4500 жителей). На несколько километров простирается плодороднейшая долина с фруктовыми и цитрусовыми деревьями. В яблоневых садах прячутся аккуратные домики из светлого камня. Чистый горный воздух пропитан запахами трав и цветов. Высокие хребты ограждают долину, создавая удивительный микроклимат. По преданию, на одной из ближайших вершин останавливался Ноев ковчег. Согласно другому преданию, в этом месте был когда-то Эдем — «земной рай», куда после сотворения мира бог поместил первого мужчину и первую женщину. Плод одной из яблонь, которыми славится Забадани, и соблазнил Еву.

У дороги лежат в деревенских корзинах прославленные яблоки. Пожалуйста, покупай! Ешь на здоровье! Яблоки небольшие, с одной стороны красные, с другой — желтые. В свое время Забадани славилось и своими розами, которые вывозили в Каир и в Мекку.

В выходные дни десятки машин стоят перед многочисленными чиккен-хаузами — небольшими ресторанчиками, где многодетные семьи, уютно устроившись на открытых террасах, наслаждаются забаданским пейзажем и шедеврами местной кухни: особо зажаренной курицей, тончайшими белыми лепешками, салатами.

Недалеко от Забадани, у подножия горы Джебель-Гарби, находится озеро, питаемое многочисленными под-

земными источниками. Именно отсюда берет свое начало знаменитая Золотая река древности — современная Баррада. Постепенно увеличиваясь и пройдя горные ущелья, она вырывается на просторы дамасской Г. з. Отлогий рельеф подножия гор способствовал строительству каналов, первые из которых появились еще при арамейцах (Тора). В I—III веках, в римскую эпоху, был построен канал Канават. В эпоху Омейядов строительство каналов продолжалось.

Забадани представляет немалый интерес для историков и археологов. В десяти километрах от селения, в горах, расположена деревушка Сергайя, откуда открывается живописный вид на долину. Около деревни, на восточном отроге горного хребта, сохранились высеченные в скале погребальные пещеры, ниши для захоронений, водохранилища, каменные давилки для фруктов, остатки древнего храма. На одной из оставшихся колонн сохранилась греческая надпись.

Еще выше в горах — деревня Блудан, также курортное местечко, расположенное на склоне самой высокой в этом районе горы. Здесь чистый горный воздух, постоянная прохлада. На вершине бьют многочисленные ключи. Звенящие струи стекают вниз, питая яблоневые и абрикосовые сады. Внимание приезжих привлекают минеральные источники: их вода обладает целебными свойствами.

Вечером длинная вереница легковых машин и автобусов спускается с гор и движется в сторону Дамаска. Лента шоссе неотступно следует вдоль русла реки, цепляясь за склоны ущелья. В 40 километрах от Дамаска, у моста через Барраду, сохранился кусок древнеримской дороги и следы опор виадука. Найденная латинская надпись сообщает, что дорога была отремонтирована в период правления императора Марка Аврелия. Внизу под дорогой акведуки. Древние строители проложили его местами над открытым небом, местами прорубали в скалах туннели. Чуть дальше находятся погребальные гроты, когда-то закрытые массивными каменными дверями, исчезнувшими со временем. Древнее и современное соседствует и здесь, как и в любом другом уголке Сирии. В нескольких метрах расположена деревушка Текие, где действует современная электростанция, обслуживающая Дамаск. А рядом другая деревушка — Сук-

Вади Баррада. В III—IV веках это была столица одной из тетрархий Римской империи — Абилены, куда входила часть современного Ливана, горный массив Джебель-Друз и Палестина. В V веке Абила стала центром епископства. В 634 году, когда крестьяне съехались в Абилу на ежегодную ярмарку, на город внезапно напали мусульмане. Отсюда и название деревни — Сук-Вади-Баррада.

Чем ближе к Дамаску, тем больше зелени. В садах утопает местечко Айн-Фидже, где сохранились развалины античного храма. Наше внимание привлекает знаменитый местный источник, который использовался еще древними жителями Дамаска, построившими акведуки для подачи питьевой воды в город. Развалины римского храма указывают, что источник был весьма почитаем. Вода стремительно вырывается из-под античного свода, бежит по каменной платформе и попадает в бассейн, где летом можно купаться. Часть воды по трубам отводится в Дамаск, другая попадает в Барраду. Источник сохраняет исключительное значение и в настоящее время. Расширяется городское строительство, много воды забирает Гута. В районе Айн-Фидже работают поисковые группы, решающие целый ряд вопросов: может ли источник дать больше воды, уходит ли часть воды под землю, существуют ли какие-либо подземные водосборники, искусственное расширение которых позволило бы накапливать дождевые осадки и паводковые воды; выясняется структура карстовых отложений.

На каменной платформе массивные глыбы разрушенной стены древнего храма яacobитов. Сирийские христиане — яacobиты (по имени епископа Якоба Барадаи, жившего в IV веке) до сих пор свои богослужения совершают на древнем арамейском языке, одном из мертвых семитских языков.

Деревушки утопают в зелени садов, и почти каждая так или иначе отмечена перстом истории. Рыжие скалы с черными пятнами погребальных гротов, остатки акведуков... Темная лента шоссе несет вереницу машин, возвращающихся в город. Еще немного — и мы будем в Дамаске.

В окрестностях Дамаска сохранились и замечательные памятники исламского искусства. Один из таких памятников — мечеть, построенная на могиле внучки Про-

рока Мухаммеда, Зейнаб. Из города сюда можно доехать за полчаса.

Вдоль дороги тянутся знакомые сады Гуты, глинобитные крестьянские постройки. Далее полоса пустынной земли с маленьким кирпичным заводиком, на котором временно подрабатывают бедуины. Семьи их здесь же. У шатров бегают смуглые дети в длинных рубашках. Женщины, высокие, стройные, в черных платьях, украшенных серебряными бусами и подвесками, ходят около шатров, готовят еду. Пейзаж становится скучным, унылым — и вдруг за поворотом появляется нежно-голубой купол, хорошо известный по многочисленным туристическим проспектам.

Маленькая пыльная площадь перед входом почти пуста. Бедно одетая женщина, протянув руку, монотонно тянет: «Подайте ради Зейнаб! Подайте!..» Голос наигранно жалобен, глаза же смотрят откровенно зло и угрюмо. Туристов почти нет. Продавцы глиняных горшков, посуды, мелкой утвари сидят без дела возле своих товаров. Торговля оживает в пятницу, когда в мечеть приезжают крестьяне из соседних деревень.

Проемом в каменной стене начинается коридор, миновав который мы очутились во дворе, окруженном галереей. Справа от нас на каменном полу сидели в кружок седобородые старцы в белоснежных чалмах. Расположились они картинно, живописно, как будто ожила перед нами средневековая миниатюра. Мы быстро вошли в мечеть и... мгновенно остановились, как бы наткнувшись на невидимое препятствие. На нас устремились десятки недоброжелательных, любопытных, злых глаз. Люди пребывали в самых разных позах, сидели на коврах, стояли прислонившись лбом к священному надгробию. Каждый пришел сюда со своим, но в то мгновение они были едины в своей неприязни к непрошеным европейцам. Даже спины сидящих мужчин, казалось, выражали равнодушие и презрение. Девушки с наивной бесцеремонностью рассматривали наши лица, одежду. Под этими многочисленными взглядами, преодолевая смущение, мы сделали несколько шагов к надгробию. Мечеть Зейнаб была прекрасна! Тысячи искусно сгруппированных зеркал отражали лучи света, создавая необычайный эффект. В центре этого праздника света находилась большая серебряная рака. По четырем уг-

лам ее поднимались высокие столбики, покрытые царепинами, вмятинами, многочисленными надписями. К ним прижимались лбом, губами, их ласкали руками. Огромная сверкающая капля хрустальной люстры бросала снопы света на голубую эмаль. Рельефные зеркальные стены раздвигали небольшое пространство мечети. Серебро, хрусталь, нежнейшие голубые и серые тона создавали атмосферу легкости, изящества, красоты. Девушки протягивали тонкие смуглые руки к надгробию Зейнаб. Ликующий свет приглушался только на многочисленных коврах, которыми был застелен пол мечети.

Склонив голову, мы стояли у серебряной решетки, думая о зодчих, которые сумели превратить память о смерти в память о светлой земной человеческой жизни.

МИФЫ И БЫЛИ СЕДНАИИ

Пронизывающий ветер не утихал. Небо в серых тучах давило на землю, голую и унылую. От серо-желтых гор с петушиными гребешками камней на вершинах веяло тоской. Широкая асфальтовая лента дороги не оживляла зимний пейзаж. В этот пустынный край бежали когда-то первые христиане Сирии. Преследуемые и измученные, они находили приют в пещерах, ревностно оберегая свой культ и веру. В горной долине выросла деревушка, затем церковь, монастырь.

Сейчас монастырь в Седнае занимает второе место после Иерусалима по количеству посетителей. Сюда приезжают многочисленные пилигримы и туристы. Монастырь построен на скале, нависающей над деревней, ничем не отличающейся от тысяч других сирийских деревень. Появление его, естественно, связано с легендами. Одна из них повествует о закладке монастыря императором Юстинианом по велению женщины-призрака, явившейся ему в виде газели.

Монастырь славится своей редкостной иконой Божьей матери, написанной, по преданию, святым Лукой, а также другими бесценными иконами V, VI и VII веков. Монастырская библиотека хранит уникальные древние манускрипты, в одном из которых, в частности, указана дата постройки монастыря (547).

Современный монастырь — светлокаменное здание с

Седная

обширными помещениями. О первых веках его существования напоминают лишь вырубленные в окрестных скалах многочисленные камеры-захоронения и древние алтари. Саркофаги в каменных нишах давно разграблены, а каменные полы в небольших пещерах покрыты нечистотами.

Через маленькую, окованную железом дверь мы проникли в церковь, заполненную прихожанами. На деревянных скамьях сидели скромно одетые мужчины и женщины. Серьезные малыши подражали взрослым. На ближайшей скамье подвинулись, жестом предлагая нам место. Шла служба. Пел высокий гортанный женский голос, сменившийся басом священника. Дверь приоткрылась, и в церковь вошла молодая пара с грудным ребенком на руках. Никто не шелохнулся. Молодые заняли свое место. Служба шла своим чередом. В проходе появился старик с большим подносом, на котором громоздились маленькие сухие ломтики от одной огромной лепешки. С незапамятных времен, с первых веков христианства (с его ярко выраженными элементами демо-

кратизма) сохраняется эта традиция: братья-христиане вкушают от одного хлеба. Затем в рядах прихожан появился еще один поднос. Его движению сопутствовал звон бросаемых монет. Свет серого дня едва проникал в холодное помещение. Ослепительный блеск люстр, многочисленные горящие свечи у деревянного иконостаса, тишина, прерываемая лишь легким кашлем, монотонный ход православной службы создавали особое настроение. Это было мгновение из далекого времени.

Кончилась служба, но прихожане не покидали своих мест. К выходу потянулась цепочка юных монахинь в одинаковых черных вязаных шапочках-шлемах, плотно прилегающих к голове, в вязаных пелеринках и черных длинных платьях. Девушки двигались бесшумно, опустив глаза. На бледных щеках — тени от ресниц, слегка дрожащих. Руки сцеплены у груди. Они, конечно, чувствовали наш пристальный взгляд, но ни одна не подняла глаз. От облика этих девочек веяло чистотой, невинностью. Их лица были красивы, как красива сама молодость, но на них лежала печать отреченности от мирского. Юные монахини исчезали в проеме двери как бесшумные тени, оставляя нам грустное настроение. Внезапно над ухом кто-то произнес отчетливо: «Вы, вероятно, хотели бы осмотреть часовню? Она направо от входа. Пожалуйста, проходите». Перед нами стояла сероглазая молодая женщина в монашеской одежде. Взгляд ее был спокоен и приветлив. Растерявшись, я не сразу поблагодарила ее. Женщина исчезла, завершая шествие монахинь. Мы вместе с прихожанами также покинули церковь и отправились на поиски знаменитой часовни.

Она оказалась совсем рядом, скромная и неприметная. У входа надпись: «Снимите обувь свою. Вы ступаете на святую землю». Надпись уже создавала своеобразный настрой. Стояли январские холода, и ноги без обуви не могли не чувствовать ледяные прикосновения каменных ступеней. Но вскоре мы перестали замечать «такие мелочи». В полутемном каменном помещении были только иконы — древнейшего греческого письма. Они висели на стенах, лишённые окладов. Сквозь вековые наслоения проглядывали темные, скорбные лики святых. Во втором помещении горели многочисленные свечи. Блики света перебежали по темному потолку, мно-

гочисленным иконам в серебряных окладах, по тяжелым бронзовым подсвечникам, падали на лица людей, обращенные к стене. Здесь была и сероглазая монахиня, пригласившая нас сюда. Я ожидала увидеть большую икону. Монахиня знаками показала, что нужно наклонить голову и посмотреть в щель. Перед глазами появилась маленькая серебряная рака, которая и скрывала крошечную древнюю икону, тщательно охраняемую.

В воздухе разлился аромат благовоний. Постепенно свечи гасли одна за другой. Полумрак сгущался. На стене около раки светились многочисленные крошечные изображения рук, ног, сердец, сделанные из золота, — приношения тех, кто жаждал избавления от болезней. Монахини тщательно заботятся о святой святых — иконе Божьей матери. Во времена крестоносцев монахи посылали масло, которое якобы течет с лица иконы, в церкви Европы как драгоценную реликвию.

Пол, застеленный ковриками, делал неслышными звуки шагов. Последней уходила молодая монашенка; она гасила свечи, ей помогали девочки-прихожанки (за нашей спиной слышался приглушенный легкий девичий смех, шорох).

Монастырь, с его многочисленными переходами, кельями, напоминает непосвященному лабиринт. Монастырская гостиница пустовала. Через открытую дверь был виден салон с маленькими столиками, низкими и узкими диванами. Номера (аскетически обставленные комнатки) ждали паломников. Навстречу нам шел священник, помахивая зонтиком. Он шел быстро, никого не замечая, сосредоточенно глядя себе под ноги. Мы поднялись на верхнюю площадку монастыря, откуда открывался вид на долину с многочисленными церквями, разбросанными здесь и там; на соседней скале чернели пятна гротов. Ветер неистовствовал, налетая порывами. Пытаясь укрыться, мы пересекли площадку и наткнулись на странные отверстия в камне. Заглянув в них, изумленно остановились. На глубине нескольких метров горел огонь, ловкие руки снимали с большой сковороды, стоящей на огне, огромную лепешку, раскатывали тесто, чтобы через мгновение превратить его в тот хлеб, кусочки которого лежали на большом подносе в церкви. Мы нечаянно заглянули в монастырскую пекарню,

Жизнь в монастыре носит двойственный характер. Одна часть ее скрыта от посторонних глаз, другая тесно связана с мирскими делами. У каменной стены пожилые монашенки разложили на столиках многочисленные сувениры: иконки с изображением Божьей матери, монастыря, четки, изображения знакомого образа на металле, пластмассе, серебре и т. д. В маленькой комнате лежали кипы проспектов с видами Седнайи и рассказами о ее чудесах.

Женский монастырь в Седнайе — один из самых богатых в стране. Он владеет обширными землями и недвижимостью. 8 сентября каждого года, в день рождения Божьей матери, его посещают тысячи паломников из разных частей света, и в этих пилигримах монастырь, естественно, заинтересован. Руководит монастырскими делами аббатиса, под неусыпным оком которой живут пятьдесят монахинь.

Каждый приехавший в монастырь спешит взглянуть на знаменитую икону — «шагуру» Седнайи («знаменитейшую» Седнайи), преклонить перед ней колени, попросить ее благословения. «Знаменитейшая» появилась в монастыре значительно позднее его постройки, и с ее появлением, естественно, связано предание.

В те далекие времена старичок-паломник, грек по происхождению, на пути к святым местам в Иерусалим, остановился в Седнайе. Настоятельница попросила его купить в Иерусалиме икону Божьей матери. Паломник выполнил просьбу. На обратной дороге караван, с которым он передвигался, не раз подвергался нападениям, и всякий раз грека спасала икона. Не желая с ней расставаться, он солгал настоятельнице, заявив, что не купил иконы, но наутро следующего дня не смог покинуть своей комнаты: его держала невидимая сила. После многих тщетных попыток освободиться человек вынужден был признаться в обмане, и икона, таким образом, осталась на веки вечные в Седнайе. С бесчисленными легендами и историями связаны многочисленные террасы, купола монастыря. В страшные годы чумы, в годы бесконечных войн вокруг монастыря двигались процессии, взывавшие о помощи, которая не всегда приходила. С теми далекими, дикими временами связана популярность Седнайи. С тех пор она считается верующими одним из наиболее «святых» мест.

МААЛЮЛЯ — УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНОСТИ

Огромные камни застыли на склоне, нависая над крышами домиков, напоминающих хрупкие ласточкины гнезда. Древняя кладка перемежается с современной. Дома лепятся к отвесному срезу скал, образуя живописный амфитеатр с узкими ниточками тропинок и кривых улочек. Выше чернеют пятна пещер — древнейшие здесь следы человека. В этом глухом месте, среди скал стоит старый женский монастырь святой Теклы. И, конечно, и с ним связаны предания.

Текла — ученица святого Павла — бежала от гнева своего отца-язычника. Непреодолимым препятствием на ее пути к спасению стала гора. Девушка в отчаянии воздела руки к небу, моля о помощи. Гора мгновенно раскололась, образовав щель-проход, по которому Текла и смогла уйти от преследователей. Позже она построила на этом месте монастырь, в одной из комнат которого покоятся ее останки. Жители Маалюли боготворят свою святую, считая ее покровительницей деревни, охранительницей от невзгод.

Каменный проход-разлом в горе действительно существует. Он довольно длинный. Скалы то сближаются, то разбегаются, моментами приходится низко наклонять голову, чтобы пройти через этот коридор. Под ногами бежит ручей. Монастырь святой Теклы — красивое здание, как бы выросшее из скалы. Желтый цвет квадратных плит кладки гармонирует с естественным цветом гор. Архитекторы блестяще обыграли естественный рельеф местности, талантливо использовав каждый метр площади, отвоеванный у скал.

В маленькой каменной часовне тихо. Старая монахиня, зажигающая в полумраке лампы, приглашает зайти посмотреть многочисленные иконы с изображением Теклы, написанные в разное время, — от очень древних, почерневших, до современных, отливающих яркими красками. Монахиня полная, не очень опрятно одетая, суетливая. «Простите, мадам», — говорю я привычно. Монахиня в ужасе вскидывает руки: «Что вы! Что вы такое говорите!» Рука ее быстро опускается за пазуху, пальцы что-то судорожно ищут — крест: «Я сестра, сестра...» Мне страшно неловко за нечаянную бестактность. Приношу извинения. Монахиня ловко принимает монеты —

традиционную дань туристов, и мы расстаемся. Перед часовней стоит старая, потрескавшаяся от времени мраморная чаша на стройной подставке. Со скалы стекают капли воды. Они падают в чашу, и в тишине раздается бесконечно грустный звук: «Кап, кап, кап...» Это вечные слезы многострадальной Теклы.

Узкая дорога спускается от монастыря к селению. Дети с интересом разглядывают бегущие машины и гадают: «Из какой страны?» Жители Маалюли привыкли к многочисленным гостям и встречают их с типично восточным радушием и благожелательностью. Туристов привлекает не только своеобразие самой деревни в скалах, ее знаменитый монастырь, но и арамейский язык, на котором говорят жители. На этом древнем языке были написаны некоторые книги Библии, на нем говорило население знаменитой Пальмиры, но как живой он сохранился только в Маалюле, где свято передается из поколения в поколение.

Высоко на скале стоит и еще одна достопримечательность Маалюли — монастырь святого Сергия, построенный в византийскую эпоху. Карабкаться по скале, да еще в жаркий день — очень тяжело. Но древний монастырь, полуразрушенный, сохранивший на стенах непотускневшие фрески, очень интересен. Здесь стоит тишина и нет привычных гидов. Вам предоставляется возможность самим делать маленькие открытия, что доставляет необычайную радость.

В РУСЛЕ СТАРЫХ И НОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Говоря о современной Сирии, нельзя не сказать о ее литературе, которая всегда отражала характерные черты культурной, общественной и политической жизни страны. В современной Сирии ярко выражена тяга к книге. Где-нибудь в провинции, шагая по тропинке или по шоссе, вы увидите девушку или юношу с учебником в руках. Они занимаются. А почему не дома? На этот вопрос отвечают: «Дома заниматься трудно из-за многочисленных братьев и сестер». Интерес не только к литературе специальной, но и к художественной растет.

В стране много книжных магазинов — самых разных, от крупных, с хорошо оформленными витринами, до не-

больших магазинчиков с пыльными полками и неразберихой на прилавке и самых мелких лавчонок, торгующих всем и вся, где яркая обложка романа соседствует с банкой, наполненной крупой. В первую очередь бросается в глаза обилие западной литературы, особенно французской. Классика — от Гюго и Флобера до Франсуазы Саган. И литература здесь наиновейшая. С ярких обложек на вас смотрят убийцы с оружием в руках, полуголые светловолосые красотки, монстры и вампиры. Но среди этих персонажей то здесь, то там мелькает доброе усатое лицо, хорошо знакомое не только по книжным обложкам, но и по изображениям на меди, дереве, коврах, лубочных картинках. Это любимейший национальный фольклорный герой Антара. Как правило, его изображают сидящим на верблюде. Голова повернута, большие черные глаза устремлены на зрителя, кончики усов лихо загнуты кверху. Таков его традиционный портрет. Кстати, знаменитый сирийский народный «Роман об Антаре» недавно переведен на русский язык.

Антара — лицо историческое. Он жил где-то на рубеже VI и VII веков. Сын шейха кочевого племени — араба и черной невольницы, он, казалось, был обречен на рабское существование. Однако безграничная храбрость юноши, его мужество заставили окружающих принять его как равного члена племени. Антара совершил немало геройских подвигов. Он прославился и как талантливый поэт. Большинство его лирических стихов было посвящено любимой девушке Абле. Другие стихи представляли собой военные декламации, которые читались перед очередным сражением, чтобы поднять дух войска.

Повествования об Антаре обросли со временем массой фантастических подробностей, многие факты реальной жизни героя произвольно перемещались. Роман рассказывает о поездке Антары на Евфрат за верблюдами, о походе в Иран и встречах с Хосровом I и Хосровом II, о помощи императору Ираклию в борьбе против франков. Антара путешествует по Сирии, Европе, приезжает в Константинополь, посещает ряд других городов. Народная фантазия причудливо собрала разнообразные исторические факты, поставив в центре их обаятельную, энергичную фигуру любимого героя. «Роман об Антаре» популярен до сих пор. Эпос — тот источник, к которому обращаются и современные писатели и художники.

Современная литература Сирии развивается в русле как новых, так и старых традиций. Для произведений традиционной школы характерен интерес к историческим событиям, стремление высветить наиболее героические страницы борьбы народа за независимость. Такова новелла «Слеза Салах-ад-Дина» Халиля аль-Хиндауи или рассказ Музаффера Султани «В ожидании судьбы». Автор ряда романов и новелл Фадиль ас-Сибай в «Истине, покрытой мраком» рассказал о трагической судьбе крестьянской бедной девушки, против воли выданной замуж за старого богатого мельника. В произведениях писателей данного направления есть, безусловно, элементы социальной критики, однако они редко поднимаются до глубоких обобщений. В литературе Сирии ощутимо влияние современных западных модернистских течений (Аднан ад-Даук, притча «Данный крест»).

60—70-е годы знаменуются приходом в литературу молодых писателей, обратившихся к актуальнейшим вопросам современности. К поколению «заложников времени» относится молодой романист Фейсал Хаурани. Его талантливый роман «Осажденные» признан крупным явлением в литературной жизни страны. В центре внимания автора — судьбы Палестинского движения сопротивления.

Фейсал Хаурани сумел обобщить в своем романе характернейший конфликт своего времени и наметил тот путь, по которому успешно идет молодая литература Сирии, тесно связанная с арабским национально-освободительным движением и движением Палестинского сопротивления. Передовая литература страны находится в авангарде борьбы, которую ведет народ за лучшее будущее.

* * *

Наше путешествие закончилось. В памяти на какой-то миг проносится все виденное — из прошлого страны и жизни наших дней. Здесь особенно остро ощущаешь начало нашего времени.

Сирия всегда вызывала глубокий интерес у представителей нашей страны. Советских людей радует прогресс, переживаемый страной, изменения, способствующие превращению Сирии в одно из ведущих государств арабского мира. Оглядывая мысленным взором прошлое страны, мы знаем, что ее ждет прекрасное завтра.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Латакия — крупнейший порт Сирии	5
На Арваде	12
Джебла	19
Театр в Джебле	23
Вторые морские ворота Сирии	26
Крак де Шевалье — замок рыцарей	30
Крепость Салах-ад-Дина	35
Родина древнейшего алфавита	38
«Город, который никогда не побеждали с сотворения мира»	53
Джебель-Аккра и Рас-эль-Бассит	56
О птице Феникс и некоторых современных проблемах	61
Халеб	63
Мертвые города Сирии	82
Город «ароматов» и город знаменитого халифа	86
Таинственный город пустыни	89
Апамея	95
Государство Мари	99
Великий мудрец из Маарета	106
Ас-Саура — гордость сирийского народа	109
Женщины Ас-Сауры	111
Пальмира	116
Хама — город глубокой древности	138
Индустриальный Хомс	144
Встреча с вечным городом	146
Эпоха легенд и сказаний	184
Поездка в «земной рай»	186
Мифы и были Седнайи	191
Маалюля — уникальный памятник древности	196
В русле старых и новых традиций	197

Ада Андреевна Дружинина

СИРИЯ СТАРАЯ И НОВАЯ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Т. К. Гарушянц*. Младший редактор *Л. А. Добродеева*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 13704

Сдано в набор 11.04.79 г. Подписано к печати 20.08.79 г. А-02871. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,85. Тираж 30 000 экз. Заказ 242. Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

102

35 коп.